НИК. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ.

ШПІОНЫ И СОЛДАТЫ

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

ШПІОНЫ И СОЛДАТЫ

ПЕТРОГРАДЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУБИКОНЪ“
1915

Тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ Петроградѣ, 7 рота, 26.

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ.

ТАИНСТВЕННЫЙ УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ

1.

Минуло всего пять-шесть лѣтъ, какъ Петръ Цвиркунъ вышелъ въ запасъ. А уже успѣлъ забыть свою солдатчину. Смутно-смутно рисовалась она ему изъ этой глухой полѣсской деревушки.

Такой глухой, — не приведи Богъ! — Отъ чугунки — двѣсти восемнадцать верстъ, и нѣтъ вблизи ни шоссейной дороги, никакихъ другихъ трактовъ. Однѣ проселочныя, да и тѣ въ весеннюю распутицу и въ осеннее ненастье — ни пѣшкомъ пройти, ни конемъ проѣхать. Деревня, въ которой жилъ Петро Цвиркунъ и гдѣ выращивались и умирали поколѣнія за поколѣніями такихъ же, какъ и онъ, Цвиркуновъ, называлась Паричи.

Однимъ бокомъ уткнулись Паричи въ сосновый лѣсъ, дремучій, дремучій, водились въ немъ и медвѣдь, и лось, и коза дикая, другимъ — въ болото. И не какое-нибудь поганое болото, а можно было выкроить изъ него добрыхъ два нѣмецкихъ герцогства. Если какой-нибудь новый, дивнымъ случаемъ забредшій сюда человѣкъ спрашивалъ, указывая на болото, что тамъ дальше за нимъ? — паричане разводили руками:

— А Господь его святый знае!

И, дѣйствительно, никто не зналъ. Для паричанъ весь внѣшній міръ кончался на рубежѣ

этого непроходимаго болота. Въ буквальномъ смыслѣ слова — непроходимаго.

Пріѣзжали какъ-то разъ невѣдомые люди и говорили не по здѣшнему, не по-русски. И, видно, важные. Становой ужъ на что, разъ-другой всего за цѣлюсенькій годъ заглянетъ въ Паричи, а и то при нихъ вьюномъ вертѣлся и всяческое содѣйствіе оказывалъ. Были съ ними какіе-то дорогіе диковинные приборы. Что-то они вымѣряли, высчитывали, пытались на лодкѣ пробраться черезъ болото, но ничего у нихъ не вышло, плюнули, рукой махнувъ, и скорѣй, давай Богъ ноги — уѣхали!..

И деревенька — подъ стать своему захолустному уѣзду — лядащая. Двадцать дворовъ, да и дворы одно только слово! Хатенки замшившимися срубами покривились и въ землю по самыя оконца повростали. Въ оконца — ничего не увидишь. Стекла всѣми цвѣтами радуги переливались. И стеколъ уцѣлѣло немного. Все больше тряпьемъ позапихано. Старое, глядишь, разбилось, а новое достать штука нелегкая. До ближняго мѣстечка пятьдесятъ верстъ немѣренныхъ. Значитъ, и всѣхъ шестьдесятъ пять будетъ.

И если деревня Паричи — бѣдная, то Петро Цвиркунъ — мужикъ наибѣднѣйшій. Хата его — самая неказистая. Крыша, когда-то соломенная, теперь одна сплошная плѣсень зеленая и провалилась какимъ-то сѣдломъ, точно втянуло ее сердечную отъ голода. И внутри хаты было голодно. А дѣтей Цвиркунъ со своею жинкою имѣлъ четверо. Такое ужъ благословеніе Божье! Чѣмъ бѣднѣй отецъ съ матерью, тѣмъ больше у нихъ дѣтокъ.

Глянуть на Цвиркуна, никто не призналъ бы въ немъ бывшаго солдата. Такой шаршавый и неказистый мужиченка. И ростомъ не вышелъ, и съ лица неказистъ, все оно скуластое съ плоскимъ профилемъ и носомъ пуговкою. Рябинами, какъ наперстокъ, утыкано. И волосы бѣлесые, жиденькіе. Вмѣсто усовъ и бороды — такъ поросль какая-то рѣденькая, не разберешь даже, что это такое...

Петро Цвиркунъ былъ типичный бѣлорусскій мужикъ, или, какъ дразнятъ ихъ, «лопацонъ», скупо и нехотя взрощенный этой хмурой болотистой природою, сырой, туманной, безъ тепла и солнца.

Мерещились иногда Цвиркуну керосиновые фонари, мокрые деревянные тротуары, а по бокамъ улицы — низенькіе одноэтажные дома. Это уѣздный городъ, въ которомъ стоялъ его полкъ. И казались ему въ забытыхъ Богомъ и людьми Паричахъ, что краше и богаче нѣтъ города на всемъ бѣломъ свѣтѣ. И какъ сквозь сонъ вспоминались дальше: казарма, винтовки, запахъ свѣжаго хлѣба и краснолицый фельдфебель Пономарчукъ, съ жесткими подстриженными усами, важно учившій солдатъ «словесности» и всякимъ ружейнымъ мудростямъ. Пономарчукъ былъ педантъ и не довѣрялъ унтеръ-офицерамъ.

Солдатчина тускло прошла для Цвиркуна. Безъ особеннаго горя и особенныхъ радостей. Прошла и сгинула. И онъ все рѣже и рѣже вспоминалъ объ ней, занятый своими двумя худосочными десятинами и четырьмя голодными ртами своихъ ребятишекъ, ненасытныхъ, какъ галчата. Сколько ни пихали въ нихъ сырой невываренной картошки и мякиннаго хлѣба, все

мало. И животы у дѣтей вздувались большіе и твердые, какъ барабаны...

Цвиркунъ на свое житье-бытье не роопталъ, потому что всѣ кругомъ такъ живутъ... И уходили день за днемъ, — сѣрые, голодные, рабочіе и трудные. И думалъ Цвиркунъ, что будетъ такъ вѣки-вѣчные, пока не накроютъ его глинистымъ бугромъ съ бѣлымъ деревяннымъ крестикомъ.

Но оказалось, что гдѣ-то далеко тамъ, — этого далекаго и загадочнаго «тамъ» Цвиркунъ не могъ даже себѣ представить, — вспомнили о Паричахъ. Нагрянулъ становой съ урядникомъ, озабоченные, спѣшные и сказали, что объявлена «билизація», берутъ запасныхъ, будетъ война съ нѣмцами. О тѣхъ далекихъ нѣмцахъ, съ которыми придется воевать, Петро Цвиркунъ ничего не зналъ. Но зналъ Цвиркунъ другихъ нѣмцевъ. И въ своемъ мужицкомъ сердцѣ сложилъ къ нимъ не мало тупой злобы. Не могъ простить имъ Цвиркунъ чистенькихъ каменныхъ домиковъ подъ желѣзной крышей, высокихъ заборовъ, такихъ добротныхъ и крѣпкихъ, — на цѣлую хату хватило бы, — не могъ простить имъ кованныхъ желѣзомъ телѣгъ и сытыхъ раскормленныхъ лошадей. И всѣ эти нѣмцы, какъ сами, такъ и жены ихъ и дѣти, были одѣты порядочно. Словомъ, когда Цвиркунъ узналъ, что надо итти колотить нѣмцевъ, онъ вспомнилъ тотчасъ же нѣмецкія колоніи, разбросанныя тамъ и сямъ по уѣзду. И даже не тамъ и сямъ, а именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лучшее поле, лучшій лѣсъ и сочные, изумрудные луга. Вотъ почему безъ особеннаго сожалѣнія разставался Цвиркунъ со своей женою и ребя-

тишками. Лукерья, безъ времени увядшая баба въ линючемъ платкѣ, туго стягивавшемъ голову, съ плоской грудью и большимъ животомъ, плакала, вытирая слезы косточками худыхъ рабочихъ и жилистыхъ рукъ. Ревѣла дѣтвора. Но не плакалъ отецъ. Въ его немудреной головѣ шевелились робко и неувѣренно тяжелыя мысли. Тяжелыя, не потому, что они были мрачнаго свойства, а потому, что тяжело было съ непривычки думать о новомъ, не входившемъ въ обычный кругъ скуднаго мужицкаго мышленія.

И Цвиркунъ топнулъ ногою. Жена такимъ его еще никогда не видѣла. И сказалъ:

— Годи плакать, будетъ! Отъ, я накладу имъ по первое число и вернусь — тогда увидишь!..

Что именно увидитъ Лукерья, онъ и самъ не зналъ хорошенько, но ему искренно хотѣлось «наложить нѣмцамъ по первое число». Этимъ онъ отомститъ разомъ за все: и за желѣзныя крыши, и за высокіе заборы, и за крѣпкія телѣги, въ которыхъ колонисты возятъ много всякаго добра.

2.

Поѣздъ вытянулся безконечной вереницею вагоновъ. Всякіе вагоны. И товарные, и третьяго класса, и открытыя платформы. И всѣ они биткомъ набиты десятками и сотнями Цвиркуновъ. И среди нихъ — настоящій Петро Цвиркунъ изъ Паричей. На немъ шинель съ красными погонами и съ цифрою триста съ чѣмъ-то. Сапоги, вмѣсто лаптей, и вмѣсто высокой войлочной шапки, — «лопацоны» ихъ называютъ магер-

ками — защитная фуражка съ кокардой. Но Цвиркунъ — все тотъ же. И лицо-наперстокъ, рябинами истыканное, и носъ пуговкой, и чахлая бороденка. Въ вагонахъ шумно, и какъ-то по буйному весело. На станціяхъ болѣе проворные Цвиркуны бѣгаютъ за кипяткомъ. Въ вагонахъ, швыряемыхъ изъ стороны въ сторону съ рѣзкимъ грохотомъ, солдаты пьютъ горячій, жиденькій чай изъ глиняныхъ кружекъ и обжигающихъ пальцы жестянокъ. Пахнетъ людьми, сукномъ и махоркой, сизымъ туманомъ застилающей вагонъ. Тепло; погода хорошая, и въ двери, и въ окна врывается свѣжей струею солнечный воздухъ. Разговоры такіе же, безъ конца краю, какъ и этотъ путь, съ долгими остановками и тихимъ плетущимся ходомъ, ибо то и дѣло приходится мимо себя пропускать такіе же самые военные поѣзда, переполненные такими же Цвиркунами.

Среди солдатъ и пожилые ветераны манчжурской войны. Ихъ медали и кресты вызываютъ почтеніе въ тѣхъ, кто помоложе. Вспоминаютъ японцевъ. По хорошему вспоминаютъ, безо всякой злобы.

— Маленькій, желтый, глаза, что щелки твои, а драться гораздъ!.. Герой!

И выходитъ, что ни раньше, ни потомъ японцы никому вотъ на самый малый ноготокъ худого не сдѣлали ничего. А противъ нѣмцевъ — злоба. И Цвиркунъ Петро, настоящій Цвиркунъ, вспоминалъ сытыхъ, раскормленныхъ лошадей, высокіе заборы. Его маленькіе безобидные глазки вспыхивали. Сжимая дуло своей винтовки, онъ грозился:

— Накладемъ по первое число!..

И у остальныхъ Цвиркуновъ была своя обида противъ нѣмца. Бойкаго, смышленнаго парня, служившаго на табачной фабрикѣ — папиросы раскладывалъ по коробкамъ, — нѣмецъ, завѣдывающій отдѣленіемъ, штрафами душилъ. И чуть что, сейчасъ «русской свиньей» облаетъ. Были запасные батраки съ сахарныхъ заводовъ. И тамъ жали ихъ всласть нѣмцы. Въ имѣніяхъ, въ экономіяхъ — то же самое. Отъ нѣмцевъ ни житья, ни проходу! Сами жирѣютъ, канальи, на русскихъ хлѣбахъ! Хлещутъ пиво, вотъ этакія аршинныя сигары курятъ, а нѣтъ горшаго измывательства, что претерпѣваетъ отъ нихъ русскій мужикъ. За человѣка не считаютъ! Словно русскій мужикъ только затѣмъ и сотворенъ мать-природою, чтобы нѣмецъ поѣдомъ его жралъ, да какъ отъѣвшійся клопъ вздувался отъ чужихъ пота-крови...

Эшелонъ прибылъ въ Варшаву. Полкъ Цвиркуна выгрузили. Двинулся онъ черезъ весь городъ колонною въ походномъ порядкѣ. Петро Цвиркунъ только глаза себѣ кругомъ таращилъ. И убѣдился онъ, что есть на свѣтѣ города, куда богаче и краше, чѣмъ тотъ уѣздный, съ керосиновыми фонарями и деревянными тротуарами, гдѣ онъ отбывалъ свою службу.

Погода была удивительная. Конецъ лѣта мотовски расточалъ свою ласку и тепломъ, и солнцемъ, и воздухомъ, и яркимъ, прозрачнымъ свѣтомъ. Такимъ прозрачнымъ, словно все кругомъ, и дома, и люди, и бѣло-желѣзныя кружева перекинувшихся черезъ рѣку мостовъ, — все это умылось, пріодѣлось, почистилось, какъ предъ суровымъ смотромъ надвигающейся осени.

Петро Цвиркунъ ростомъ не вышелъ, и поэтому угодилъ въ шестнадцатую роту. Идетъ въ хвостѣ колонны, и, хотя всего снаряженія на немъ около двухъ пудовъ, — идетъ бодро. И всѣ шагаютъ бодро и въ ногу. И молодцевато и четко отбиваютъ шагъ по асфальту. Съ обѣихъ сторонъ улицы — народъ густится. Изъ магазиновъ съ громадными окнами выбѣгаютъ улыбающіеся молодые люди, барышни. И всѣ что-то говорятъ, не разобрать толкомъ что, но чуетъ душа — привѣтливое и радостное. И суютъ солдатамъ цвѣты, папиросы, сахаръ въ бумагѣ, чай. И Цвиркуну попало. Какая-то важная барыня, вся въ черномъ, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ, протянула ему коробочку съ папиросами. И хотя Цвиркунъ былъ не курящій, но по военному времени пригодится, — сунулъ въ карманъ. Папиросы отдастъ кому-нибудь изъ товарищей, а коробочку себѣ. Ужъ очень нарядная, — съ картинкою.

Неказистому, шершавому Цвиркину, повезло. А можетъ быть потому и повезло, что очень ужъ онъ некрасивый, да невзрачный. Жалѣючи, всегда къ такимъ особенно внимательны люди, — обидѣть боятся. И сахару, глядишь, перепало!.. Какъ развернулъ бумажку торопливо, на ходу, вѣдь одна рука лишь свободна, такъ и заискрился на солнцѣ рубленый крупными кусками, бѣлый, какъ снѣгъ, сахаръ. Какія-то барыни кричатъ офицерамъ:

— До свиданія!.. До свиданія въ губернскомъ городѣ Берлинѣ!..

— Бейте нѣмцевъ, пся кревъ, бейте, проклятыхъ! — бубнитъ задорный уличный мальчишка, семеня босыми ногами.

Цвиркунъ совсѣмъ близко увидѣлъ розовое личико дѣвочки, такой свѣтловолосой и хорошенькой, — ну совсѣмъ кукла, лежащая приманкой въ окнѣ магазина. Дѣвочка протянула ему алый цвѣточекъ. И хотя Цвиркунъ рѣшительно не понималъ, что это значитъ и зачѣмъ ему этотъ цвѣтокъ, — бросить его, однако, не рѣшился. И держалъ осторожно, боясь измять корявыми пальцами. Вспомнилъ своихъ дѣтей, оставшихся въ далекихъ Паричахъ съ матерью. И хотя дѣвочка съ цвѣткомъ была красивенькая, чистая и нарядная, а его дѣти ходили въ однѣхъ грубыхъ, домотканныхъ рубашенкахъ и отъ сырой картошки пучило имъ животы, онъ вспомнилъ ихъ съ незнакомой до сихъ поръ его немудреному сердцу нѣжностью. Когда онъ вернется съ войны, встрѣча будетъ любовная. И если этотъ сахаръ онъ выпьетъ вмѣстѣ съ чаемъ, то будетъ еще. И тотъ другой сахаръ онъ принесетъ домой, какъ рѣдкое лакомство.

3.

Полкъ движется по нѣмецкой землѣ.

Здѣсь все уже совсѣмъ другое, чѣмъ тамъ, позади, дома. Особенно дивились нѣмецкимъ полямъ солдаты:

— Что ни скажи, а сурьезный онъ человѣкъ, нѣмецъ, — дѣловито говорилъ угрюмый, бородатый костромичъ, товарищъ Цвиркуна по взводу. — На что кусочекъ земли махонькой, а и тотъ, глянь-кось, какъ воздѣланъ! — И костромичъ, оглядываясь для порядка, нѣтъ ли вблизи начальства, выбѣгалъ изъ колонны въ сторону, рвалъ наспѣхъ колосъ еще несжатой пшеницы

и, вернувшись, наладивъ движеніе въ ногу, съ хозяйственнымъ видомъ перетиралъ колосъ между пальцами, разсматривалъ зерна и нюхалъ:

— Ну, что?

— Важнѣющая пшеница. Знатно земля родитъ. А потому — уходъ!..

Солдаты диву давались, проходя черезъ непріятельскія деревни. Какія же это, въ сущности, деревни? Улицы ровныя, мощеныя, дома двухъэтажные, каменные. А надъ крышами видимо-невидимо по всѣмъ направленіямъ и телеграфныхъ, и телефонныхъ проволокъ. Иные уже попорчены, — казаки здѣсь побывали раньше, — и висятъ, черезъ дорогу безпорядочно стелятся.

Полкъ еще, какъ говорится, не нюхалъ пороху, но скоро быть дѣлу.

Полкъ движется по слѣдамъ передовыхъ кавалерійскихъ стычекъ. Въ одной вымершей — все бѣжало изъ нея — деревнѣ поперекъ улицы лошадиные трупы. Поменьше — казацкая и другая побольше — нѣмецкая. Обѣихъ уравняла смерть. Оскаливъ зубы, застеклила глаза, вытянула деревяшками ноги, вздула горою брюхо и такъ выпятила ребра, — пересчитать можно. Немного дальше трупъ безъ головы, грудью внизъ въ синемъ мундирѣ. И такъ руки раскинуты, словно человѣкъ хотѣлъ всю землю обхватить въ предсмертномъ объятіи. И тутъ же, какъ круглый шаръ обхваченная голова, со свѣтлыми усами и въ каскѣ съ орломъ...

Цвиркунъ сначала крестился. Не по себѣ ему было. И лицо дѣлалъ такое, какъ, если бъ мимо похоронъ шелъ. Но это было вначалѣ, а потомъ привыкъ. Ко всему человѣкъ привы-

каетъ. Въ особенности, къ смерти и крови съ ихъ ужасами.

Не стало батальоннаго. А славный былъ и бравый такой подполковникъ. За японскую войну Анну съ мечами и Георгія имѣлъ. Солдатамъ веселѣй становилось, когда объѣзжалъ онъ фронтъ, румяный, дородный, съ привѣтливой шуткою и каштановой бородою, золотившейся на солнцѣ. И хоть бы въ бою погибъ, — не такъ жаль... Конецъ, геройскій. А то пропалъ человѣкъ зря...

Ночевалъ полкъ на пути въ небольшомъ городкѣ. Жителей — полтора человѣка. Разбѣжались. Всѣ дома пустые. Батальонному приглянулся, какъ фонарикъ свѣтленькій, домикъ съ башенками. Онъ въ немъ и расположился. Тихая старушка въ бѣломъ чепчикѣ.

Спрашиваетъ ее батальонный по ихнему:

— А вы что же, сударыня, одна-одинешенька?

Потупилась, въ глаза не смотритъ.

— Молодежь моя на войнѣ, а я старая вдова, куда мнѣ дѣваться! Убьете — къ тому готова. Вѣкъ свой прожила, будетъ!

Какъ расхохочется батальонный, — борода затряслась.

— Что вы, матушка, и взаправду насъ звѣрями считаете. Мы съ мирными жителями не воюемъ. А вотъ, вы бы меня лучше кофеемъ угостили. У васъ, вѣдь, у нѣмцевъ, кофей хорошій. Путешествовалъ, знаю! И не бойтесь, за все будетъ уплачено.

Она и сварила кофе, старуха. Чистенько такъ, все блеститъ. Чашка тяжелая, толстая, добротная, ложечки, салфеточки. Масло завитушечками.

Напился батальонный этого кофе и Богу душу отдалъ. Поминай, какъ звали. Отравила тихая вѣдьма. Разстрѣляли вѣдьму, какъ полагается. Да толку изъ этого никакого. Развѣ вотъ другимъ острастка. А батальоннаго не воскресишь. И такой онъ былъ плотный, да крѣпкій. Жить, да жить! Судьба... Похоронили его подъ городомъ. Солдаты рыли могилу и плакали. Грозились:

— Ужо дорваться бы только, — отплатимъ!

Дорвались... Ждать пришлось недолго.

Полдня окопы рыли. Подъ огнемъ приходилось работать. Чортъ знаетъ, съ какой дали нѣмецкая артиллерія жарила. И все «чемоданы». Чемоданами прозвали солдатики громадные снаряды, съ дикимъ, устрашающимъ, визгомъ проносившіеся мимо. Хорошо еще, если мимо... Но, пока что, благополучно. Либо недолетъ, либо перелетъ. Но какъ зароется, такой фонтанъ земли подыметъ, что твой ураганъ! И выворотитъ вокругъ себя глубокую яму, — десять человѣкъ спрячется. Поднимали осколки, оттягивало руку, такой вѣсъ. Вначалѣ жутко и боязно было. Солдаты кланялись, въ сторону шарахались, молитвы шептали. Еще бы, — не снарядъ, а какой-то дьяволъ чугунный проносится надъ головою. А потомъ обстрѣлялись. Привыкли. И не больше было страху, какъ если бъ шмель гудѣлъ вокругъ, да около.

Такъ и Цвиркунъ. Обтерпѣлся! И спокойно, съ дѣловитой мужицкой серьезностью, на нѣмецкой землѣ и подъ нѣмецкимъ солнцемъ, снявши мундиръ, копалъ траншеи, точно въ собственномъ огородѣ добывалъ изъ-подъ сырой болотистой рыхлятины водянистую картошку. И такъ же, какъ дома, прилипала у него къ худымъ

костлявымъ лопаткамъ, вспотѣвшая цвѣтная рубаха.

Казаки плѣнныхъ проводили. Нѣсколько чубатыхъ станичниковъ, сидя на своихъ поджарыхъ лошадкахъ, гнали впереди себя пруссаковъ, словно стадо барановъ. Цвиркунъ впервые видѣлъ живого нѣмецкаго солдата. И самъ Цвиркунъ, и остальные Цвиркуны дивились безсмысленной машинной выправкѣ нѣмцевъ. Въ плѣну, чего ужъ тутъ задавать форсу, а какъ на парадѣ маршируютъ. По журавлиному, въ три пріема. И съ такимъ священнодѣйствующимъ видомъ... Народъ бѣлокурый, видный. И такъ потѣшно щеки трясутся. Мундиры на нихъ ловко пригнаны, одинъ къ одному и каски подъ сѣрыми чехлами.

Молодой ротный изъ гвардейцевъ бесѣдовалъ съ плѣнными по ихнему. И тутъ выправка. Тянутся, честь отдаютъ. И по своему это у нихъ выходитъ. Дрыгнетъ правой ногою, каблуками щелкнетъ и, проглотивши добрый аршинъ, рукою, словно завели ее — разъ, разъ подъ козырекъ и обалдѣлъ, глаза выпучивши...

Спрашивалъ ротный казаковъ:

— Гдѣ вы ихъ, братцы, добыли?

— А такъ, значитъ, ваше благородіе дѣлали мы развѣдку. Самъ двѣнадцатый. Заскочили въ деревню. А тамъ полурота. Выстраивается... Мы и налетѣли. Кого порубили, а этихъ вотъ, — гонимъ!..

Нѣмцы, съ опаскою и недовѣріемъ, не понимая ни слова, переводили глаза съ казаковъ на капитана. Упитанный, кольни его въ красную рожу, такъ пивомъ и брызнетъ, унтеръофицеръ выступилъ и, продѣлавъ все, какъ по-

лагается у нихъ, и аршинъ проглотивъ, и каблуками щелкнувъ, обратился съ какимъ-то вопросомъ къ капитану.

Капитанъ отвѣтилъ и засмѣялся. Потомъ объяснилъ солдатамъ:

— Напугали ихъ, что мы не беремъ въ плѣнъ. Спрашивалъ, когда ихъ разстрѣляютъ? Дурачье, вѣрятъ всякимъ небылицамъ!..

4.

Штабъ одиннадцатаго корпуса германской арміи квартировалъ въ Познани, въ богатомъ и крупномъ имѣніи польскаго графа Пшембицкаго. И, во-первыхъ, потому, что Пшембицкій былъ полякъ, а, во-вторыхъ, потому, что нѣмцы, вообще, народъ безцеремонный, особенно, если на ихъ сторонѣ грубая сила, — съ графомъ штабъ одиннадцатаго корпуса не особенно стѣснялся. Ему дали довольно прозрачно понять, — «благодари Бога, только бы цѣлымъ остаться». Графъ, гордый, величественный старикъ, во дни своей молодости танцовавшій въ Тюильерійскомъ дворцѣ мазурку съ императрицей Евгеніей, сидѣлъ безвыходно у себя въ дальнихъ комнатахъ большого двухъэтажнаго палацо. Вмѣстѣ съ нимъ и его немногочисленная семья.

А нѣмцы хозяйничали во-всю. Графскій поваръ готовилъ всему штабу и завтраки, и обѣды, и ужины. Графскій погребъ, — хочешь, не хочешь, — поставлялъ вина, а графскій управляющій долженъ былъ отпускать овесъ и сѣно не только для штабныхъ лошадей, но и для трехъ эскадроновъ, расположенныхъ въ усадьбѣ и охранявшихъ особу корпуснаго командира.

Обѣдали въ громадной, въ два свѣта и съ хорами столовой. Здѣсь, подъ звуки собственнаго оркестра въ былое время банкетовали предки графа Пшембицкаго. А теперь вокругъ стола сидѣли пруссаки въ синихъ мундирахъ. Обѣдъ подходилъ къ концу. Много было съѣдено и еще больше выпито. Въ сигарномъ дыму пылали красныя, возбужденныя лица съ мутными глазами. Громкій, безпорядочный говоръ. Кто-нибудь, со стороны войдя, отказался бы вѣрить, что все это люди съ внѣшнимъ воспитаніемъ и лоскомъ, и вдобавокъ половина изъ нихъ — титулованные. Пустыя бутылки бросались прямо на полъ. Бѣлая скатерть вся была залита виномъ, липкими ликерами и въ нѣсколькихъ мѣстахъ прожжена сигарами. Офицеры не давали себѣ труда подвинуть тарелку, или пепельницу, и непогашенные окурки бросались прямо на скатерть. Теперь военное время, да еще въ польскомъ домѣ, и можно ни съ чѣмъ не считаться, распоясавшись такими свиньями, какихъ еще свѣтъ не производилъ... И, дѣйствительно, свинячили вволю.

Самое почетное мѣсто занималъ не корпусный командиръ, сѣдой и сухощавый старикъ съ баками, идущими отъ висковъ къ угламъ рта à la Вильгельмъ I, а совсѣмъ, совсѣмъ молодой полковникъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ и бѣлобрысъ, какъ только можетъ быть бѣлобрысымъ нѣмецъ. Тонъ чуть розоватой кожи лица былъ темнѣе тона волосъ, жиденькихъ, напомаженныхъ, расчесанныхъ сквознымъ англійскимъ проборомъ. Взглядъ свѣтлыхъ глазъ молодого полковника былъ непроницаемый, вѣрнѣй, совсѣмъ ничего не выражавшій. Ни одной

самой коротенькой человѣческой мысли! И вдобавокъ, еще какая-то холодная стеклянность, была въ этотъ разъ навсегда застывшемъ взглядѣ. По прусской модѣ, заимствованной опять-таки у англичанъ, полковникъ начисто брилъ и бороду, и усы. Его обнаженный «голый» ротъ замѣтно выдавался, а большіе длинные, какъ клавиши, зубы выпирали изъ-подъ короткихъ губъ, — имъ было тѣсно.

Полковникъ не былъ бы прусскимъ офицеромъ, если бы не носилъ монокль. Носилъ. И это давалось ему съ большимъ трудомъ. Застеклившіеся глаза не сидѣли глубоко въ орбитахъ, а наоборотъ, вылѣзали вмѣстѣ со своими короткими жиденькими рѣсницами. При такихъ условіяхъ втиснуть въ глазъ монокль являлось почти невозможной вещью. Монокль выпрыгивалъ, падалъ, разбивался. Но терпѣливый полковникъ возилъ ихъ за собою дюжинами.

И корпусный командиръ, и остальные офицеры штаба относились къ молодому полковнику съ чрезмѣрной почтительностью и обращаясь къ нему, всякій разъ величали «вашей свѣтлостью».

Это былъ герцогъ Карлъ-Августъ-Людовикъ Ашенбруннерскій, приходившійся двоюроднымъ племянникомъ императору Вильгельму.

Подобно своему воинственному дядюшкѣ, племянникъ изо всѣхъ силъ жаждалъ боевыхъ лавровъ. И если Вильгельмъ пытался неудачно и жалко до смѣшного держать экзаменъ на Великаго Наполеона, племянникъ мѣтилъ, по крайней мѣрѣ, въ Мюраты, хотя кавалеристъ былъ изъ рукъ вонъ плохой. И хотя служилъ въ гвардейскомъ кирасирскомъ полку, но лоша-

дей боялся до смерти, чувствуя себя гораздо лучше въ «пѣшемъ строю», чѣмъ верхомъ.

Сбирался на войну герцогъ торжественно, съ помпою. Добрый католикъ, онъ отъ души жалѣлъ, что не можетъ съѣздить за благословеніемъ къ папѣ. А это было бы шикарно! Великій герцогъ такъ и подумалъ: шикарно. Теперь, когда молніеносная мобилизація производится съ помощью телефоновъ, телеграфовъ, бѣшено рѣжущихъ воздухъ автомобилей и экспрессовъ, — экспрессовъ по быстротѣ, — въ такое время, когда каждый день и часъ дорогъ, не до паломничества въ Римъ. Это было хорошо въ далекіе вѣка Фридриха Барбароссы. Итакъ, вмѣсто святѣйшаго отца благословила своего сына вдовствующая горцогиня-мать.

Карлъ-Августъ-Людовикъ преклонилъ свое тонкое, будто сломанная спичка, колѣно предъ чопорной и скучной съ прилизанными, какъ у гувернантки, волосами старухой. И это не гдѣ-нибудь, а въ родномъ шестисотлѣтнемъ замкѣ, въ длинномъ и неуютномъ залѣ съ фамильными портретами вдоль стѣнъ. Высохшей рукою мать указывала на этихъ доблестныхъ предковъ, желая сыну такъ же храбро и побѣдно сражаться за германскіе идеалы и германскую культуру, какъ это дѣлали его знаменитые прадѣды и пращуры.

Хотя, говоря по правдѣ, всѣ высокіе культуртрегерскіе идеалы предковъ сводились къ тому, что они грабили караваны купцовъ, а когда этотъ промыселъ сталъ «неудобнымъ», торговали солдатами, доставляя наемное пушечное мясо тѣмъ государямъ, которые за это хорошо платили.

Герцогиня славила подвиги предковъ-крестоносцевъ, вздумавшихъ «обращать» огнемъ и мечемъ языческую Литву.

— Жертвою этихъ святыхъ походовъ палъ великій герцогъ Августъ-Рудольфъ-Отто Сильный, — прошептала, закатывая глаза герцогиня-мать.

Она съ удовольствіемъ указала бы на стѣнѣ портретъ этого славнаго героя. Но, увы, Отто Сильный не былъ увѣковѣченъ въ фамильной галлереѣ по какому-то непростительному недоразумѣнію. Смерть пріялъ онъ, дѣйствительно, въ крестовомъ походѣ, но смерть довольно-таки прозаичную. Косматый въ звѣриной шкурѣ гигантъ-литовецъ своей утыканной гвоздями дубиной такъ хватилъ коннаго рыцаря, что шлемъ свернулся въ лепешку и у Отто Сильнаго оказался проломленнымъ черепъ.

Обѣщаній и клятвъ надавалъ сынъ матери безъ конца. Онъ либо совсѣмъ не вернется, либо вернется въ сіяніи славы. Онъ будетъ безпощадно бить этихъ русскихъ свиней, грязныхъ и грубыхъ, для которыхъ самый фактъ сопротивленія лучшей въ мірѣ германской арміи, — это уже сама по себѣ великая, недосягаемая честь.

То же самое повторялъ великій герцогъ и здѣсь, въ столовой польскаго графа. Графскіе лакеи съ мрачными лицами и потупленными взглядами, хоронившими ненависть и презрѣніе, къ этимъ «завоевателямъ» наливали въ бокалы шампанское. Герцогъ кричалъ «гохъ», и вслѣдъ за нимъ пьяными голосами повторяли собутыльники — «гохъ»!

— Да здравстуетъ кайзеръ Вильгельмъ!

— Да будетъ живъ императоръ Европы!

— Великій императоръ!..

— Да будетъ!..

Искрящіеся золотистымъ виномъ бокалы тянулись отовсюду къ бокалу герцога...

Какая-то внезапная мысль осѣнила его. Онъ вытянулся во всю свою длину и постучалъ плоскимъ золотымъ портсигаромъ съ брильянтовой герцогской короной. Все смолкло, и всѣ уставились на герцога, въ ожиданіи, чѣмъ онъ готовится ихъ подарить. А подарилъ онъ ихъ слѣдующимъ:

— Господа, я задумалъ сыграть съ этими русскими дикарями знатную штуку. Я буду драться въ рядахъ нашей доблестной арміи, какъ простой солдатъ. Всѣ мы — германскіе солдаты, начиная отъ кайзера и кончая послѣднимъ рядовымъ. Но я не это хочу сказать. Я хочу сказать, что я въ буквальномъ смыслѣ слова надѣну солдатскую форму. Я превращусь изъ герцога въ унтеръ-офицера. Да! Да!.. какъ вамъ это понравится? — обвелъ онъ стеклянными глазами пылавшія въ табачномъ дыму лица своихъ сотрапезниковъ.

— О, да... Это мысль!.. Это геніальная мысль! — высказался первымъ по старшинству корпусный командиръ, а за нимъ и остальные.

Два-три скептика съ непростительнымъ для нѣмецкаго офицера вольнодумствомъ рѣшили, что его высочество просто-напросто втираетъ очки. Малый не изъ особенно храбрыхъ, ну и труситъ, заранѣе хочетъ слиться съ общей солдатской массою. Меньше шансовъ получить пулю, такъ какъ эти русскіе по общимъ отзывамъ

стрѣляютъ весьма недурно и на выборъ бьютъ командный составъ.

Герцогъ, выждавъ паузу продолжалъ, готовя новое откровеніе:

— Но въ обозѣ слѣдовать будетъ моя полная парадная форма и я торжественно даю вамъ мое честное слово надѣть ее не раньше, какъ только мы вступимъ въ Варшаву. Въ польской столицѣ произойдетъ мое превращеніе изъ унтеръ-офицера въ герцога Ашенбруннерскаго. вы на это скажете? Ловко придумано?..

Разумѣется, всѣ выразили самый живѣйшій восторгъ и ораторъ къ своему удовольствію сорвалъ шумные аплодисменты. Новые бокалы шампанскаго, новое чоканье, новые тосты. Пили за здоровье изобрѣтательнаго герцога, опять вернулись къ Вильгельму, перешли на кронпринца и такъ далѣе. Пили до изнеможенія, до потери человѣческаго облика...

Подъ утро, кое-какъ добравшись до постели, герцогъ уснулъ. Пріятные сны грезились ему.

Варшава сдалась безъ боя на милость доблестныхъ побѣдителей. Безконечныя колонны германской арміи одна за другою вливаются въ столицу Польши. И впереди всѣхъ на конѣ онъ, герцогъ. Осеннее солнце сіяетъ золотомъ на шитьѣ краснаго мундира, на орденахъ, крестахъ, звѣздахъ, пышныхъ вздрагивающихъ эполетахъ. Кругомъ — одно сплошное ликованіе. Освобожденный мудрымъ императоромъ, польскій народъ привѣтствуетъ побѣдителей. Красавицы забрасываютъ герцога Карла цвѣтами. И все блѣдно-алыя розы, громадныя, какъ въ сказкѣ. Весь путь устланъ имъ. И мягко, не-

слышно тонутъ въ нихъ копыта герцогскаго коня...

На этомъ герцогскій сонъ оборвался. Продолженію не во время помѣшалъ почтительный стукъ въ дверь. Герцогъ потянулся, зѣвнулъ и недовольно сказалъ „herein!“

У порога обалдѣвающе замеръ высокій бранденбургскій гусаръ.

— Ваша свѣтлость приказали разбудить и я осмѣлился. Пора выступать.

— Который часъ?

— Тридцать двѣ минуты десятаго.

— Ого, подними шторы...

Гусаръ поднялъ шторы. Въ окна дерзко и жадно, потоками хлынулъ яркій солнечный день. Герцогъ сначала зажмурился, потомъ открылъ глаза и чуть не обмолвился:

— Это взошло солнце Аустерлица!

Молодой двадцатишестилѣтній полковникъ уже тяготился второстепенной ролью славнаго Мюрата. Онъ съ удовольствіемъ, такъ бочкомъ-бочкомъ, обогнавъ кайзера, самъ проскочилъ бы въ Наполеоны... Его свѣтлость украсилъ своимъ присутствіемъ легкій ранній завтракъ и вмѣстѣ со штабомъ корпуса уѣхалъ впередъ къ позиціямъ.

5.

Армейскій пѣхотный полкъ съ цифрою триста съ чѣмъ-то на погонахъ, окопался. Равнинная позиція не представляла особенныхъ выгодъ. Но въ силу стратегическихъ соображеній велѣно окопаться именно здѣсь. Полковой командиръ получилъ приказаніе не только удерживать по-

зицію цѣною какихъ угодно потерь, но и самому, въ концѣ концовъ, перейти въ наступленіе и овладѣть буграми, что раскинулись ломаной линіей по горизонту, впереди, верстахъ въ двухъ. Наблюдаемые простымъ глазомъ, бугры эти производили самое невинное впечатлѣніе. Бугры, какъ бугры. Но съ помощью цейсовскаго бинокля можно было разглядѣть то прямыя, то зигзагообразные линіи германскихъ траншей. И видна была аккуратная нѣмецкая работа. Хотя по линейкѣ провѣряй насыпи, — такъ все математически точно. Иногда опять-таки, если смотрѣть въ бинокль, показывалась надъ окопами голова въ каскѣ и тотчасъ же пряталась.

Чѣмъ чортъ не шутитъ, надо беречься. Шальныхъ пуль, мало ли, — свистятъ по всѣмъ направленіямъ.

Погода испортилась. Съ утра шелъ дождь и мутной сѣткою заволакивалъ дали. Въ нашихъ окопахъ было какое-то грязное, глинистое тѣсто. Утомленные, промокшіе до нитки, солдаты лежали хмурые, озлобленные. Это хорошо въ виду предстоящей атаки. Чѣмъ солдатъ озлобленнѣй, тѣмъ пуще онъ свирѣпѣетъ и тогда уже самъ дьяволъ ему не братъ, онъ лѣзетъ напроломъ и творитъ чудеса.

— Ну, что, братцы? — спрашивали нижнихъ чиновъ офицеры въ такихъ же, какъ и они солдатскихъ шинеляхъ.

— Ничего, ваше благородіе. Мокро-вотъ... обсушиться бы...

— Бой будетъ горячій, живо обсушитесь!..

Словно въ доказательство, что бой, дѣйствительно, будетъ горячій, шагахъ въ пятистахъ,

надъ окопами съ тягучимъ и противнымъ металлическимъ визгомъ разорвалась шрапнель. Ея облачко въ хорошую солнечную погоду могло бъ показаться красивымъ. А теперь это были какіе-то безпорядочные клочки грязной, расползающейся во всѣ стороны ваты.

Новое облачко, третье, четвертое.

— Недолетъ! — резонно отмѣчалъ костромичъ, перетиравшій и нюхавшій колосья пшеницы.

Нѣмцы нащупывали нашу пѣхоту.

Немного погодя снаряды стали разрываться уже позади окоповъ. Наша артиллерія, стоявшая въ тылу пѣхотныхъ линій, отвѣчала. И теперь уже наши разрывы тучками рѣяли въ воздухѣ надъ буграми окопавшихся нѣмцевъ.

За артиллерійскимъ, начался поединокъ пѣхоты. Мы обстрѣливали бугры, бугры обстрѣливали насъ. Серьезныхъ потерь наши еще не имѣли. У одного солдата пробило пулею фуражку и содрало съ головы кусокъ кожи. Хозяйственный костромичъ былъ легко раненъ въ лѣвую руку. Еще у кого-то пуля застряла въ плечѣ. И только одинъ солдатъ, смертельно раненый въ лобъ, вмѣстѣ со своей винтовкой упалъ, откинувшись на сырое глинистое дно траншеи. Все чаще и чаще свистятъ пули. Солдаты, видя раненыхъ товарищей, начинаютъ звѣрѣть. Здѣсь и страхъ за себя, и злоба противъ «тѣхъ» въ остроконечныхъ каскахъ, что засѣли тамъ въ буграхъ и посылаютъ сюда увѣчье и смерть. Кажется весь воздухъ насыщенъ сухой несмолкаемой ружейной трескотней. Тысячи, десятки тысячъ выстрѣловъ, каждый самъ по себѣ нестрашные и не громкіе, сливаясь вмѣстѣ, выра-

стаютъ въ нѣчто внушительное, грозное, стихій ное. И ухающими протяжными басовыми нотами врываются въ этотъ трескающійся шумъ выстрѣлы орудій.

Цвиркунъ работаетъ безостановочно, едва поспѣвая вставлять и выбрасывать обоймы. Мокрый отъ дождя стволъ его винтовки обжигающе горячъ. Цвиркунъ стрѣляетъ съ обезумѣвшими глазами. Зубы стиснуты. Страха нѣтъ и въ поминѣ. Улетучился, сгинулъ въ этомъ огнѣ, свистѣ и грохотѣ. Однимъ желаніемъ полонъ Цвиркунъ: отомстить нѣмцамъ, за все отомстить! И за костромича, къ которому онъ успѣлъ привязаться и за самого себя, Цвиркуна, которому мокро, холодно и который со вчерашняго дня маковой росинки не имѣлъ во рту, и за кованыя телѣги, желѣзныя крыши, и высокіе заборы нѣмецкихъ колоній. За все разомъ

6.

Приказано было наступать.

Солдаты, покинувъ траншеи, бросились впепедъ къ буграмъ. Офицеры перебрасывали ихъ по частямъ. Бѣгутъ, бѣгутъ и всѣ ложатся на землю. Залпъ... Вскакиваютъ, перепачканные грязью и... дальше. Опять падаютъ. Опять залпъ. Нѣкоторые остаются лежать, кто раненный, кто убитый. Уцѣлѣвшіе счастливцы бѣгутъ, устилая свой путь товарищами...

Бугры сплошь дымятся ружейнымъ огнемъ. И чѣмъ ближе атакующій непріятель въ сѣрыхъ шинеляхъ, тѣмъ отчаяннѣй обстрѣливаютъ его нѣмцы. Вотъ уже передняя часть русскихъ въ

трехстахъ шагахъ отъ первыхъ германскихъ траншей. Уже смолкаетъ огонь и обѣ стороны готовятся къ штыковому бою.

Правильный академическій штыковой бой оставался и навсегда останется лишь въ четырехъ стѣнахъ фехтовальнаго зала. На полѣ же, которое называется полемъ брани, осатанѣвшіе, охваченные временнымъ помѣшательствомъ солдаты дерутся какъ попало, и чѣмъ попало, смотря по вдохновенію, ибо въ такомъ кошмарномъ и кровавомъ дѣлѣ, какъ рукопашный бой, тоже, бываетъ своеобразное вдохновеніе.

Такъ и здѣсь.

Свои и чужіе скучились въ какое-то невообразимое человѣческое мѣсиво. Били другъ друга прикладами, кулаками, схватывались въ объятія, падали вмѣстѣ тѣсно переплетенные, и вставалъ тотъ, кто успѣлъ задушить врага.

Цвиркунъ вошелъ въ ражъ и медвѣдемъ лѣзъ на проломъ въ этой сумятицѣ, выискивая себѣ жертву. Онъ не помнилъ даже, что уронилъ свою винтовку и перъ, какъ говорится, съ голыми руками. Ага, вотъ! Онъ увидѣлъ близко солдата съ бритымъ лицомъ и оскаленными зубами, крупными и длинными, какъ клавиши. Увидѣлъ револьверъ, не соображая сгоряча даже, что тонкое граненое дуло парабеллума уставилось прямо на него. Это дуло зардѣлось вдругъ струйкою пламени и что-то обжигающее жаромъ пахнуло Цвиркуну въ лицо. И вслѣдъ за этимъ Цвиркунъ размахнулся и увѣсистымъ кулакомъ своимъ со всего размаху, по-мужицки, хватилъ бритаго солдата по назойливо торчавшимъ зубамъ. Нѣмецъ вскрикнулъ и выпустивъ револьверъ, обѣими руками схва-

тился за свой окровавленный ротъ. Цвиркунъ, не давая ему опомниться весь полный тупой и животной злобы, осыпалъ его новыми ударами, сбилъ съ головы каску, подставилъ подъ глазомъ синякъ и что-то такое еще хотѣлъ съ нимъ сдѣлать, что и самъ не зналъ. Высокій, худой нѣмецъ даже не пробовалъ отбиваться, да и не могъ, весь жестоко избитый маленькимъ приземистымъ, широколицымъ, оспой изрытымъ солдатомъ. Цвиркунъ сгребъ свою жертву за шиворотъ и поволокъ...

Бугры остались за нами.

Пруссаковъ отсюда выбили. Часть ихъ бѣжала, часть осталась въ окопахъ, чтобы никогда больше не подняться. Трупы нѣмцевъ и русскихъ лежали тамъ и сямъ вперемежку, а иногда и совсѣмъ близко, обхвативши другъ-друга въ предсмертномъ объятіи, какъ братья. Появились изъ тыла санитары съ носилками. Сестры милосердія своимъ и чужимъ раненымъ оказывали первую помощь. Вотъ дышетъ, дышетъ тяжело, со свистомъ громадный, запрокинувшійся навзничь нѣмецъ-пруссакъ, съ глубоко, до самыхъ лопатокъ проколотой грудью. Надъ нимъ заботливо наклоняется тоненькая, съ дѣтскимъ личикомъ сестра, въ коричневомъ, промокшемъ насквозь жакетѣ и съ крестомъ на рукавѣ. Нѣмецъ что-то мычитъ, а его перепачканная кровью рука силится что-то нащупать возлѣ себя. Ужъ не револьверъ ли? Чтобъ самого себя прикончить, либо выпустить пулю въ сестру милосердія. Внушалъ же командный составъ германцевъ своимъ солдатамъ:

— Сохрани васъ Богъ очутиться въ русскомъ плѣну! Эти дикари подвергаютъ плѣн-

ныхъ пыткамъ, морятъ ихъ жаждой и голодомъ!..

Эти небылицы распространялись въ германскихъ войскахъ, конечно, съ единственною цѣлью, чтобы солдаты, напуганные страшными перспективами русскаго плѣна мужественно и стойко дрались до послѣдней капли крови.

— Испить бы водицы... ой, печетъ... огнемъ печетъ, водицы бы, Христа ради, — слышится стонъ мрачнаго хозяйственнаго костромича. Бѣдняго получилъ штыковую рану въ животъ и мечется весь въ жару, быстро охватившемъ его. Раненный еще въ окопѣ онъ остался въ строю, пошелъ въ атаку, закололъ двухъ нѣмцевъ и, вотъ самъ свалился.

— Испить бы, водицы. Ой, смерть подходитъ... братцы!

Худенькая, въ коричневомъ жакетѣ сестра милосердія, отвинтивъ крышку висѣвшей у нея черезъ плечо фляги, даетъ костромичу пить.

— Спасибо, родная, — шепчетъ онъ запекшимися губами. — Ничего бы... а только нутро все горитъ...

Къ нему подходятъ два санитара съ носилками.

Взято въ плѣнъ было человѣкъ восемьдесятъ. Едва ли не первая партія плѣнныхъ германцевъ. И поэтому интересъ, проявленный къ ней, былъ особенно повышенный.

Впечатлѣніе новизны создавало какую-то праздничность. Нѣмцы, тѣ самые нѣмцы, которые такъ высокомѣрно и хвастливо держали себя, крича на весь міръ о своей непобѣдимости... И вотъ, мы однихъ беремъ въ плѣнъ, остальныхъ гонимъ, а третьи легли между тѣми

и другими. Ни каски съ «громоотводами», ни спѣсиво подкрученные усы, ни механическая дисциплина и муштра, — ничто не спасло ихъ.

А тутъ еще прошелъ слухъ, что по сосѣдству, на фронтѣ, въ происходившихъ одновременно бояхъ, взято еще много плѣнныхъ...

Изъ штаба дивизіи прискакалъ офицеръ-кавалеристъ съ требованіемъ возможно скорѣе доставить генералу всѣхъ плѣнныхъ. Штабъ находился верстахъ въ семи. Вести плѣнныхъ походнымъ порядкомъ — займетъ два часа времени. Поэтому для скорости было рѣшено доставить ихъ на обозныхъ телѣгахъ. Пошла нагрузка. По десяти человѣкъ на телѣгу. И вмѣстѣ съ нагрузкой началось что-то необъяснимое, смѣшавшее всѣ понятія о военномъ чинопочитаніи и субординаціи.

Среди плѣнныхъ было три офицера, — капитанъ, пожилой съ брюшкомъ, и два лейтенанта. И вотъ русскіе диву даются, глядючи, какъ всѣ трое тянутся и обалдѣваютъ передъ высокимъ, бритымъ унтеръ-офицеромъ, котораго не отпускаетъ отъ себя ни на шагъ рядовой Цвиркунъ, считающій бѣлобрысаго нѣмца своей законной добычею.

Бѣлобрысый унтеръ-офицеръ приведенъ былъ Цвиркуномъ въ весьма плачевное состояніе. Губы распухли, одинъ изъ переднихъ зубовъ выбитъ и подъ глазомъ свѣтился фонарь, изъ синяго успѣвшій сдѣлаться фіолетовымъ. Напомаженные волосы липкими прядями торчали во всѣ стороны, а по сохранившейся кое-гдѣ дорожкѣ пробора угадывалось, что расчесаны они были самымъ тщательнымъ образомъ.

И если сопоставить, что съ одной стороны унтеръ-офицеръ былъ слишкомъ нѣженъ, хрупокъ и щеголеватъ, а съ другой, тянулись передъ нимъ въ струнку и оба лейтенанта и капитанъ, — получилось нѣчто загадочное. И, какъ на бѣду, плѣнные офицеры проявляли по отношенію къ этому солдату не только искательность и вниманіе, но и самое грубое подобострастіе.

И напрасно кусалъ онъ съ досады свои распухшія, посинѣвшія, губы и «сигнализировалъ» офицерамъ своими бѣлыми, на выкатѣ и безъ рѣсницъ, глазами.

Вся эта комедія не ускользнула отъ ротнаго. Громадный атлетическаго сложенія капитанъ, рыжеусый, въ темныхъ очкахъ и въ солдатской шинели безъ пуговицъ, подошелъ къ таинственному унтеръ-офицеру и спросилъ по-нѣмецки:

— Кто вы такой?

Бѣлобрысый нѣмецъ надменно мотнулъ головой и, пожавъ плечами, отвѣтилъ:

— Я солдатъ, простой солдатъ Гансъ Шмидтъ, чего же вамъ болѣе?..

Усы капитана дрогнули въ усмѣшкѣ. Онъ обратился къ солдатамъ:

— Братцы, этого гуся берегите пуще глазъ. Шесть человѣкъ съ винтовками съ нимъ на телѣгу. Кстати, кто его «плѣнилъ»?

— Я, ваше высокоблагородіе — метнулся къ ротному Цвиркунъ. И однимъ глазомъ «ѣстъ» начальство, другого не спускаетъ съ нѣмца. Еще удеретъ, чего добраго.

Улыбка расползлась по широкому лицу ка-

питана. Ужъ очень неказистъ былъ этотъ оспою изрытый солдатикъ.

— Какъ же ты его взялъ?

— А такъ, ваше высокоблагородіе. Енъ хотѣвъ въ менѣ съ леворвера стрѣлить, а я его по зубамъ, по зубамъ. Наложилъ по первое число! Ну, и въ смиреніе привелъ. Такъ и взялъ...

— По зубамъ!.. Ахъ ты дурья голова,— смѣялся капитанъ.

Когда телѣги съ плѣнными тронулись въ штабъ дивизіи, капитанъ еще разъ въ напутствіи крикнулъ:

— Ребята, беречь мнѣ этого длиннаго, какъ собственный глазъ.

Капитанъ поманилъ къ себѣ юнаго, румянаго подпоручика Селиванова.

— Вотъ что, милый, поѣзжайте въ штабъ. Возьмите мою лошадь. Необходимо предупредить генерала объ этой загадочной птицѣ. Онъ такой же унтеръ-офицеръ, какъ и мы съ вами. Видѣли, какой аршинъ глотали въ его присутствіи настоящіе офицеры? И хотя у этихъ нѣмцевъ разныхъ тамъ принцевъ да герцоговъ, какъ собакъ нерѣзанныхъ, а все же заполучить въ самомъ началѣ войны въ плѣнъ одного изъ этихъ господъ,—что ни говорите, пріятно.

7.

Подпоручикъ Селивановъ верхомъ обогнавъ вереницу телѣгъ, на полчаса раньше прибылъ въ штабъ и отрапортовалъ дивизіонному, что среди плѣнниковъ имѣется таинственный унтеръ-офицеръ, къ которому прусскій капитанъ

относится, какъ къ высочайшей особѣ. Штабъ дивизіи помѣщался въ нѣмецкой деревнѣ, если только можно было называть деревней чистенькій освѣщаемый электричествомъ городокъ, весь въ каменныхъ домахъ и съ мощеными улицами, среди которыхъ одна была даже асфальтовая.

Дождь пересталъ, прояснились небеса. Вотъ и плѣнные. Генералъ, высокій и стройный, съ поручичьей фигурой, вышелъ изъ дому взглянуть на подозрительнаго унтеръ-офицера.

Генералъ бывшій гвардеецъ и свѣтскій человѣкъ, опытнымъ глазомъ, съ перваго же впечатлѣнія опредѣлилъ какую-то печать, особенной, вырожденческой породы въ этомъ бѣлесомъ унтеръ-офицерѣ, съ такъ хорошо пригнанной формой изъ тонкаго сукна и въ сапогахъ, обошедшихся, по крайней мѣрѣ, въ сто марокъ. Желая сразу поймать плѣнника, генералъ спросилъ нарочно по-французски:

— Кто вы такой?

Унтеръ-офицеръ пошелъ на эту удочку и на порядочномъ французскомъ языкѣ, отвѣтилъ:

— Я простой солдатъ, Гансъ Шмидтъ!..

Генералъ подозвалъ къ себѣ плѣнныхъ офицеровъ.

— Кто онъ такой?—спросилъ дивизіонный капитана, державшаго руку у своей еще съ мокрымъ чехломъ каски.

Унтеръ-офицеръ отчаянно «телеграфировалъ» глазами и капитанъ мямлилъ какую-то чушь.

Дивизіонный оборвавъ его, махнулъ рукою.

— Все это хорошо въ опереткѣ, а здѣсь не оперетка, а война,—обратился съ досадой генералъ къ адъютанту.

Ему пришла какая-то мысль и онъ коротко, велѣлъ:

— Обыскать!

Таинственный унтеръ-офицеръ вздумалъ было противиться, но два-три добрыхъ тумака привели его въ христіанскую вѣру. Ревниво обыскивалъ свою законную добычу Петро Цвиркунъ, не давая этого дѣлать другимъ солдатамъ. Изъ внутренняго кармана мундира онъ вытащилъ дорогой крокодиловой кожи бумажникъ, весь въ золотыхъ монограммахъ. Генералъ, качая головой, повертѣлъ бумажникъ, вынулъ оттуда нѣсколько визитныхъ карточекъ. А вслѣдъ за этимъ, уже адъютантъ протягивалъ ему перехваченный у Цвиркуна плоскій золотой портсигаръ съ брильянтовой герцогской короной.

И бумажникъ, и портсигаръ были тотчасъ же возвращены унтеръ-офицеру. А генералъ, повеселѣвшій и радостный, молвилъ адъютанту:

— Эта бѣлобрысая жердь,— герцогъ Ашенбруннерскій. Такой плѣнникъ для начала — конфетка!..

И мѣняя улыбающееся лицо на строгое, начальническое, генералъ обратился къ солдатамъ:

— Кто взялъ его въ плѣнъ?

— Такъ что я, ваше превосходительство...

Генералъ съ необидной, отражавшей скорѣй любопытство улыбкой, смѣрилъ неказистую фигуру Цвиркуна.

— Какъ же ты его взялъ?

— А такъ, ваше превосходительство, енъ хатѣвъ въ мене съ леворвела стрѣлить, а я его по зубамъ, по зубамъ, наложилъ по первое число, ну и въ смиреніе привелъ. Такъ и взялъ...

— Молодецъ, поздравляю съ Георгіемъ! Графъ, дайте ему двадцать пять рублей, — обратился дивизіонный къ адъютанту и продолжалъ по-французски: — Вотъ нашъ типичный солдатъ, невзрачный, непоказной, тихо и скромно дѣлающій большія дѣла. Этотъ шутъ гороховый съ выпученными глазами — какъ-никакъ коронованная особа. А онъ ему набилъ морду, сгребъ за шиворотъ и приволокъ. Просто!..

Герцога отправили сначала въ Петроградъ, а потомъ въ глубь Россіи. Отправили съ почетомъ, въ отдѣльномъ купэ. Бѣдный герцогъ! Такъ безпощадно разбились всѣ его гордыя завоевательныя мечтанія. Торжественное вступленіе въ Варшаву, путь, усыпанный розами, улыбки очаровательныхъ полекъ? Гдѣ всѣ эти тріумфы?

Стоило получать колѣнопреклоненному отъ герцогини-матери благословеніе въ залѣ съ фамильными портретами великихъ предковъ, стоило говорить такія огненныя рѣчи въ штабѣ корпуса, чтобы, въ концѣ-концовъ, какой-то шаршавый и немытый русскій солдатъ совсѣмъ уже не по-рыцарски расцвѣтилъ благородную герцогскую физіономію фонарями?.. А всему виною этотъ глупѣйшій маскарадъ.

Бѣдный герцогъ...

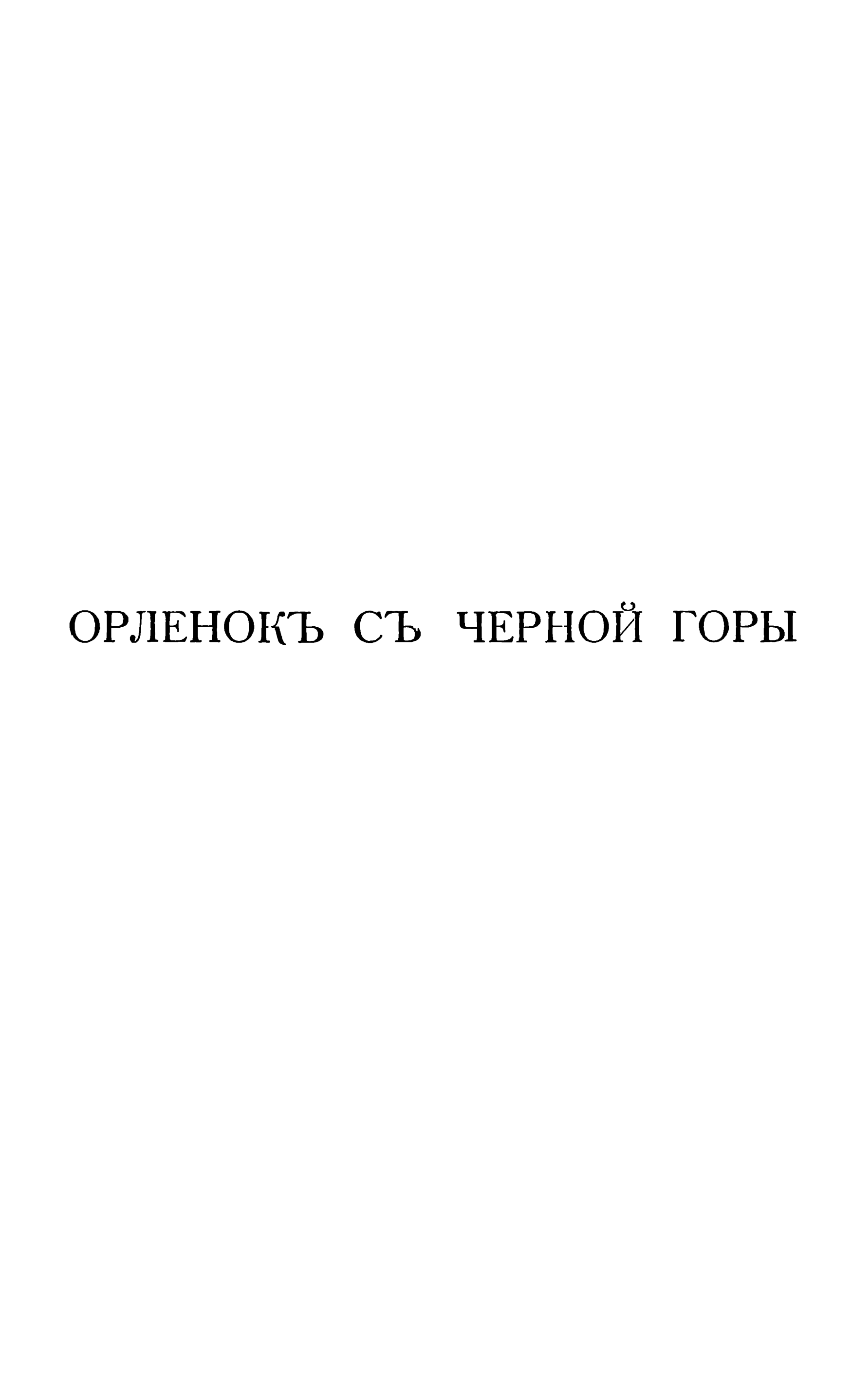
А Цвиркунъ?

Грудь Цвиркуна украсилась георгіевскимъ крестомъ, и онъ подвигается все дальше вмѣстѣ со своимъ полкомъ въ глубь непріятельской земли. Въ письмѣ на родину Цвиркунъ тяжелыми, испарину вызывавшими у него каракулями, описалъ свой подвигъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ онъ докладывалъ ротному и дивизіонному.

И къ письму были приложены деньги — двадцать пять рублей.

«У мене здѣся на войнѣ усе есть... А табе, Лукія, на хозяйствѣ сгодица», — заканчивалъ Цвиркунъ свое посланіе въ далекіе бѣлорусскіе Паричи.

Гдѣ ты сейчасъ, Цвиркунъ?.. Живъ ли?..

ОРЛЕНОКЪ СЪ ЧЕРНОЙ ГОРЫ

1.

— Сегодня ночью выступаютъ, а можетъ и выступили...

— И много?..

— Батальонъ альпiйскихъ стрѣлковъ. Въ боевомъ составѣ — это съ хвостикомъ тысяча штыковъ. Съ нимъ еще нѣсколько митральезъ Шнейдера и горныя пушки на магарцахъ (ослахъ)...

— И прямо на Ловченъ?..

— Прямо на Ловченъ. Сказываютъ, гора укрѣплена сербской артиллерiей, когда они были подъ Скадромъ... Только врядъ ли...

— Такъ-то она такъ, а овладѣть такой позицiей — шутка нелегкая!..

— Чудакъ человѣкъ. Важно — добраться. А разъ тамъ — ни одного взвода — какая же трудность? Только бъ укрѣпиться. Потомъ извольте выбивать австрiйцевъ. Какъ начнутъ громить Цетинье, въ полчаса не останется камня на камнѣ...

— Посмотримъ, не за горами. Хотя, именно за горами...

— Ну, лягка ночь!..

— Лягка ночь!..

Говорили оба солдата по-хорватски. Янко Павловичъ слышалъ все изъ своего каземата,

благо не было стеколъ въ оконцѣ и вечеръ дышалъ прохладою съ моря сквозь чугунную въ кольцахъ рѣшетку...

Одинъ солдатъ ушелъ, остался часовой у этой, птичьимъ гнѣздомъ примостившейся къ горному скату, тюрьмы. Зданіе съ массивными стѣнами помнило еще расцвѣтъ венеціанской республики, когда пышная царица Адріатики владѣла всѣмъ Далматинскимъ побережьемъ.

Назадъ много вѣковъ тому былъ здѣсь торговый дворъ купцовъ изъ Дубровника, а теперь австрійцы гноятъ «политическихъ». Этимъ швабамъ весь Божій міръ хотѣлось бы превратить въ одну сплошную тюрьму!..

Янко похолодѣлъ весь. Лучше бы не подслушивалъ!.. Все равно самъ узникъ и помочь рѣшительно ничѣмъ не можетъ... Крылья связаны...

Надо быть черногорцемъ и пылкимъ пятнадцатилѣтнимъ юношей, какъ Янко, чтобъ понять весь ужасъ его охватившій!

Проклятые швабы до объявленія войны желаютъ овладѣть, предательски, врасплохъ святынею Черногоріи Ловченъ-Планиною, этимъ ключомъ къ столицѣ короля Николая и къ австрійской бухтѣ Каттаро... Ловчемъ-Планиной съ ея дорогими могилами легендарныхъ юнаковъ, словно серебряной парчею покрытыми, вѣчнымъ розовѣющимъ на солнцѣ, снѣгомъ...

— Эхъ, если бъ свобода!.. Если бы... Козьими тропами, — въ горахъ каждая морщинка знакома — бросился бы Янко туда наверхъ, въ свой родной Нѣгушъ, оповѣстить кого слѣдуетъ во-время. А такъ — пропадетъ все пропадомъ!

И кто знаетъ, быть можетъ, швабская колонна поднимается уже изъ Каттаро вверхъ по шоссе, чтобъ изъ Чертовой Петли двинуться на Ловченъ. Тирольцы умѣютъ лазить въ горахъ. Доберутся, или нѣтъ — другой вопросъ, но самое посягательство швабовъ на эту дорогую, всякому черногорскому сердцу, всякому отъ мала до велика, высоченную, — выше нѣтъ во всей странѣ! — скалу, уже само по себѣ казалось юношѣ дерзкимъ кощунствомъ.

И словно орленокъ въ клѣткѣ, — да онъ и былъ орленкомъ съ Черной горы, — заметался Янко въ четырехъ каменныхъ стѣнахъ своего каземата. Уйти, убѣжать? Но какъ убѣжишь отъ этого гранитнаго мѣшка, съ тяжелой дверью, обитой гвоздями и ржавымъ шестисотлѣтнимъ желѣзомъ?..

Янко бросился къ окну — квадратной отдушинѣ, схватился за чугунные полосы и, приподнявшись на мускулахъ, глянулъ: тамъ далеко надъ моремъ вечерній дремотный туманъ, а здѣсь, близко у самой стѣны часовой въ своемъ твердомъ киверѣ шагаетъ взадъ и впередъ спокойно и мѣрно, какъ маятникъ.

А время уходитъ... Заволакиваются вечерней дымкою дали. Прозрачнымъ туманомъ подернулись высокіе островерхіе кипарисы кладбища.

Янко упругимъ, цѣпкимъ движеніемъ, соскочилъ на каменный, жиденько-устланный соломою, полъ. Заметался въ безсильномъ бѣшенствѣ! И столько клокотало въ немъ гасящей разсудокъ злобы, — кажется такъ и разбилъ бы черепъ со слѣпу объ эту стѣну, съ громад-

ными ввинченными кольцами, — здѣсь швабы на цѣпяхъ держали «важныхъ» политическихъ.

Но какая-такая политика числилась за Янко Павловичемъ? А вотъ какая! Жилъ у него родственникъ въ Каттаро. Янко бѣгалъ часто къ нему въ гости, благо изъ Нѣгуша напрямикъ черезъ горы пути — рукой подать. И ничего, сходило... Никогда никакихъ паспортовъ и пропусковъ не пыталъ. Но вчера вотъ у мола, — только что изъ Ругузы пароходъ пришелъ, — видитъ Янко австрійскій жандармъ бьетъ старую черногорку: «Не смѣй говорить по-сербски!» Янко, хоть и пятнадцатилѣтній, — на полголовы ростомъ былъ выше жандарма, преземистаго нѣмца изъ Граца... Жандармъ кубаремъ отлетѣлъ отъ старухи на нѣсколько шаговъ, а Янко схватили другіе жандармы. Онъ — упираться, они — прикладами! Орленокъ, сверкая глазами, сыпалъ ударами направо и налѣво. Но, въ концѣ концовъ, окровавленный, избитый весь, обезоруженный, — револьверъ отняли, — доставленъ былъ къ коменданту, гримировавшемуся подъ Франца-Іосифа, генералу Брюллеру. Дорогою жандармы поносили плѣнника!..

— Попался, нагоритъ же тебѣ, черногорскій щенокъ!..

— Этотъ черногорскій щенокъ подъ Тарабошемъ воевалъ, — огрызался Янко, — и турокъ укладывалъ изъ винтовки... Отецъ мой — четный знаменщикъ, легъ подъ Скадромъ, а вотъ вы, швабы, пятеро на одного, да еще съ карабинами, — тутъ вы храбрые!..

Генералъ — вылитый Францъ-Іосифъ, такой же голый черепъ тыквою, такая же грязная сѣдина бакеновъ, — съ мѣста затопалъ ногами:

— Что? Оскорбить жандарма, жандарма его апостольскаго величества, при исполненіи служебныхъ обязанностей! Мерзавецъ! Мальчишка! Всѣ вы, черногорское отродье, бунтовщики, всѣмъ вамъ на висѣлицѣ мѣсто!.. Давно пора, ваше гнѣздо разбойничье... Какъ ты смѣлъ, отвѣчай, какъ ты смѣлъ поднять руку?..

— Я не зналъ, что цесарскіе жандармы воюютъ съ беззащитными старухами! — смѣло, глядя прямо въ генеральскую переносицу своими круглыми глазами орленка, отвѣтилъ высокій стройный мальчикъ, съ гордой линіей профиля и, какъ у взрослаго, обозначившимся рисункомъ губъ.

Генералъ Брюллеръ забрызгалъ цѣлымъ фонтаномъ слюны.

— Молчать!.. Всѣ вы разбойники, всѣ головорѣзы!.. Мы изъ васъ выколотимъ этотъ проклятый мятежный духъ!.. Отвѣчай, кто ты и что ты? Изъ чьей кучи (дома)?

— Янко Павловичъ, изъ Нѣгуша...

— Божо Павловичъ кто тебѣ?

— Дѣдъ мой!..

— Такъ ты изъ этой змѣиной породы! Твой дѣдъ воръ и грабитель!

— Неправда!.. Воромъ и грабителемъ Божо Павловичъ никогда не былъ. А что въ Босніи, какъ было возстаніе, дѣдъ мой немало швабскихъ носовъ порѣзалъ, — это вѣрно!.. И теперь ходятъ, — мѣченые!..

— Убрать его, — «туда»! — затопалъ, побагровѣвшій, комендантъ.

Мальчика «убрали».

2.

Еще не успѣлъ притти въ себя комендантъ Боки-Которской, доложили ему о батальонномъ командирѣ альпiйскихъ стрѣлковъ, баронѣ Троппау. Типичный офицеръ изъ австрiйскихъ нѣмцевъ. Тоненькiй, выхоленный, безцвѣтно-изящный, выбритый, въ свѣтлыхъ усахъ. На колѣняхъ лежала мягкая шляпа съ перомъ — головной уборъ альпiйскихъ стрѣлковъ.

— Эта операцiя должна производиться въ глубочайшей тайнѣ... Офицеры, не говоря уже объ нижнихъ чинахъ — никто не долженъ знать, куда и зачѣмъ?.. Слышите, полковникъ...

Баронъ Троппау молча склонилъ голову.

— Будетъ удача, — я первый поздравлю васъ съ «Золотымъ Руномъ». У насъ есть точныя свѣдѣнiя, Ловченъ — беззащитна. Ни артиллерiи, ни пѣхоты. Ничего!.. Вниманiе черногорцевъ отвлечено албанцами. Малиссоры и миридиты — мы имъ послали пятьсотъ тысячъ кронъ золотомъ — перешли черногорскую границу Идiоты, грубые мужики, пастухи!.. Мы предлагали имъ за Ловченъ двадцать миллiоновъ. Не захотѣли — силой отберемъ!.. Это будетъ прекрасный подарокъ его величеству... Въ случаѣ успѣха, — а въ успѣхѣ я не сомнѣваюсь — легко будетъ оккупировать всю Черногорiю... Мы двинемъ изъ Сараева боснiйскiй корпусъ. Ахъ, Сараево!.. Безъ слезъ не могу вспомнить... Бѣдный эрцгерцогъ!.. Мученическiй конецъ его. Но — близка расплата!.. Итакъ, дорогой полковникъ, благословляю васъ обѣими руками! Жаль, что у меня только двѣ... Трудна будетъ часть

пути въ гору, когда вы свернете съ шоссе. Но, вѣдь, ваши альпійскіе стрѣлки...

— Они лазаютъ по горамъ, какъ серны,— подхватилъ баронъ.

— Вотъ видите, чего же лучше!.. Сколько у васъ ословъ подъ артиллерію и вьюки?..

— Шестьдесятъ...

— Прекрасно!.. Завтра, къ ночи выступивъ, къ разсвѣту вы займете Ловченъ. Да поможетъ вамъ Богъ!.. Вышлите развѣдку... Можно будетъ снять черногорскіе посты. Да поможетъ вамъ Богъ!

3.

Темно въ казематѣ...

Янко лежалъ ничкомъ. Слезы жгучаго безсильнаго бѣшенства катились изъ глазъ. Онъ готовъ, пусть отрубятъ ему руку, только-бъ очутиться на свободѣ!.. Метался и бился, царапая гладкія, отполированныя вѣками, плиты. Но что это? Янко случайно нащупалъ ввинченное въ камень желѣзное кольцо. Онъ вынулъ изъ кармана сѣрники, оглянулся на дверь, чиркнулъ спичку. Спѣшно, пока не погасъ сизый огонекъ, разгребъ Янко солому. Кольцо ввинчено въ средину квадратной плиты. И, замѣтно, — плита вынимается... Что это, входъ въ подземелье?.. Янко, упершись ногами, потянулъ за кольцо. Ни съ мѣста плита! Янко изо всей силы дернулъ. Горячая кровь въ лицо хлынула отъ напряженія. Плита нехотя сдвинулась. Еще усиліе и квадратное отверстіе, зіявшее даже въ темнотѣ своей чернотою, пахнуло снизу сыростью. Янко, лежа, чиркнулъ спичку. О, какая зловѣщая темень!.. Дорога въ адъ и та краше... Ветхая

лѣсенка, подгнившая, поросшая грибной плѣсенью...

Была не была, — перекрестившись, надвинувъ плотнѣй свою круглую черногорскую шапочку, юноша спустился внизъ. Смѣлѣй — чего тутъ!.. Кто его хватится ночью?.. Счастье, что съ нимъ сѣрники. А то легче легкаго разбить голову средь этой кромѣшной тьмы о каменный выступъ низенькаго грота. Порою ползти приходится,—такая тѣснота. Янко ползъ — долго ли, мало ли — гдѣ ужъ тутъ знать... Здѣсь минута сойдетъ за вѣчность, а вѣчность покажется минутой.

Уперся во что-то. Зажегъ спичку — увидѣлъ полукруглую калитку, перекрещенную ржавыми полосами. Замка нѣтъ. Былъ, — только гнѣздо осталось. Потянулъ на себя Янко — диво-дивное, — подалась калитка. И свѣжимъ воздухомъ пахнуло, и краешекъ звѣзднаго неба глянулъ.

Калитка почти упиралась въ изрытую морщинами скалу. Янко — раздумывать не приходится — полѣзъ на верхъ. Добрался до первой площадки — передохнуть можно... Глянулъ оттуда, — весь городокъ на ладони свѣтящейся подковою охватилъ бухту.

Неужели спасеніе? Не надо терять ни минуты. Ободралъ себѣ ногти въ кровь, не велика бѣда, только-бъ успѣть! Все выше и выше Янко. Уже ничего не видитъ, кромѣ голыхъ нагроможденій, мертвыхъ хаосовъ поднимающагося къ ночнымъ небесамъ гранита. Скоро пошли знакомыя тропинки межъ глыбами камней и чахлымъ кустарникомъ. Этой кратчайшей дорогою спускаются черногорцы Нѣгуша въ Боку-

Которскую къ родичамъ своимъ и за покупками. Еще подняться немного вверхъ и Янко перейдетъ, вѣрнѣе, вскарабкается черезъ границу. Одно слово,— граница. Самъ чортъ не установить ее средь этихъ сѣрыхъ, отвѣсныхъ скалъ. А тамъ, высоко въ серебристомъ вѣнцѣ изъ прозрачныхъ облаковъ сіяетъ вѣчными снѣгами острый куполъ святого Ловчена... И загорѣлся весь приливомъ новой энергіи мальчикъ и словно окрыленный, бодро продолжалъ свой головоломный путь. Тихо такъ, торжественно тихо въ горахъ... Шуршаніе каждаго камешка подъ ногами явственно слышится... И средь этого нѣмого безмолвія грубый окрикъ:

— Halt!..

Нанесла же нелегкая! Мальчикъ напоролся на одного изъ охраняющихъ границу австрійскихъ жандармовъ. Эхъ, если-бъ револьверъ!..

— Halt!..

Уже совсѣмъ близко. Сотня шаговъ. Блеснулъ огонекъ. Перекликами раскатился въ горахъ выстрѣлъ. Янко во-время успѣлъ припасть къ землѣ. Пуля, просвистѣвъ надъ головою, ударилась о камень и сплющилась. А теперь — помоги Царица Небесная — на тебя вся надежда. И въ одинъ мигъ, лежа, вспомнилъ Янко всѣ разсказы сточетырехлѣтняго дѣда Божо о разныхъ военныхъ хитростяхъ. Вспомнилъ и прикинулся мертвымъ. Жандармъ спѣшитъ, осыпаются подъ ногами камни... Видитъ мальчикъ ненавистную каску съ цесарскимъ орломъ. Жандармъ ткнулъ свою жертву карабиномъ... Зашевелились жесткіе усы въ торжествующей улыбкѣ... Жандармъ наклонился — пошарить въ карманахъ, не найдется ли чего?

Янко вскочилъ вдругъ и, схвативъ шваба за горло, сталъ душить... Ошеломленный жандармъ выпустилъ карабинъ. Сводились судорогою лицо, руки, онъ терялъ сознаніе. И когда разжалъ пальцы Янко, швабъ грузно опустился на землю... Янко — это было дѣло одной минуты — отстегнулъ у жандарма обѣ патронныя сумочки, поднялъ карабинъ, сбросилъ съ кручи неподвижное тѣло въ мундирѣ, а самъ скорѣй все выше и выше, пока этотъ одинокій выстрѣлъ-сигналъ не накликалъ другихъ жандармовъ...

4.

Возлѣ кулы (хаты) Божо Павловича, — всегда народъ. Интересно послушать человѣка, помнившаго короля Николая ребенкомъ. А тогда Божо Павловичу уже шелъ пятый десятокъ. Считали его славнымъ юнакомъ. Кривымъ ножомъ своимъ безъ счету поснималъ онъ турецкихъ и албанскихъ головъ. Да и въ послѣднюю войну отличился старый Божо. Одиннадцать турецкихъ носовъ и ушей, какъ грибы засушенныхъ, принесъ изъ-подъ Тарабоша въ свой Нѣгушъ. И дивился Божо, слыша кругомъ, что теперь уже такъ не воюютъ и рѣзать носы — это не по правиламъ.

Упрямый Божо и знать ничего не хотѣлъ...

— Меня переучивать поздно! А вотъ вы съ вашими «правилами» перебейте столько народу, сколько я на своемъ вѣку нарѣзалъ турокъ, да арнаутовъ!..

Въ этомъ на всей Черной Горѣ не могъ никто съ Божо Павловичемъ потягаться... Гдѣ ужъ тутъ?..

Княжичъ Мирко показывалъ дѣдушку Божо военнымъ агентамъ. Узнавъ, что ему больше ста лѣтъ, эти офицеры съ «иностранства» пришли въ восторгъ, жали дѣдушкѣ руку и немедленно былъ вызванъ фотографъ. Портретъ сухощаваго съ сѣдыми усами и громаднымъ револьверомъ за поясомъ старика, обошелъ всѣ французскiе и англiйскiе журналы.

Въ эту тихую звѣздную ночь Божо съ трубочкою въ зубахъ — всѣ до единаго цѣлы — сидѣлъ у себя на заваленкѣ. Подошелъ начальникъ почтовой станцiи, видный мужчина, съ открытымъ лицомъ, черными, какъ два жгута, усами и въ красной, расшитой золотомъ, безрукавкѣ. Стройная смуглая дѣвушка Милена, съ двумя, до колѣнъ толстыми, косами, внучка Божо и старшая сестра Янко — вынесла изъ кулы на подносѣ въ крохотныхъ чашечкахъ черную «кафу».

— А гдѣ-жъ это Янко? — спросилъ Милордъ Цемовичъ, начальникъ станцiи.

— Загостился въ Которѣ. Дѣлать нечего пострѣленку!.. — отозвался Божо.

Подошелъ младшiй, одиннадцатилѣтнiй внукъ Милославъ, стройный и гибкiй мальчишка — двѣ капли воды Янко.

— А ну, давай ягатаны, — приказалъ дѣдъ.

Внукъ вернулся съ двумя кривыми кинжалами, въ богатой оправѣ и съ усыпанной бирюзой рукоятью. Любимымъ развлеченiемъ Божо были уроки фехтованiя, которые онъ давалъ внуку. Внукъ нападалъ, дѣдъ защищался. Сидя и не мѣняя позы, дымя трубочкой, дѣдъ шутя, короткимъ движенiемъ отбивалъ всѣ, не по лѣтамъ серьезныя и стремительныя атаки мальчика.

— Добрый будетъ юнакъ, — одобрялъ дѣдъ. — Не сегодня-завтра велитъ господарь итти на швабовъ, — всѣ пойдемъ! Будетъ и тебѣ работа!..

Какъ зачарованный стоялъ въ своей котловинѣ маленькій Нѣгушъ, эта первопрестольница земли Черногорской. И поднимались отовсюду, со всѣхъ сторонъ голыя, безмолвныя скалы, и чудилось, что за ихъ твердынею кончается міръ и начинается загадочная, непроницаемая вѣчность. А дальше, мягкимъ и нѣжнымъ, какъ сновидѣніе, силуэтомъ, намѣчается средь звѣздныхъ небесъ острымъ пикомъ Ловченъ-Планина.

Пустынны извивы исчезающей въ горахъ, шоссейной дороги. Оттуда кто-то бѣжитъ скоро-скоро.

Первымъ распозналъ дѣдъ Божо.

— Янко оглашенный!.. И не одинъ, а съ пушкою (ружьемъ).

Долго не могъ отдышаться Янко, такъ запыхался... И поняли всѣ — не спроста бѣжалъ.

— Что случилось?

— Швабы идутъ, изъ Котора. Цѣлый батальонъ, и топы (пушки) съ ними на магарцахъ. Самъ видѣлъ!.. Я напрямки шелъ, они — по шоссе. Черезъ часъ до Чертовой Петли долѣзутъ... А тамъ — на Ловченъ!..

— Да ты съ ума сошелъ! — прикрикнулъ дѣдъ, вскакивая, опрокинувъ табуретъ съ кофе и по привычкѣ хватаясь за револьверъ у пояса.

— Своими глазами, дѣду Меня швабы въ казематъ кинули... Вырвался вотъ... прибѣжалъ!..

Подъ сѣдыми пучками бровей засверкали глаза стараго Божо.

— Сейчасъ же, въ засаду... Всѣ, кто есть въ Нѣгушѣ... Не дадимъ Ловчена!

Оба внука побѣжали по всѣмъ куламъ... Кто не спалъ еще, тотчасъ же выбѣгалъ съ винтовкою, а кого разбудили, наскоро одѣвшись, на ходу пристегивалъ утыканный патронами, поясъ.

Сборный пунктъ у кулы стараго Божо. Сгустилось человѣкъ восемдесятъ.

Старики, пожилые, молодежь и даже момчата (мальчики). Божо, высокій, худой, командовалъ:

— Заляжемъ въ горахъ... Дадимъ подойти близко. И когда станутъ подыматься у Чертовой Петли, одни будутъ бить ихъ въ «голову», другіе въ «хвостъ». Тогда мы ихъ скорѣе смѣшаемъ...

Черногорцы бѣгомъ, съ винтовками бросились по шоссе. И потомъ, растянувшись человѣческой лентою, стали подниматься вверхъ на громоздившіяся къ небесамъ скалы...

Впереди всѣхъ Божо — съ внучатами.

5.

Даль и просторъ...

Богъ знаетъ, какая низина тамъ, подъ ногами!.. Зеркаломъ стынетъ Которская бухта. Свѣтлячками горятъ огоньки. И всюду, гдѣ хватаетъ глазъ, обступили горы и воды и старый, притиснутый ими къ своему берегу Каттаро. А дальше — необъятная ширь Адріатическаго моря, тающаго въ серебристомъ туманѣ.

И надъ всей этой Божьей красою такой величавой и дивной, что даже не вѣришь въ нее — темное небо съ яркимъ мерцаніемъ южныхъ звѣздъ.

Распластались цѣпью юнаки. Сѣрыя тѣла ихъ слились съ такими же сѣрыми камнями. Зорко всматривались внизъ орлы и орлята. Ни слова, ни звука. Хоть бы случайно стукнула о камень винтовка...

Затаились, ждутъ... Не долго теперь... Тамъ, внизу, на добрыхъ полкилометра черной шевелящейся змѣею растянулась колонна альпійскихъ стрѣлковъ и движется, медленно всползаетъ вверхъ по шоссе. У многихъ юнаковъ до боли, до сердцебіенія, шибко-шибко стучитъ въ груди, чешутся руки послать пулю навѣрняка въ эту швабскую гущу. Но сигналъ дастъ своимъ первымъ выстрѣломъ дѣдушка Божо. Онъ лучше знаетъ, когда начинать. Онъ залегъ тамъ, гдѣ надо встрѣтить свинцовымъ гостинцемъ «голову», и по бокамъ его расположились два счастливые, гордые такимъ сосѣдствомъ, внука. Янко снимаетъ свой добытый у австрійскаго жандарма манлихеръ.

Гдѣ онъ теперь, швабъ? Скатился въ бездну — не соберешь и костей!.. Весь въ клочья, поди, изорванъ!..

Колона старается соблюдать наивозможную тишину, но сюда, вверхъ, доносится глухой шумъ шаговъ тысячи мѣрно шагающихъ человѣкъ. Тихіе окрики офицеровъ. Угольками вспыхиваютъ ихъ сигары... Цокаютъ по камнямъ копыта ословъ, навьюченныхъ митральезами.

Колонна живымъ существомъ круто сворачиваетъ съ шоссе въ гору. Подъемъ сталъ сразу труднѣе.

Божо прицѣлился... Короткій выстрѣлъ, эхомъ отдавшійся въ горахъ. И чья-то фигура, качнувшись, упала съ маленькой горной лошадки. Это былъ батальонный командиръ, баронъ Троппау.

Выстрѣлы по всей линіи, но главный огонь сосредоточился на флангахъ.

Колонна смѣшалась. Раненые ослы метались, разстраивая ряды. Каждый залпъ выхватывалъ изъ гущи десятки альпійскихъ стрѣлковъ. Офицеры забѣгали вдоль колонны, пытаясь предотвратить панику. Въ бѣшенствѣ и въ страхѣ колотили они солдатъ револьверами, приказывая открыть огонь. Отвѣчать на выстрѣлы можно было лишь наудачу. Невидимый врагъ тамъ, наверху, искусно пользовался подъ прикрытіемъ каждымъ выступомъ, каждымъ камнемъ, каждой гранитной морщинкою.

Главная часть, уже поднимавшаяся въ гору, особенно пострадала отъ мѣткаго огня. Убитые и раненые стрѣлки падали внизъ, сбивая задніе ряды.

Офицеры наладили нѣсколько безпорядочныхъ залповъ. Съ визгомъ сыпались, ударяясь о камни, австрійскія пули, но убыли отъ нихъ черногорцамъ не было. Юнаки едва успѣвали заряжать свои винтовки съ разгоряченными до обжога стволами. Каждый залпъ такъ и косилъ австрійцевъ. Растрепанный батальонъ рѣдѣлъ съ минуты на минуту. Уже почти всѣ офицеры выбиты, уже осталась едва ли половина нижнихъ чиновъ. Многіе стрѣлки арьергарда,

бросая винтовки, бѣжали назадъ внизъ, спотыкаясь и падая, чтобъ никогда не встать больше...

Черногорцы все продолжали косить непріятеля. У самихъ же — нѣсколько раненыхъ и то не опасно. Кого въ плечо, у кого — въ руку.

Сквозь ружейную трескотню послышалось по-сербски:

— Сгода!.. Сгода...

Австрійцы сдавались, только бъ грозный, невидимый врагъ прекратилъ эту страшную бойню.

Уцѣлѣвшіе офицеры пытались образумить солдатъ, хотѣли обстрѣливать скалы изъ митральезъ, но обезумѣвшіе солдаты, забывъ всякую дисциплину, отвѣчали прикладами...

Божо принялъ сдачу. Но чтобъ не случилось коварства, потребовалъ сверху, мощно гремѣлъ его голосъ, чтобъ швабы несли въ одну кучу свои винтовки. Ошеломленное стадо, — полчаса назадъ оно было стройной, щетинившейся плоскими штыками, колонной, — повиновалась. И тогда черногорцы спустились къ нимъ и погнали впереди себя остатки безоружнаго батальона. А горсточка юнаковъ грузила ословъ швабскими манлихерами.

— Ну, что, добыли Ловченъ, подлые австріяки? — слышалось тамъ и сямъ среди черногорцевъ. Альпійскіе стрѣлки въ своихъ шляпахъ съ перьями, съ иголочки одѣтые, въ новенькихъ, куцыхъ мундирахъ и узкихъ штанахъ, злобные, пристыженные, молчали, по привычкѣ машинально отбивая тактъ.

Раненный въ плечо шальной пулею, Янко сгоряча не почувствовалъ боли. Кое-какъ перевязанный дѣдомъ, вернулся въ Нѣгушъ. И уже

тамъ свалился въ родной кучѣ. Его свезли въ цетиньевскій госпиталь въ бывшемъ кадетскомъ корпусѣ. И онъ лежалъ въ томъ самомъ классѣ, въ которомъ учился назадъ тому два съ половиною года, еще до турецкой войны.

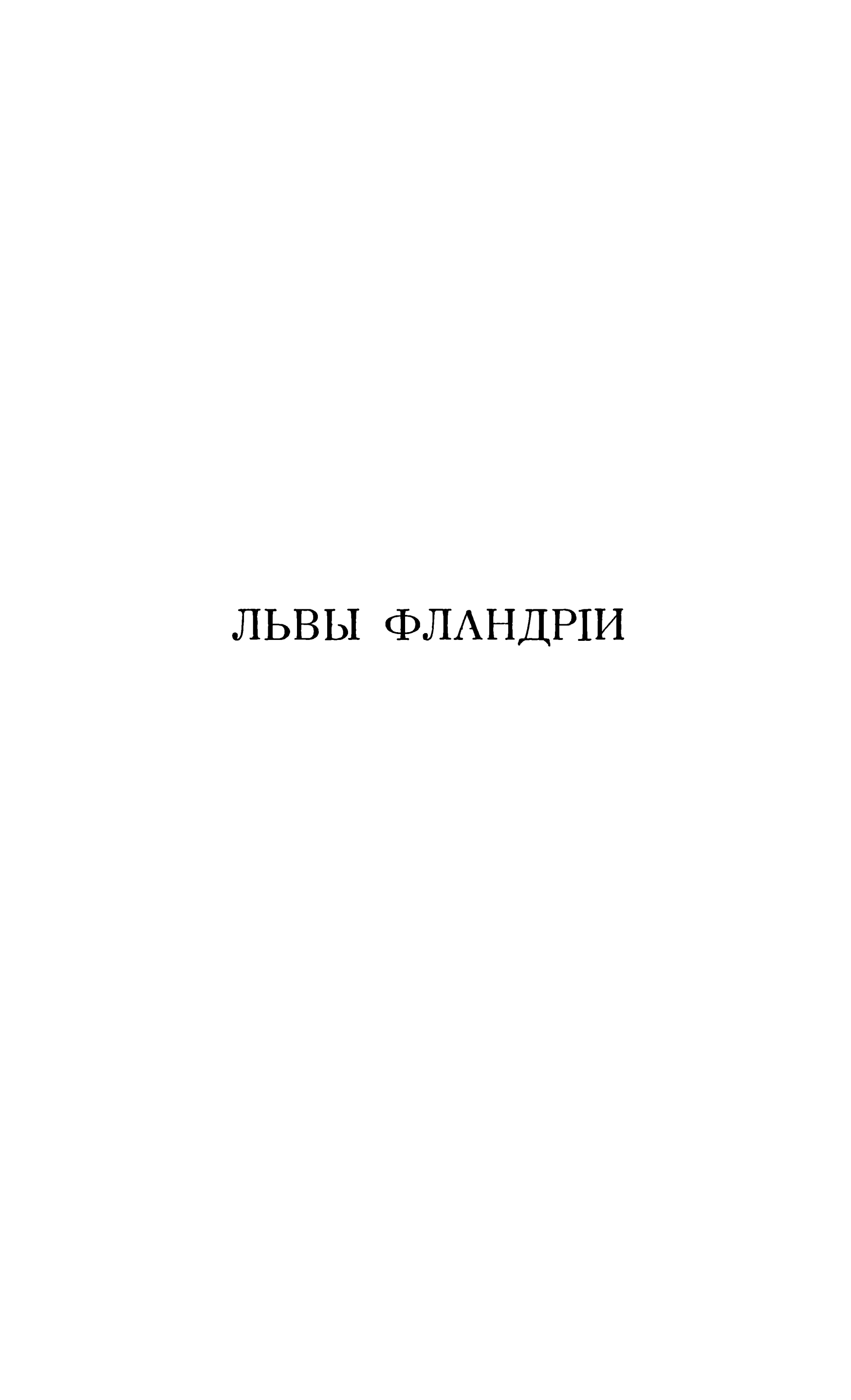
И, однажды утромъ, когда онъ смотрѣлъ на черную классную доску, почему-то до сихъ поръ не вынесенную, къ его изголовью подошелъ, въ сопровожденіи адъютанта и доктора, плотный широколицый старикъ въ черногорскомъ убранствѣ.

— Ну, какъ здоровъ, мамче?..

— Хвала, государь! — улыбнулся орленокъ, пытаясь приподняться.

Король Николай, коснувшись здороваго плеча Янко, поцѣловалъ его въ лобъ и положилъ ему на грудь орденъ...

А въ окно, средь яснаго дня, глядѣлъ со своихъ далекихъ высей гордой снѣговой вершиною, недоступный и прекрасный, какъ алтарь невѣдомыхъ, заоблачныхъ боговъ — Ловченъ...

ЛЬВЫ ФЛАНДРІИ

1.

Чуть ли не въ самый день объявленія войны карабинеры бельгійской жандармеріи обыскали одинъ изъ громадныхъ шестиэтажныхъ домовъ. На чердакѣ нашли полное обмундированіе для двухъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ. Каски, синіе мундиры, шинели, карабины — все! Расчетъ наводнявшихъ Бельгію нѣмецкихъ шпіоновъ былъ ясенъ. По данному сигналу двѣ тысячи мирно живущихъ въ Антверпенѣ пруссаковъ съ трансформаторской быстротою превращаются въ вооруженныхъ солдатъ, и — мало ли какія могутъ быть послѣдствія?..

Но нѣмцы частью высланы изъ Бельгіи, частью взяты подъ стражу, какъ военноплѣнные. Двѣ тысячи винтовокъ розданы обывателямъ. Сильный своей техникою и своими полчищами, врагъ уже бомбардируетъ геройски отбивающій его атаки Льежъ. Сегодня Льежъ, завтра — Антверпенъ. И всѣ способные носить оружіе бельгійцы превратятся въ вольныхъ стрѣлковъ.

Обмундированіе прусскихъ солдатъ — каски, мундиры, шинели — отданы были военной властью въ распоряженіе города и свезены въ ратушу.

Бургомистру доложили, что его хочетъ видѣть Клодъ Мишо.

— Просите!..

Клода Мишо зналъ весь городъ. Это былъ укротитель въ антверпенскомъ зоологическомъ саду. По праздникамъ, когда собиралось много публики, Клодъ Мишо, согнавъ въ одной общей клѣткѣ всѣхъ своихъ дикихъ звѣрей, заставлялъ ихъ продѣлывать разныя мудреныя штуки.

Бургомистръ, пожилой человѣкъ съ блѣдно-восковымъ цвѣтомъ лица человѣка сидячей жизни, принялъ Клода Мишо въ своемъ громадномъ кабинетѣ со стрѣльчатыми окнами и монументальными сводами. Все было старинное и тяжелое. И вмѣсто теперешняго человѣка въ такомъ прозаическомъ нынѣшнемъ сюртукѣ, здѣсь болѣе къ мѣсту былъ бы другой бургомистръ, сошедшій съ портрета Франца-Гальса, въ бѣломъ жабо и въ строгомъ черномъ камзолѣ со вздувшимися рукавами.

Клодъ Мишо напомнилъ старый, перенесшій на своемъ вѣку немало урагановъ и бурь, но все еще сильный и мощный, дубъ. Онъ былъ высокъ, плечистъ, и лицо съ крупными чертами, все въ глубокихъ шрамахъ, отличалось когда-то красотою. Длинная грива сѣдыхъ волосъ, мягкій, разстегнутый воротникъ рубахи, плисовая куртка и высокіе шнурованные сапоги — все это сообщало Клоду Мишо какую-то особенную артистически-цирковую величавость... Сразу угадывался укротитель. И укротитель съ блестящимъ прошлымъ... Успѣхъ, поклоненіе женщинъ, громадные плакаты, расклеенные повсюду... Такъ оно и было...

— Здравствуйте, Мишо, садитесь... Какъ поживаютъ ваши звѣри?.. Впрочемъ, виноватъ...

Развѣ можно теперь назвать звѣрями вашихъ львовъ и тигровъ? Настоящіе звѣри — тамъ, подъ Льежомъ. Двуногіе звѣри, выпущенные на свободу своимъ укротителямъ Вильгельмомъ. Они выкалываютъ мирнымъ жителямъ глаза, рѣжутъ имъ уши, языкъ, отсѣкаютъ женщинамъ груди. Бѣдная Бельгія!.. Какія испытанія ждутъ ее еще впереди? — вздохнулъ бургомистръ. — Но будемъ вѣрить въ торжество свѣта и правды надъ грубой насильнической тьмою дикихъ варваровъ... Господь Богъ послалъ намъ обаятельнаго короля-рыцаря, короля-солдата. Его величество искусно руководитъ обороною Льежа, и тамъ, гдѣ самый адскій огонь, тамъ король первый изъ первыхъ, храбрѣйшій изъ храбрыхъ... Но что съ вами? — почти съ испугомъ спросилъ бургомистръ, видя, что старый укротитель весь дрожитъ, гнѣвно сжимая свои громадные кулаки. Его лицо въ шрамахъ, исказилось бѣшеной злобою, и сверкали подъ широкими, сѣдыми бровями глаза.

— Ахъ, господинъ бургомистръ, во мнѣ все кипитъ! Я и прежде не питалъ особенной нѣжности къ этой подлой тевтонской расѣ, а теперь... я не могу равнодушно слышать... При одномъ имени ихъ — чортъ знаетъ что со мною творится!.. Палачи, подлые, негодяи, убійцы!

Едва успокоился Клодъ Мишо. Потомъ спросилъ:

— Какъ вы думаете, господинъ бургомистръ, они докатятся сюда къ намъ, подъ стѣны Антверпена?..

— Увы, это, въ концѣ концовъ, неизбѣжно, — печально развелъ руками бургомистръ. — Сколь ни доблестна бельгійская армія, сколь ни та-

лантливъ верховный вождь, но непріятельскія орды несмѣтны. Онѣ задавятъ насъ! Въ конечномъ итогѣ Бельгіи не видать имъ, какъ ослиныхъ ушей своихъ... Наши славные союзники и съ востока, и съ запада спасутъ Бельгію. Но пока... временно...

Клодъ Мишо сидѣлъ съ минуту, опустивъ голову, что-то соображая. Взглядъ его, устремленный куда-то вбокъ, былъ почти безумный.

Бургомистру сдѣлалось жутко. Онъ вспомнилъ разсказы о странностяхъ Клода Мишо,— странностяхъ, граничившихъ иногда съ ненормальностью.

Укротитель быстро поднялъ голову и, откивувъ назадъ сѣдую гриву сѣдыхъ волосъ, молвилъ:

— Господинъ бургомистръ, у меня къ вамъ большая, большая просьба?..

— Я къ вашимъ услугамъ, Мишо. И если могу чѣмъ-нибудь...

— Это — сущіе пустяки, господинъ бургомистръ... Прикажите выдать мнѣ полную обмундировку для дюжины германскихъ солдатъ, конфискованную на чердакѣ... Полную!.. Мундиры, панталоны, каски...

— Зачѣмъ вамъ все это, Мишо?

— Необходимо, господинъ бургомистръ, увѣряю васъ.

— Да это, дѣйствительно, какой-то чудакъ,— мелькнуло у бургомистра.

— Ладно, милый Мишо. Я исполню вашу просьбу, не допытываясь никакихъ объясненій. Я лично знаю васъ около десяти лѣтъ. Одинъ только вопросъ... Вѣдь это должно послужить во вредъ нѣмцамъ, не правда ли?

— Можно ли сомнѣваться, господинъ бургомистръ! Конечно, во вредъ! Будь они прокляты всѣ! Да разразится надъ ихъ головами погибель!..

— Вы можете получить просимое въ любое время.

— Благодарю васъ, господинъ бургомистръ, отъ всего сердца! Сегодня же пришлю моего помощника. Онъ свезетъ...

«Чудакъ человѣкъ! Чудакъ»! — подумалъ, качая головой, бургомистръ, и, уйдя цѣликомъ въ лежащія передъ нимъ бумаги, тотчасъ же забылъ про Клода Мишо.

2.

Это было назадъ тому много лѣтъ. Тогда Клода Мишо никто не зналъ. Знали стяжавшаго себѣ легендарную извѣстность Антоніо ди-Кастро. Этотъ псевдонимъ звучалъ красивѣй, чѣмъ Клодъ Мишо. Молодой, богатырски сложенный красавецъ, Антоніо ди-Кастро работалъ съ труппою хищниковъ своихъ во всѣхъ выдающихся циркахъ Европы, Америки, сѣверной Африки. Ему везло. Всѣ его выступленія сопровождались успѣхомъ и горстями золота, которое онъ расшвыривалъ, не считая. Безумно дерзкій со своей звѣриною труппой, Антоніо ди-Кастро неоднократно подвергался нападенію тигровъ, львовъ и пантеръ. Онъ отлеживался, несокрушимое здоровье, въ концѣ концовъ, брало свое, заживали и затягивались глубокіе слѣды когтей и страшныхъ царапинъ... И Антоніо ди-Кастро вновь появился, играя со смертью на глазахъ многолюдной толпы, то за-

мирающей, какъ одинъ человѣкъ, то бѣшено ему рукоплещущей.

Это не жизнь была, а сплошной феерическій праздникъ, хотя и балансирующій на краю какой-то страшной бездны... Но въ этой вѣчной опасности, въ этихъ нервныхъ встряскахъ — въ этомъ и есть настоящая красота переживаній.

Знаменитый бельгійскій укротитель, прятавшійся благозвучности ради подъ итало-испанскимъ псевдонимомъ. Антоніо ди-Кастро, этотъ кумиръ женщинъ, влюбился самъ, наконецъ, чистымъ и бережнымъ чувствомъ въ хрупкую, граціозную балетную танцовщицу, выступавшую въ феерiи въ томъ самомъ циркѣ, куда приглашенъ былъ на весь зимній сезонъ укротитель. Но эту любовь растопталъ грубо, отвратительно, соперникъ его, партерный гимнастъ Гансъ Мейеръ, нѣмецъ изъ Ганновера. Этотъ Мейеръ конфектно смазливый циркачъ, — усы стрѣлкою и напомаженные волосы съ боковымъ проборомъ и капулемъ, — увлекъ юную танцовщицу. И вовсе не потому, чтобы она ему нравилась, а желая насолить укротителю...

«Ты — модная знаменитость, имѣешь такой успѣхъ, тебя рекламируютъ аршинными буквами, такъ вотъ — получи!..»

Партерный гимнастъ сманилъ дѣвушку, уѣхалъ съ нею и вскорѣ выгналъ бѣдняжку, когда она готовилась сдѣлаться матерью... Несчастная отравилась.

Антоніо ди-Кастро носился по всей Европѣ, гоняясь за человѣкомъ, похитившимъ его счастье. Нагналъ онъ его въ Барцелонѣ.

Гансъ Мейеръ гримировался въ уборной передъ выходомъ, гримировался такъ, словно это

былъ не акробатъ, а актеръ. Подводилъ глаза, румянилъ щеки. Распахивается дверь, и стремительно входитъ ди-Кастро, блѣдный, горящій весь. Тотчасъ же закрылъ дверь на крючокъ. Этотъ визитъ не сулилъ ничего хорошаго... Гансъ Мейеръ, ошеломленный, побѣлѣвшій сквозь румяна, лепеталъ срывающимся голосомъ:

— Позвольте... Сейчасъ мой выходъ... На какомъ основаніи!..

— Успѣешь! А пока выбирай, — любой изъ нихъ!..

И Антоніо ди-Кастро протянулъ партерному гимнасту двѣ испанскихъ навахи.

— Что это?.. Я ничего не понимаю... — бормоталъ Гансъ Мейеръ.

— Сейчасъ поймешь! Одинъ изъ насъ останется здѣсь въ этой уборной. Начинаемъ!..

Но нѣмецъ вовсе не хотѣлъ «начинать». Бросился къ дверямъ:

— Помогите!..

Поведеніе трусливаго подлеца возмутило Клода Мишо. Острой, какъ бритва, навахою, онъ полоснулъ партернаго гимнаста по горлу... Судъ приговорилъ убійцу къ десяти годамъ каторги. Клодъ Мишо былъ сосланъ въ Цеуту, гдѣ въ теченіе десяти лѣтъ волочилъ за собою ядро, прикованное цѣпью къ ногѣ. Отбывъ наказаніе, состарившись, съ посѣдѣвшей головою, разоренный, нищій, возвратился Мишо на родину. Въ Антверпенѣ ему удалось пристроиться въ зоологическій садъ на скромную должность чего-то средняго между надсмотрщикомъ за дикими звѣрями и укротителемъ. Вся жгуче выстраданная катастрофа не могла не оставить слѣдовъ. Это выражалось въ кой-какихъ стран-

ностяхъ, въ прямо болѣзненной привязанности Мишо къ своимъ хищникамъ и въ такой же болѣзненной ненависти къ германскому племени и всему германскому.

Особеннымъ благоволенiемъ стараго укротителя пользовались жившiе въ одной клѣткѣ берберiйскiе левъ и львица, Сарданапалъ и Зарема. Онъ проводилъ съ ними цѣлые часы. И эти царь и царица пустыни были покорны и послушны ему, какъ ручные котята. Сарданапалъ и Зарема ластились, шершавымъ, влажнымъ языкомъ своимъ лизали ему руки. Сарданапалъ, взиравшiй изъ своей клѣтки на все и на вся съ поистинѣ царственно-великолѣпнымъ презрѣнiемъ, отражавшимся и въ чертахъ громадной косматой головы и въ желтыхъ сузившихся зрачкахъ, на одного Клода Мишо смотрѣлъ съ умной, почти человѣческой ласкою.

Мишо подолгу разговаривалъ со своими любимцами. Левъ и львица по-своему понимали его. Онъ угадывалъ ихъ сочувствiе и тому, что его первая единственная любовь была такъ низко и гнусно поругана, и тому, что десять лѣтъ каторги были сплошнымъ кошмаромъ, и тому, что уцѣлѣвшiй остатокъ разбитой, надломленной жизни одинокъ, угрюмъ и не согрѣтъ никакой другою, кромѣ ихъ звѣриной, привязанностью.

Вся многочисленная прислуга зоологическаго сада, сторожа и надсмотрщики рѣшили, что укротитель, у котораго и безъ того «не всѣ дома», теперь окончательно помѣшался. Раннимъ утромъ, когда весеннее солнце вставало гдѣ-то далеко за роскошнымъ каменнымъ городомъ и, проснувшееся, рдѣло розоватыми

огоньками на острыхъ верхушкахъ каѳедральнаго собора, когда въ зоологическомъ саду не было еще ни души, и сторожа въ форменныхъ кэпи подметали дорожки, человѣкъ, называвшійся прежде Антоніо ди-Кастро, входилъ въ львиную клѣтку, таща за собою набитое соломою чучело германскаго солдата. Гигантская кукла съ разрисованнымъ лицомъ, въ каскѣ съ императорскимъ орломъ, въ синемъ однобортномъ мундирѣ и въ черныхъ штанахъ съ краснымъ кантомъ, прислонялась къ стѣнѣ.

Клодъ Мишо, — и Сарданапалъ и Зарема понимали его языкъ — нашептывалъ имъ что-то, гладилъ ихъ головы, какъ гладятъ комнатныхъ собакъ, и указывалъ на куклу германскаго солдата. Левъ и львица, спружинившись гибкимъ мощнымъ тѣломъ своимъ, однимъ прыжкомъ черезъ всю клѣтку кидались на куклу и начинали ее терзать. Откатывалась прочь твердая каска, сплющенная ударомъ лапы; мундиръ, штаны, все это летѣло и разрывалось въ клочья, и, спустя минуту, отъ чучела оставались разбросанная по клѣткѣ солома, да обрывки сукна съ висящими кой-гдѣ на ниточкахъ пуговицами.

Въ награду Сарданапалъ и Зарема получали большіе куски сырого мяса.

Натаскиванье продолжалось изо дня въ день каждое утро. Потомъ Клодъ Мишо нарочно сталъ дѣлать перерывы. Однажды лишь по истеченіи десяти дней впервые вошелъ ко львамъ съ куклою. Но результатъ былъ прежній.

Львы содрогались отъ нетерпѣнія. Далеко въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ неслось ихъ глухое рычанье. Клодъ Мишо еще не успѣлъ

поставить чучело, какъ львы уже кинулись въ яростную атаку на германскаго солдата.

И старый укротитель смѣялся тихимъ, какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ. И глаза его горѣли безуміемъ...

3.

Германскій Голіаѳъ въ бѣшенствѣ неудачъ своихъ рѣшилъ какой угодно цѣною раздавить отчаянное сопротивленіе бельгійскаго Давида.

Нѣмцы обложили Антверпенъ, стянувъ громадный осадный паркъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ отъ передовой линіи фортовъ поставили они на бетонныхъ площадкахъ чудовищныя орудія, «послѣднее слово» дьявольской кузницы Круппа.

Прекрасному, гордому Антверпену, съ его прямыми, широкими улицами, монументами, бульварами и площадями, грозила участь сожженаго Лувена.

Горсть отважныхъ войскъ гарнизона, ведомая къ славѣ безсмертія героическимъ королемъ своимъ, отражала все ближе и ближе подкатывавшія волны германскихъ шести корпусовъ.

Красивая мужественная фигура короля Альберта поспѣвала всюду. То онъ мчался на запыленной машинѣ и самъ въ пыли, черезъ городъ къ фортамъ, гдѣ германцы сосредоточили самый яростный огонь, то спѣшилъ куда-то верхомъ безъ свиты, какъ простой офицеръ, въ сопровожденіи одного ординарца. Король посѣщалъ раненыхъ, ободрялъ населеніе города и вмѣстѣ съ хранителями музеевъ выбиралъ наиболѣе цѣнныя сокровища искусства для отправки въ Лондонъ, чтобъ не стали добычею варваровъ

и не погибли отъ снарядовъ, залетавшихъ все чаще и чаще въ самые центральные кварталы.

Особенно тягостна была разлука съ громадными картинами Рубенса, на протяженіи столѣтій висѣвшихъ въ каѳедральномъ соборѣ, въ мистическихъ потемкахъ важнаго и строгаго полумрака. Эти благородные, потемнѣвшіе отъ дыханія вѣковъ, холсты пришлось вырѣзывать, и всѣ, кому выпало наблюдать это, не могли удержаться отъ слезъ... Имъ казалось, что это вырываютъ съ мясомъ и кровью кусочекъ ихъ собственнаго сердца.

А за цвѣтными, спаянными свинцомъ, стеклами узкихъ, заостренныхъ оконъ, гремѣла такая оглушительная канонада,—чудилось, вотъ-вотъ разорвутся не выдержавшіе этого адскаго грохота небеса.

Цѣною страшныхъ потерь и жертвъ, всползая по грудамъ своихъ же труповъ, скошеннымъ мѣткимъ огнемъ бельгійскихъ стрѣлковъ и полевой артиллеріи, овладѣли нѣмцы частью фортовъ. Имъ стало легче и ближе отсюда обстрѣливать городъ. И они засыпали его потокомъ свинца и стали. Бѣшено разворачивали все на своемъ пути чудовищные снаряды. Уже разнесенъ въ мельчайшіе дребезги мрамора памятникъ Ванъ-Дейку, и на мѣстѣ его зіяло средь асфальтовой площади хаотическое дупло, въ которомъ могъ бы спрятаться взводъ солдатъ. Легкіе, кружевные фасады особняковъ и дворцовъ, старинныя зданія,—все это рушилось, превращая нетлѣнный человѣческій геній въ нагроможденіе камней.

Кто только могъ, покидалъ городъ. Объятые страхомъ бѣглецы безконечными толпами на-

правлялись — одни въ Голландію, другіе — въ Остендэ, гдѣ ждали ихъ англійскіе транспорты.

Потерпѣлъ и зоологическій садъ.

Снарядъ взорвался въ загородкѣ, гдѣ лѣниво бродилъ и валялся по цѣлымъ днямъ въ тинѣ безобразный, массивный, съ засохшей на его панцырной кожѣ грязью, носорогъ... И видѣли, какъ вмѣстѣ съ тучею земли взметнулось высоко въ воздухѣ безформенной массою чудовище. И черезъ мгновеніе, когда все кончилось, и люди подошли къ загородкѣ, тамъ и сямъ на разрыхленной влажной почвѣ валялись клочки окровавленнаго мяса. А часть головы носорога, допотопной, нелѣпой головы съ крохотными глазками, плавала на другомъ концѣ сада въ бассейнѣ для бѣлыхъ медвѣдей.

Можно было съ ума сойти...

Грохотъ непрерывной канонады, не смолкавшей ни днемъ ни ночью, приводилъ въ смятеніе всѣхъ пенсіонеровъ зоологическаго сада. Какъ одержимые сатаною, метались по своей клѣткѣ черныя пантеры... Отвратительный ревъ глупыхъ верблюдовъ, вой гіенъ и шакаловъ, рыканье львовъ и тигровъ, стонущія, совсѣмъ дѣтскія рыданья громадныхъ австралійскихъ совъ и сычей, безпокойный орлиный клекотъ — все это, сливаясь вмѣстѣ, могло растрепать самые крѣпкіе нервы. И дикіе звѣри, и домашняя тварь, и птицы, и обезьяны — все это худѣло, теряя аппетитъ и сонъ. Даже отличавшіеся прожорливостью бенгальскіе тигры отворачивали сѣдоусые, съ отвисшими «баками» морды отъ сырого мяса.

И животныя и люди приставленные къ нимъ, потеряли головы. Не потерялся одинъ только

Клодъ Мишо. Онъ зналъ что-то свое затаенное, чего никто не зналъ. И когда всѣ надсмотрщики прятались, чаще и чаще попадали снаряды, и за носорогомъ вскорѣ погибъ весь развороченный хрупкій обезьяній домикъ въ стилѣ индійской пагоды, только одинъ Клодъ Мишо не боялся. И въ свободное время отъ общества своихъ друзей, львовъ, онъ, съ какой-то странной улыбкой и съ зажигавшимъ глаза вдохновеннымъ безуміемъ, прогуливался въ пустынномъ саду, обходя дорожки въ мѣстахъ, глубоко развороченныхъ снарядами. Иногда онъ останавливался, поднималъ осколокъ металлическаго «стакана», вертѣлъ его съ тихимъ беззвучнымъ смѣхомъ и грозилъ кому-то въ пространство своимъ громаднымъ кулакомъ...

4.

Антверпенскіе дни подошли къ перелому. Насталъ моментъ большой важности. Предстояло бельгійцамъ одно изъ двухъ: либо защищать городъ до послѣдняго человѣка и, — въ концѣ-концовъ, — вопросъ лишь времени отдать нѣмцамъ Антверпенъ, вѣрнѣй то, что называлось Антверпеномъ, либо отступить, сохранивъ и армію и, пока еще мало поврежденный непріятельской бомбардировкою, городъ.

Военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ короля далъ приказъ отступить.

Ни одного орудія не оставили бельгійцы въ видѣ трофея германскимъ корпусамъ. Спокойно, какъ на парадѣ или на маневрахъ, отступали доблестные львы Фландріи. Пестрая лента бельгійской арміи тянулась черезъ весь Антвер-

пенъ, исчезая гдѣ-то въ прибережныхъ даляхъ. Колонна за колонною, быстро и съ вѣрой въ конечное торжество шла пѣхота. Линейныя части въ лихо сдвинутыхъ на затылокъ мягкихъ кэпи, стрѣлки въ черныхъ клеенчатыхъ киверахъ, королевскіе карабинеры въ живописныхъ беретахъ. Вереницею двигались автомобили съ митральезами и пулеметами, запряжки въ нѣсколько паръ слоноподобныхъ арденовъ тянули осадныя, съ длиннымъ хоботомъ, орудія и короткожерлыя гаубицы. Вслѣдъ за отважной конницей, не разъ сметавшей и рубившей нѣмецкую кавалерію, увозили раненыхъ, кого только могли захватить съ собою, чтобъ не достались на звѣрское глумленіе временному побѣдителю.

Королевскій автомобиль замыкалъ арьергардъ этого почетнаго, въ образцовомъ порядкѣ, отступленія. Мрачный сидѣлъ король. Но это не была мрачность унынія. Бельгійскому монарху тяжело было видѣть густые безпорядочные толпы бѣглецовъ, куда глаза глядятъ покидавшихъ Антверпенъ. Двумя человѣческими потоками горя и бездомовья катились бѣглецы вмѣстѣ съ уходившей арміей.

Женщины съ грудными дѣтьми, старухи навьюченныя узлами, хватились за подолы матерей и старшихъ сестеръ малыя ребятишки. Все это спѣшило прочь, гонимое слухами о невѣроятной жестокости прусскихъ варваровъ.

Не успѣлъ королевскій автомобиль очутиться за чертою города, съ противоположнаго конца уже вступилъ въ Антверпенъ нѣмецкій авангардъ, кирасирскій эскадронъ, ведомый однимъ изъ безчисленныхъ германскихъ принцевъ. Эти кирасиры не были ни разу въ бояхъ. Ихъ бе-

регли для «декоративнаго впечатлѣнія». Вотъ почему и конскій составъ и всадники — все это было здоровое, крѣпкое, холеное. Мундиры съ иголочки. На каскахъ сіяли подъ осеннимъ солнцемъ новенькіе императорскіе орлы. Подъ касками спѣсиво топорщились кверху бѣлесые, жесткіе усы. И у всѣхъ, одинаково, начиная съ командовавшаго эскадрономъ принца и кончая послѣднимъ рядовымъ. И всѣ они старались походить на своего «кайзера».

Бомбардировка стихла. Однако, германскіе артиллеристы, не по разуму усердные, продолжали посылать въ городъ, беззащитный, сдавшійся, одиночные выстрѣлы. Тягучими басовыми перекликами «ухали» орудія съ бетонныхъ платформъ. Одинъ снарядъ, слава Богу, не разорвавшійся, «контузилъ» каѳедральный соборъ, незначительно повредивъ кружевную орнаментику фасада. Другое стальное чудовище, зарывшись въ самомъ центрѣ зоологическаго сада, разворотило осколками тигровую клѣтку. Полосатые хищники, — одна лишь тигрица осталась на мѣстѣ, — получили свободу. Гигантскій бросокъ желто-черной сбитой массы и старый бенгалецъ перемахнулъ черезъ высокую, въ два человѣческихъ роста, проволочную сѣтку. Свадивъ длиннаго жирафа, перегрызъ его тонкую шею, жадно упиваясь горячею кровью...

Остальные тигры очутились на улицѣ широкой, прямой, съ зеркальными витринами. Въ паникѣ бѣжали отъ нихъ люди. Началась кровавая охота дикаго звѣря джунглей за культурнымъ городскимъ человѣкомъ.

Экстренныя прибавленія газетъ, послѣднихъ бельгійскихъ газетъ, — пока войдутъ нѣмцы, —

оповѣщали о сдачѣ крѣпости и города. Клодъ Мишо, пробѣжавъ летучку, сказалъ себѣ мысленно:

«Теперь наступило время»...

И глаза его, и каждый шрамъ лица съ крупными чертами, смѣялись торжествомъ безумія. Онъ зашелъ къ себѣ въ свой маленькій охотничьяго стиля домикъ и, вынувъ изъ громаднаго револьвера холостые патроны, которыми оглушалъ звѣрей во время «работы», вложилъ боевые.

А черезъ нѣсколько минутъ забившіеся въ домахъ у себя антверпенцы были свидѣтелями необычайнаго зрѣлища. И, не вѣря глазамъ, блѣдные, испуганные, смотрѣли изъ оконъ.

Посрединѣ вымершихъ улицъ медленно двигался высокій старикъ съ длинной гривою сѣдыхъ, непокрытыхъ волосъ. А по бокамъ его неслышно и мягко ступали когтистыми лапами левъ и львица, покорные своему господину, какъ гигантскіе псы.

Они были царственно-величавы, какъ у себя въ пустынѣ.

И вотъ встрѣтилось лицомъ къ лицу это шествіе съ авангарднымъ эскадрономъ прусскихъ кирасиръ. Человѣкъ со львами остановился... Лошади, почуявъ хищныхъ звѣрей, въ тревогѣ храпя и фыркая, дрожали всѣмъ тѣломъ, пятясь, вздымаясь на дыбы, нарушая стройность колонны. А когда раздалось изъ широко раскрытыхъ пастей страшное, глухое рыканье, паника и сумятица воцарились полныя... Дрожащимъ голосомъ призывалъ принцъ эскадронъ свой къ порядку и дрожащей рукою

пытался вынуть револьверъ... Но тысячный гунтеръ его, давъ «свѣчку», опрокинулся навзничь вмѣстѣ со всадникомъ.

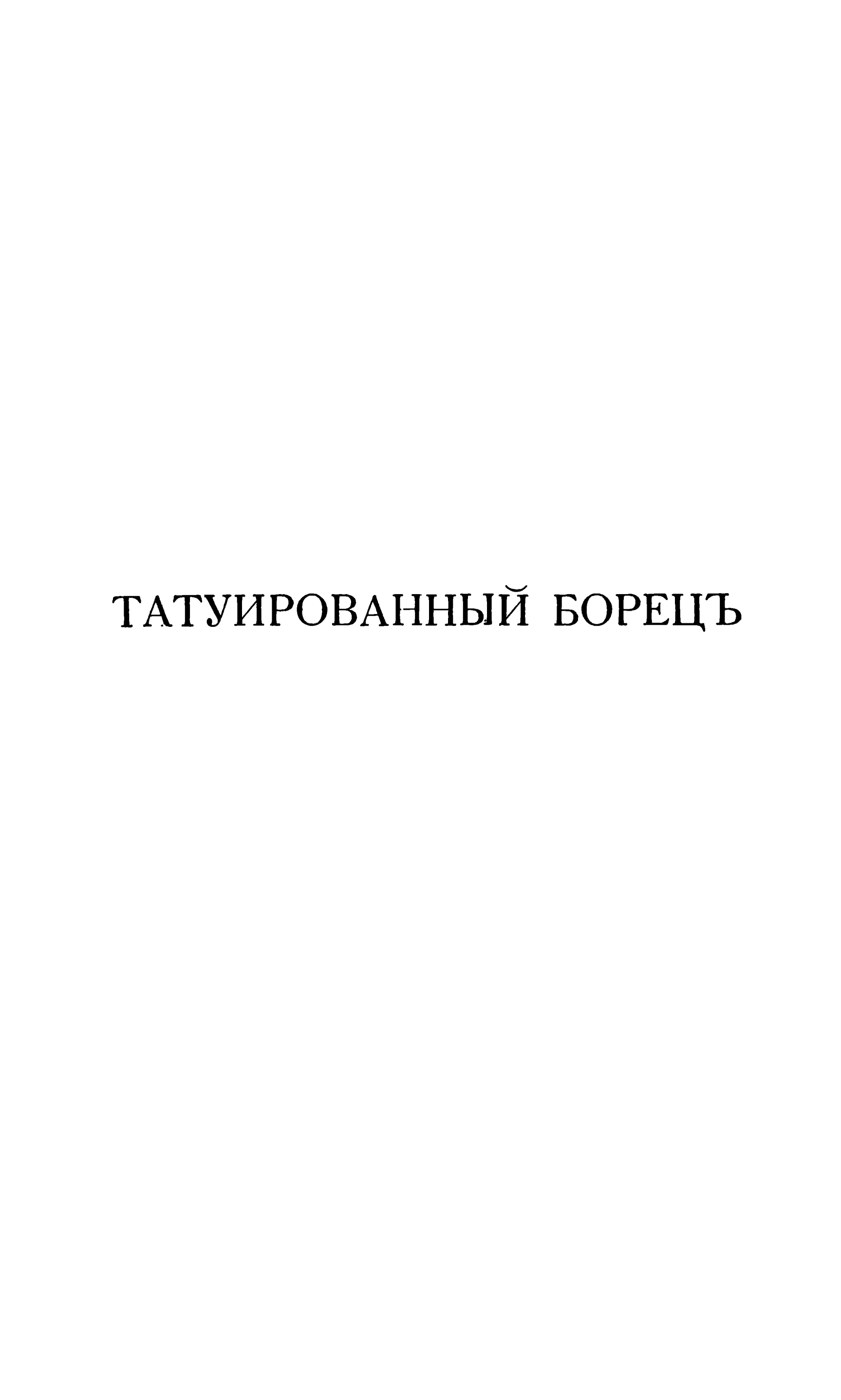
Клодъ Мишю выпустилъ своихъ львовъ на синіе мундиры и остроконечныя каски. Сарданапалъ и Зарема, — одинъ гигантскій прыжокъ за другимъ, — уже метались посреди этой разстроенной человѣческой и лошадиной гущи. Взмахомъ лапъ дробились черепа... Еще взмахъ, и вмѣсто лица — кровавыя лохмотья, безъ глазъ... Львы разгрызали обезумѣвшихъ кирасиръ, яростно разрывая въ клочья этихъ крупныхъ, дородныхъ людей. А человѣкъ съ сѣдой гривою, съ какимъ-то дикимъ клокотаніемъ въ горлѣ, неустанно разряжалъ свой револьверъ и съ каждымъ выстрѣломъ падалъ всадникъ, до котораго еще не дошелъ чередъ ужасныхъ когтей и клыковъ.

Въ пятистахъ шагахъ выстроились автомобили съ пулеметами и прислугой, не понимающей, что случилось, и какая дьявольская кипень тамъ творится? Лейтенантъ, красный отъ возбужденія, заоралъ что-то изступленнымъ голосомъ. Пулеметы затрещали, и подъ непріятные звуки «така, така, така» свинцовый дождь хлынулъ, кося своихъ и «чужихъ».

Широкая улица отъ края до края запрудилась гороподобной баррикадою лошадиныхъ и человѣческихъ тѣлъ. И на этомъ холмѣ теплаго, окровавленнаго мяса выли послѣднимъ предсмертнымъ воемъ пронзенные десятками, сотнями пуль Сарданапалъ и Зарема...

Эти же самыя пули сразили въ общей адской бойнѣ и стараго укротителя. Онъ лежалъ, раскинувъ руки, лежалъ лицомъ вверхъ. Пряди серебряной гривы слиплись отъ крови. Но не печатью смерти, а ликующимъ побѣднымъ торжествомъ дышали застывшіе черты Клода Мишо.

Антоніо ди-Кастро отомстилъ...

ТАТУИРОВАННЫЙ БОРЕЦЪ

1.

Художникъ Иванъ Соколовъ работалъ въ своей мастерской.

Большая квадратная студія съ цѣлымъ океаномъ верхняго свѣта, потоками вливавшагося въ громадное, чуть ли не во всю стѣну окно. И видны были въ это окно по осеннему оголенныя верхушки деревьевъ академическаго сада.

Соколовъ съ гордымъ рѣзкимъ профилемъ античнаго красавца, атлетически сложенный брюнетъ въ бѣлой вязаной спортсменской «гимнастеркѣ» писалъ картину «Привалъ амазонокъ въ лѣсу послѣ битвы». Вѣдьмоподобныя старухи перевязывали молодыхъ амазонокъ, раненыхъ въ бою. Отважныя, съ упругимъ, мускулистымъ тѣломъ женщины осматривали свои копья и короткіе мечи съ еще незасохшей кровью. Чья эта кровь? Косматыхъ сатировъ, невѣдомыхъ людей сосѣдняго племени, или дерзкихъ, не знающихъ страха центавровъ? Поодаль въ тѣни гущи гигантскихъ деревьевъ — табунъ дикихъ степныхъ коней, въ мыльной пѣнѣ, разгоряченныхъ и съ влажными трепещущими ноздрями.

Талантливый живописецъ, Соколовъ, кромѣ блестящей техники, владѣлъ еще дивною тайной проникновенія въ плѣнительный миѳическій міръ безконечно далекихъ отъ насъ легендарныхъ

вѣковъ. Изъ тьмы и глуби тысячелѣтій онъ воскресилъ, заставилъ жить на полотнѣ и этотъ дѣвственный лѣсъ съ деревьями, непохожими на нынѣшнія деревья и однако же деревьями, и этихъ воинственныхъ женщинъ, предпочитавшихъ звонъ мечей и побѣдные клики, объятіямъ...

Соколовъ положилъ два-три мазка на коричневый, выжженный солнцемъ, костлявый торсъ вѣдьмообразной старухи, подчеркнувъ и усиливъ ея отвратительную худобу.

Онъ отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ картины и, прищурившись, искалъ «гармоніи общаго».

Обыкновенно требовательный къ себѣ, Соколовъ на этотъ разъ остался доволенъ. Пожалуй, на сегодня и баста! Отдохнуть, поразмяться. Нагулявъ аппетитъ, онъ пообѣдаетъ на славу въ академической столовой.

«Отдыхомъ» Соколовъ называлъ гимнастику и работу тяжестями. Не даромъ студія его напоминала атлетическій кабинетъ. Цѣлое желѣзное царство штангъ, всевозможныхъ размѣровъ гантелей, приземистыхъ пузатыхъ пудовиковъ и двойниковъ. Съ потолка спускалась трапеція и рядомъ съ нею — кольца.

Художникъ снялъ фуфайку. Въ зеркалѣ отражался его сильный бронзовый торсъ съ высокой грудью, могучими бицепсами и хорошо развитой мускулатурою спины. Сначала онъ работалъ десятифунтовыми гантелями. Твердые и въ то же время упругіе мускулы, какъ живые переливались подъ холеной кожею, словно отполированной частыми душами и ежедневными «омовеніями». Именно «омовеніями». Въ этомъ

словѣ было что-то античное, говорящее о торжествѣ обряда и оно такъ нравилось Соколову, наполовину жившему въ своихъ грезахъ о быломъ греко-римскомъ культѣ красоты тѣла...

2.

Стукъ въ дверь.

Вошелъ щеголеватый полковникъ генеральнаго штаба Шепетовскій. Въ легкомъ, отлично сшитомъ пальто нѣжно-сиреневаго цвѣта и съ краснымъ анненскимъ темлякомъ на шашкѣ. Соколовъ приходился двоюроднымъ братомъ Шепетовскому. Отношенія между ними были не горячія и не холодныя, а скорѣй теплыя. Элегантнаго, дѣлавшаго завидную карьеру полковника шокировало, что его кузенъ, днемъ пишущій картины, вечеромъ борется въ циркѣ. И главное, за деньги борется.

— Какъ тебѣ не стыдно, Иванъ! — пытался образумить своего двоюроднаго брата полковникъ. — Ты изъ хорошей дворянской семьи. У тебя несомнѣнное будущее виднаго художника, а ты, полуголый, вступаешь въ парадѣ, Богъ знаетъ съ кѣмъ, и на потѣху толпѣ валяешься на грязномъ коврѣ!..

— Ты ничего не понимаешь, — безцеремонно обрывалъ художникъ Шепетовскаго. — Дикій, чисто русскій взглядъ. Мы всего боимся. И то насъ шокируетъ, и это, и пятое, и десятое. Смотри гораздо проще на всѣ эти вещи. Борьба меня кормитъ. Даетъ двадцать пять рублей въ день. И, пока моихъ картинъ никто не покупаетъ, и я неизвѣстенъ, — это въ моемъ бюджетѣ цѣлое богатство. Разъ Господь Богъ отпустилъ мнѣ

такую фигуру и силу, отчего же не использовать эти данныя? Смотри, въ Америкѣ. Министры читаютъ рефераты въ кафе-шантанахъ и это ихъ не умаляетъ ничуть. Бѣдные студенты зарабатываютъ себѣ кусокъ хлѣба чисткою сапогъ, а потомъ изъ нихъ выходятъ сенаторы, крупные общественные дѣятели и милліардеры.

Эти споры не приводили ни къ чему. Соколовъ оставался при своемъ, полковникъ — при своемъ. Видя всю безполезность родственныхъ увѣщеваній, Шепетовскій никогда не касался больше цирковыхъ выступленій кузена. Встрѣчались они очень рѣдко. Слишкомъ разныя дороги, взгляды и вкусы.

И если-бъ Соколовъ былъ, вообще, склоненъ удивляться чему-нибудь, онъ выказалъ бы самое подлинное изумленіе этому нежданному-негаданному визиту. Но художникъ никогда не удивлялся. И вотъ, почему онъ сказалъ «здравствуй», такъ спокойно и просто, какъ если-бъ Шепетовскій заходилъ въ его мастерскую каждый Божій день.

Видъ у полковника былъ озабоченный, и породистое лицо съ небольшими усиками смотрѣло строго.

Соколовъ подвинулъ Шепетовскому табуретъ, самъ же съ гантелей перешелъ на «шары». Укрѣпивъ «брюшкомъ» на ладоняхъ, Соколовъ жалъ ихъ безъ конца, наблюдая въ зеркало ритмичную работу мышцъ.

Полковникъ сидѣлъ, опершись на эфесъ обѣими руками въ бѣлыхъ и тоненькихъ замшевыхъ перчаткахъ.

— Брось, Иванъ, свою атлетику У меня къ тебѣ очень важное дѣло. Ты можешь оказать

намъ, вообще, и мнѣ въ частности — большую услугу.

— Я — весь вниманіе. Работа ничуть не отвлекаетъ меня. Наоборотъ. Ясность мышленій необычайная. Духъ и тѣло...

— Довольно! Я уже это слышалъ. Эллинизмъ и прочее. Ну, такъ вотъ, слушай! У насъ война...

Въ антрактѣ между правильными вдыханіемъ и выдыханіемъ, Соколовъ успѣлъ уронить:

— Знаю, грамотенъ, газеты мнѣ попадаются.

— Великолѣпно. Ты понимаешь, до чего въ такое время врагамъ нашимъ важно знать не только военные секреты противника, но и дипломатическіе. Я буду краток: есть въ Петроградѣ видный чиновникъ, — тебѣ знакомо это имя, — Выводцевъ. Онъ безъ ума влюбленъ въ эту вашу, — я говорю вашу, потому что она подвизается въ вашемъ циркѣ, — Маришку Сегай — венгерку. У насъ есть данныя: Сегай — австрійская шпіонка. Отсюда основаніе опасаться, что Выводцевъ, самъ того не предполагая, сдѣлался лакомой дичью. И если не самъ онъ, то, во всякомъ случаѣ, его бумаги, портфели и письменный столъ. Слушай дальше: этой венгеркой руководитъ ея любовникъ — австрійскій офицеръ, такой же, какъ и ты, силачъ и атлетъ, по фамиліи Вицлеръ. По примѣтамъ онъ сильно смахиваетъ на вашего борца Штранга. Желательно выяснить возможно скорѣй, дѣйствительно ли Вицлеръ и Штрангъ — одно и то же? По имѣющимися у насъ свѣдѣніямъ у этого мерзавца на груди вытатуирована голая женщина. Ты не видѣлъ ли чего-нибудь

подобнаго у этого полупочтеннаго? Я ѣздилъ нарочно въ циркъ, но трико у вашего Штранга слишкомъ глухое. Однако, въ уборной.

Художникъ ловкимъ движеніемъ подкинулъ оба двойника, поймалъ ихъ за дужки и съ грохотомъ бросилъ на полъ.

— Мнѣ кажется, что вы напали на вѣрный слѣдъ. Австріецъ, хотя онъ здѣсь, кажется, подъ швейцарскимъ паспортомъ и одѣвается и раздѣвается въ отдѣльной уборной. Его наготы никто не видѣлъ. Но я попытаюсь сдѣлать тебѣ пріятное. Кстати, сегодня вечеромъ наша борьба съ нимъ въ первой парѣ.

— Великолѣпно. Въ такомъ случаѣ я пріѣду на борьбу.

Соколовъ кивнулъ головой и занялся упряжненіемъ на кольцахъ.

3.

Циркъ собралъ нарядную публику. Война побѣдоносная, счастливая не мѣшала петроградцамъ веселиться. И только отсутствіе въ ложахъ и первыхъ рядахъ цвѣтныхъ офицерскихъ фуражекъ говорило о томъ, что на западѣ движутся все впередъ и впередъ наши милліонныя арміи...

Однимъ изъ самыхъ эффектныхъ номеровъ программы былъ выходъ венгерки Сегай съ дрессированными лошадьми. И дрессировала она ихъ плохо, вѣрнѣе, совсѣмъ не умѣла, а достались они ей готовыми, и повиновались неохотно, гордые, красивые, гнѣдые кони своей госпожѣ. Но этого никто и не спрашивалъ отъ прекрасной венгерки именно потому, что она

была прекрасна. Блѣдная особенной матовой блѣдностью, съ тонкими чертами и великолѣпной фигурой, всѣ плюсы которой такъ рельефно подчеркивалъ фантастическій гусарскій костюмъ. Многіе мужчины поддавались чарамъ Сегай, желая прочесть «да», или «нѣтъ» въ ея большихъ черныхъ бархатисто-мягкихъ глазахъ. Но Маришка никому не говорила ни да, ни нѣтъ и всѣхъ держала въ почтительномъ отдаленіи. Поклонники терялись въ догадкахъ, кто она? Вакханка, искусно прячущая концы въ воду, или, дѣйствительно, воплощенное цѣломудріе, терпѣливо ожидающее очень выгоднаго покупателя.

Но поклонники ошибались, — такой ужъ народъ поклонники, что имъ суждено всегда и во всемъ ошибаться. Подъ голубой, расшитой золоченными шнурами курткой билось самое обыкновенное женское сердце безъ бунтующихъ вакхическихъ страстей и безъ холоднаго расчета, дорогой цѣною продавать свою любовь.

Австрія всегда наводняла сосѣдку Россію своими шпіонами, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и видовъ. Странствующіе комми-вояжеры, цирковые и кафе-шантанные артисты, рабочіе, мастера заводовъ и фабрикъ, воспитатели юношества, женщины легкаго поведенія, — вся эта разношерстная армія шпіоновъ по мѣрѣ силъ и возможности служила политическимъ интересамъ «лоскутной монархіи».

Въ началѣ войны венгерку хотѣли выслать, какъ подданную воюющей съ нами державы, но, въ концѣ-концовъ, рѣшили не трогать женщинъ. Маришку оставили въ покоѣ и каждый вечеръ она заставляла кланяться публикѣ своихъ лошадей съ искусственными цвѣтами въ гривахъ,

а потомъ уѣзжала съ Выводцевымъ въ его автомобилѣ ужинать.

Вотъ и сейчасъ Выводцевъ сидѣлъ въ первомъ ряду въ котиковой шапкѣ и тепломъ пальто. Онъ глядѣлъ куда старше своихъ сорока двухъ лѣтъ, этотъ истрепанный, изношенный дипломатъ. Висѣли щеки дряблаго, чисто выбритаго лица. Въ слезящемся красномъ глазу, — монокль, а брезгливо улыбающійся ротъ обнажалъ обѣ челюсти, артистически изготовленныя въ Парижѣ, еще когда Выводцевъ былъ секретаремъ въ одномъ изъ второстепенныхъ посольствъ.

Номеръ прекрасной венгерки былъ послѣдній. Дальше уже начиналась борьба. Щеголяя своими стройными ногами въ туго натянутыхъ блѣдно-красныхъ рейтузахъ, Маришка щелкала бичомъ. Гнѣдыя лошади становились на дыбы, превращаясь въ чудовища, бѣгали по кругу, танцовали мазурку, по крайней мѣрѣ, это называлось мазуркой, и, въ концѣ концовъ, подъ щелканье бича упали на переднія колѣни, сорвавъ аплодисменты. Маришку вызывали. Она выбѣгала нѣсколько разъ, мелькая гусарскими лакированными сапожками въ маленькихъ серебряныхъ шпорахъ. А въ кулисахъ уже выстраивалась для парада фаланга борцовъ.

Возвращавшійся изъ глубины конюшенъ полковникъ Шепетовскій видѣлъ, какъ мускулистый, высокій блондинъ съ подкрученными усами и въ черномъ трико, подойдя къ Маришкѣ, началъ съ нею шептаться по-нѣмецки. Шепетовскій уловилъ фразу венгерки:

— Уѣзжаетъ въ Москву, вмѣстѣ съ лакеемъ... У меня ключъ и... можно...

4.

Все, какъ полагается. Арбитръ въ старенькомъ жеваномъ фракѣ и съ печенымъ яблокомъ вмѣсто лица представилъ публикѣ борцовъ всѣхъ странъ, оттѣнковъ кожи и съ чрезвычайно мудреными именами. Затѣмъ демонстрировались запрещенные пріемы. Подъ звуки марша фаланга борцовъ, красивыхъ и безобразныхъ, тучныхъ и стройныхъ, маленькихъ и гигантовъ, исчезла въ кулисахъ.

Арбитръ, мелькая фалдочками жеванаго фрака, подошелъ къ судейскому столику и, насилуя свой голосокъ, пытаясь подражать громоподобной октавѣ «Дяди Вани», объявилъ:

— Въ первой парѣ борется чемпіонъ Петрограда художникъ Иванъ Соколовъ и чемпіонъ Швейцаріи — Штрангъ...

Художникъ въ своемъ сплошь бѣломъ трико и бѣлыхъ замшевыхъ котурнахъ напоминалъ мраморную статую. Лишь смуглое, бритое лицо и голова въ крутыхъ завиткахъ черныхъ волосъ нарушали это впечатлѣніе. Съ презрѣніемъ въ холодныхъ, надменныхъ глазахъ смотрѣлъ бѣлокурый Штрангъ на своего противника. «Швейцарецъ» былъ тоньше Соколова, но, пожалуй, крѣпче. Въ сухощавости Штранга угадывалась большая сила, особенная цѣпкая сила не атлета-гиревика, а борца. Оба они — одинъ весь въ бѣломъ, другой весь въ черномъ, являли собою эффектную въ смыслѣ такой рѣзкой контрастности пару. Публика съ интересомъ приготовилась наблюдать ихъ поединокъ.

Глухое трико швейцарца подходило къ самой шеѣ и на груди своего противника Соколовъ

сосредоточилъ все свое вниманіе. Онъ не заботился ни о побѣдѣ, ни о пораженіи, а думалъ о томъ, какъ бы ловчѣе и сподручнѣе сорвать на этой груди черное трико, чтобы окончательно убѣдиться, что Штрангъ — есть Вицлеръ, и Вицлеръ есть Штрангъ. А главное, все должно выйти естественно, дабы не вспугнуть раньше времени этого маргариноваго швейцарца.

Штрангъ завидовалъ успѣху Соколова у публики, его красотѣ и рѣшилъ бороться зло и ударно. И когда Соколовъ довѣрчиво протянулъ ему руку для обычайнаго взаимопожатія, Штрангъ презрительно, концами своихъ длинныхъ и цѣпкихъ пальцевъ отмахнулся и въ то же время далъ Соколову увѣсистую макарону — шлепокъ пониже уха. Художникъ вскипѣлъ и, бросивъ сквозь зубы: «Ахъ, ты швабская морда», отвѣтилъ въ свою очередь такимъ основательнымъ толчкомъ въ грудь, что Штрангъ зашатался. Увидѣвъ, что поиздѣваться надъ этимъ противникомъ трудно, — самъ въ любой моментъ ощетинится,— Штрангъ съ ударной борьбы перешелъ на обыкновенную.

Соколовъ самъ дался ему на передній поясъ. И когда Штрангъ, торжествуя побѣду, стиснулъ его, Соколовъ одновременно съ неуловимою для глазъ быстротою сдѣлалъ два движенія: лѣвой рукою уперся Штрангу въ подбородокъ и этимъ заставилъ его разорвать поясъ, а правой быстро и коротко рванулъ отъ шеи внизъ черное трико. Грудь швейцарца обнажилась почти до пояса и Соколовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и зорко слѣдившій за борьбою Шепетовскій увидѣли нагую женщину, искусно вытатуированную во всю длину груди, отъ плеча къ плечу.

Охваченный бѣшенствомъ Штрангъ, придерживая разорванное трико, бросился на Соколова съ поднятымъ кулакомъ. Но между борцами съ похвальнымъ самоотверженіемъ очутился жеваный фракъ арбитра. Ударъ, предназначавшійся Соколову, получилъ арбитръ. У бѣдняги посыпались изъ глазъ вмѣстѣ съ оранжевыми кругами огненныя искры.

Штрангъ, бранясь на чемъ свѣтъ стоитъ, наотрѣзъ отказался продолжать борьбу и освистанный покинулъ «манежъ».

5.

Прошло нѣсколько дней.

Вечеромъ на Фурштадтской къ дому, гдѣ жилъ Выводцевъ, подкатилъ автомобиль. Вышли изъ него полковникъ Шепетовскій, полицейскій приставъ и трое штатскихъ. Въ вестибюлѣ съ жарко натопленнымъ мраморнымъ каминомъ Шепетовскій и приставъ что-то говорили бородатому швейцару, сдернувшему съ головы обшитую галунами фуражку. Онъ кивалъ головой, повторяя:

— Слушаю-съ!

Всѣ пятеро поднялись наверхъ въ бельэтажъ. Одинъ изъ штатскихъ подобралъ ключъ, открылъ дверь. Первымъ вошелъ въ квартиру Выводцева полковникъ Шепетовскій.

А часа черезъ два у подъѣзда остановился другой автомобиль. Стройная, блѣдно-матовая красавица вошла въ квартиру. За нею — высокій, плечистый блондинъ въ котелкѣ. Женщина, какъ у себя дома, привычной рукою щелкала выключателями, заливая на своемъ пути электриче-

ствомъ большую, строго и со вкусомъ обставленную квартиру. Вотъ и глубокій кабинетъ, солидный, темный съ громаднымъ письменнымъ столомъ. Открывались одинъ за другимъ ящики. Блондинъ въ котелкѣ спокойно рылся въ нихъ. Слабый крикъ женщины сразу вдругъ нарушилъ его планомѣрную работу. Онъ выпрямился и застылъ.

— Руки вверхъ! — раздался повелительный окрикъ.

На порогѣ кабинета стояло пять человѣкъ и два револьвера наведены были на венгерку и Штранга.

— Кто вы такой? — спросилъ Шепетовскій борца, которому штатскіе уже успѣли надѣть ручные кандалы.

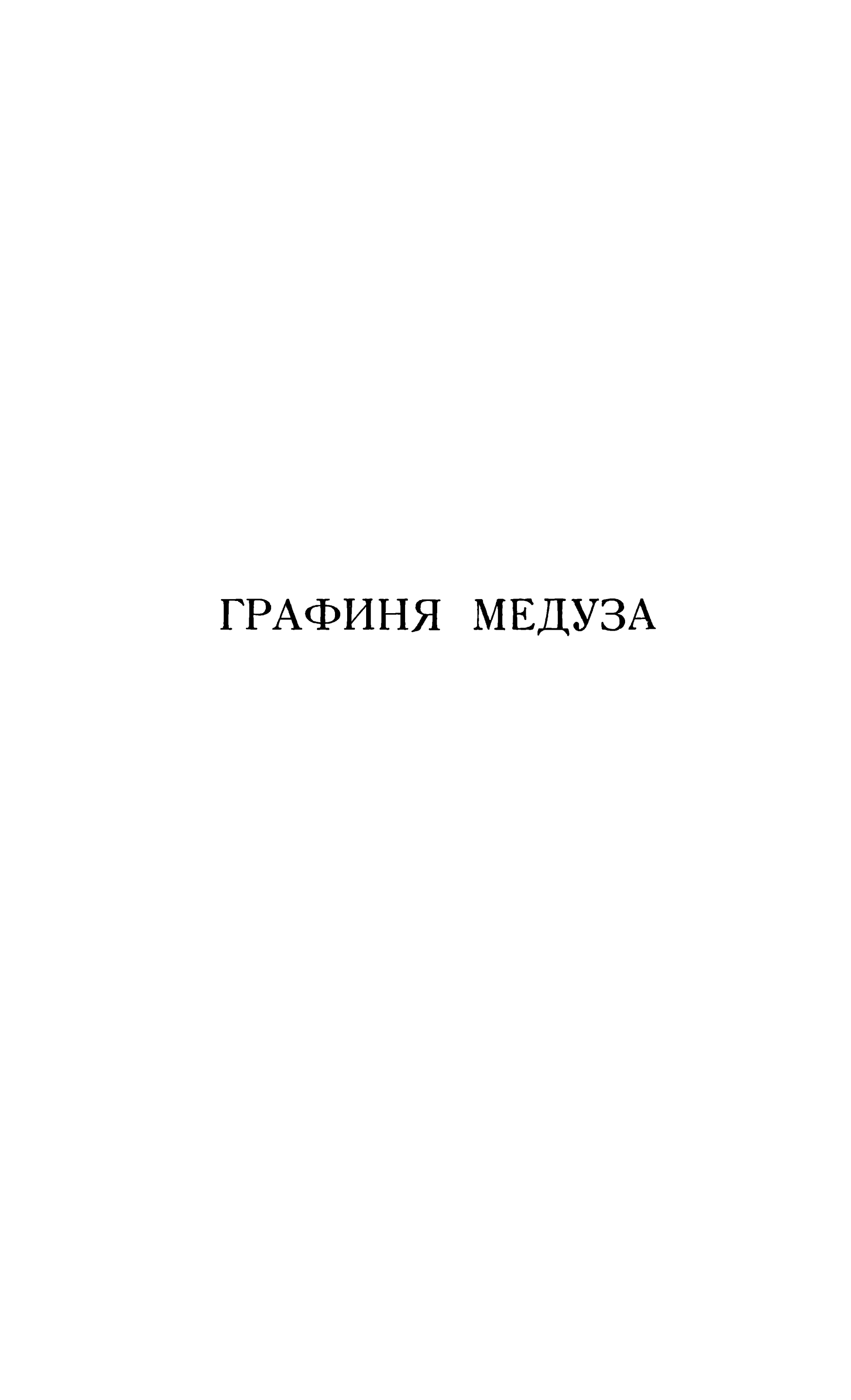
Блондинъ, закусивъ губы, весь блѣдный, сначала не хотѣлъ отвѣчать. Но послѣдовалъ новый настойчивый вопросъ и не менѣе настойчиво сверлило воздухъ дуло револьвера.

— Я швейцарскій подданный Штрангъ, родомъ изъ Базеля.

— Ложь! Вы капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба Вицлеръ!

Борецъ молчалъ, опустивъ глаза.

И Вицлера, и прекрасную венгерку отвезли въ крѣпость.

ГРАФИНЯ МЕДУЗА

1.

— Вы не знаете, маркизъ, кто она, эта дама?..

— Знаю, полковникъ. Это графиня Міончинская. Ваша компатріотка. Хотя не совсѣмъ. Вы — русскій. Она — полька... Но, во всякомъ случаѣ, это такъ близко — славяне!..

— Интересная женщина... Очень! — сказалъ, вѣрнѣе, подумалъ вслухъ, стройный, гибкій блондинъ, котораго спутникъ называлъ полковникомъ.

Маркизъ Санъ-Феличе съ энергичной жестикуляціей и мимикой южанина — онъ былъ сициліецъ — бурно подхватилъ скромный, даже застѣнчивый отзывъ полковника. И, невольно переходя съ французскаго языка на родной, итальянскій, маркизъ, причмокнувъ кончики пальцевъ, воскликнулъ:

— Un bel pezzo di donna! (Великолѣпный кусокъ женщины!).

Уржумцева покоробило. Его всегда коробило шумное, грубое, кричащее назойливо и громко. И потомъ, — вотъ уже совсѣмъ не идетъ къ ней подобное опредѣленіе!

Коляска, шурша гуттаперчивыми шинами по гравію, проѣзжала, уже уменьшаясь, въ перспективѣ красиваго, какъ оперная декорація, пей-

зажа, съ развѣсистыми верхушками темнозеленыхъ пиній, фонтанами, тихо и задумчиво струящими воду, что сверкала на римскомъ солнцѣ радугою и перламутромъ.

Уже затерялась она среди другихъ колясокъ. Уржумцевъ видѣлъ еще блѣдное, особенной смугловатою блѣдностью, лицо и глаза, — темные, большіе, неподвижно смотрѣвшіе въ него. И что-то странное было въ ихъ немигающей неподвижности. И эти глаза и густые, черные, въ блестящую синь впадавшіе волосы, вопреки модѣ, свободными, короткими завитками змѣившіеся вокругъ прекраснаго лица — все это вмѣстѣ создавало впечатлѣніе Медузы...

И Уржумцевъ еще тише, чѣмъ въ первый разъ и уже по-русски, прошепталъ:

— Какая интересная женщина!..

Это было въ мартѣ, между пятью и семью, когда вся римская знать, и богатая, и бѣдная, считаетъ своимъ долгомъ кататься на Пинчіо.

Уржумцевъ жилъ совсѣмъ близко, на улицѣ Бабуино. На Пинчіо онъ пришелъ пѣшкомъ и, гуляя, встрѣтилъ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, маркиза Санъ-Феличе.

Смуглый, горбоносый, уроженецъ Катаніи, Санъ-Феличе привезъ въ Римъ со своего сицилійскаго юга манеру крикливо одѣваться. И сейчасъ красный галстукъ его былъ слишкомъ ярокъ, а жилетъ — пестръ. Костюмъ Уржумцева отличался той корректной выдержанностью, что дается, съ одной стороны, личнымъ вкусомъ, съ другой — первокласснымъ портнымъ. Тридцатичетырехлѣтній блондинъ съ подстриженными усами, онъ казался значительно моложе своихъ лѣтъ. И какъ-то странно звучало «полковникъ».

А между тѣмъ онъ, дѣйствительно, былъ полковникъ и уже второй годъ.

Этотъ съ виду почти юноша, въ темной пиджачной парѣ и въ модномъ котелкѣ, съ плоскими полями, въ совсѣмъ другого человѣка преображался, дѣлая офиціальные визиты. Блестящій красивый мундиръ. Тяжелая сабля съ гнутымъ кавалерійскимъ эфесомъ, на которомъ алѣлъ анненскій темлякъ...

Чуть ли не прямо со скамьи пажескаго корпуса корнетомъ гвардейскаго полка уѣхалъ Уржумцевъ на войну. Тамъ, на манчжурскихъ поляхъ безусый мальчикъ, съ виду хрупкій, такой женственный, получилъ боевое крещеніе. Съ полувзводомъ пограничниковъ онъ захватилъ японскій разъѣздъ и, уже раненый пулей въ плечо, изрубилъ шашкою маленькаго, съ пергаментнымъ лицомъ и косыми глазами, офицера.

Возвратился въ Петроградъ сразу уже поручикомъ. Вернулся героемъ. И если прибавить къ этому его связи, хорошія средства и благородство рыцарской души, мудрено ли, что онъ сразу выдвинулся среди военной молодежи столицы? Онъ любилъ спортъ, любилъ искусство, бывалъ побѣдителемъ на конскихъ состязаніяхъ и въ Россіи, и за границей. И, по выраженію товарищей, считался «божкомъ конкурсной ѣзды». Но спортъ не сдѣлалъ изъ Уржумцева узкаго спеціалиста. Онъ находилъ время читать, заниматься музыкою, рисовалъ весьма недурно акварелью.

Такъ незамѣтно быстро докатился онъ до ротмистра. Дали ему эскадронъ. До поры, до времени все шло благополучно. Но тутъ подоспѣли нелады съ полковымъ командиромъ. Ге-

нералъ косился калмыцкими глазками своими на заграничные успѣхи Уржумцева въ конскихъ состязаніяхъ и однажды сухо замѣтилъ ему:

— Мнѣ нужны строевые офицеры, а не жокеи...

Ротмистръ вспыхнулъ отъ оскорбленія... Съ трудомъ держался отъ рѣзкаго отвѣта и подалъ въ запасъ.

Товарищи приняли его сторону. Несправедливость зазнавшагося генерала была очевидна всѣмъ. Увлеченіе Уржумцева спортомъ не мѣшало ему быть отличнымъ строевымъ офицеромъ. Въ полку онъ считался однимъ изъ самыхъ образцовыхъ эскадронныхъ командировъ.

Крупный военный сановникъ принялъ въ немъ участіе. Онъ получилъ дипломатическое назначеніе въ Римъ, которое могло бы подготовить его въ недалекомъ будущемъ къ посту военнаго агента въ одномъ изъ западныхъ государствъ.

Когда Уржумцевъ прощался со своими нижними чинами, весь эскадронъ плакалъ. Товарищи тепло и сердечно проводили его. И онъ уѣхалъ въ Италію.

2.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прогулки съ маркизомъ Санъ-Феличе, Уржумцевъ катался верхомъ въ садахъ Боргезе. Было раннее теплое утро. Серебрилась на солнцѣ твердая листва магнолій. Садовники поливали цвѣточныя клумбы съ цѣлыми оргіями пышно распустившихся розовыхъ кустовъ. Это было такое цвѣтеніе, такой ароматъ — голова кружилась...

А мраморные бюсты римскихъ императоровъ, и бритыхъ, и съ бородами въ крутыхъ завиткахъ — эти сѣрые отъ налета вѣковъ бюсты величаво смотрѣли передъ собою пустыми глазницами. На этихъ мраморахъ, изъѣденныхъ временемъ, шаловливо играло сквозь прозрачную листву солнце веселыми и яркими зайчиками...

Вотъ прошелъ съ книгою бритый, съ тонкими губами семинаристъ, въ длинной сутанѣ и въ круглой, широкой шляпѣ. И Уржумцевъ подумалъ, что этому будущему канонику, а можетъ быть и кардиналу, жарко, скучно и проситъ душа любви и ласки въ эту волшебную весеннюю благодать...

Впереди четко и ясно рисовалась фигура всадницы на бѣломъ, такомъ бѣломъ — развѣ въ сказкѣ встрѣтишь — конѣ. А въ видѣ контраста — и въ этой рѣзкости былъ разсчитанный эффектъ — смуглая брюнетка-всадница, въ черномъ вся, до шляпы-котелка и перчатокъ, включительно. Сидѣла она по-мужски въ мужскомъ англійскомъ сѣдлѣ. На лакированныхъ ботинкахъ сверкали небольшія серебряныя шпоры.

Уржумцевъ узналъ стройную фигуру, обтянутую чернымъ жакетомъ съ длиннымъ разрѣзомъ до таліи, фигуру, покачивавшуюся въ ритмъ шага красивой и нервной лошади. Узналъ немодную, пышно взбитую прическу, которой было тѣсно подъ шляпой...

Онъ думалъ объ этой женщинѣ все это время и мучительно захотѣлось встрѣтить ея немигающій взглядъ, неподвижно остановившійся взглядъ Медузы...

Не поднимая въ рысь своего крупнаго рыжеватаго рысака, ему легко было обогнать на шагу

небольшого полуараба Міончинской. И она улыбнулась ему однѣми губами маленькаго алаго рта. Глаза же хранили какое-то жуткое спокойствіе.

Уржумцевъ услышалъ сзади ровный и частый бѣгъ. Всадница подняла въ галопъ свою лошадь и, бросивъ на Уржумцева вызывающій взглядъ, помчалась мимо, шпоря коня и еще «посылая» его стэкомъ. А черезъ минуту она уронила стэкъ.

Уржумцевъ, не замедляя аллюра, перегнувшись всѣмъ своимъ молодымъ гибкимъ тѣломъ къ землѣ, поднялъ стэкъ и, догнавъ графиню, возвратилъ ей.

— Благодарю васъ, мосье Уржумцевъ,— отвѣтила она по-русски.

— Вы меня знаете, графиня?

— Какъ и вы меня! Мы такимъ образомъ квиты.

Здѣсь въ экзотическихъ садахъ Боргезе это «квиты» прозвучало какъ-то странно. Да и сама она была странная. Сейчасъ, разгоряченная ѣздою, съ блестящими глазами, румянцемъ щекъ, улыбкою рта, сочнаго какъ у дѣвушки, съ чудесными зубами, освѣтившими все лицо, она утратила сходство съ Медузой, напоминая скорѣе вакханку. Нѣсколько сбившихся и дерзко трепетавшихъ локоновъ, усугубляли это впечатлѣніе.

Они катались вдвоемъ, болтая, отыскивая общихъ знакомыхъ въ римскомъ обществѣ. И такъ незамѣтно прошло время до завтрака. Графиня звала къ себѣ Уржумцева.

— Заходите... Буду очень рада. Обыкновенно для всѣхъ я дома по воскресеньямъ

отъ четырехъ до семи. Но это — для всѣхъ! А васъ, милости прошу, когда угодно...

Уржумцева удивило такое исключительное вниманіе. И, главное — съ первой же встрѣчи. Дама общества, если она только не Мессалина, врядъ ли такъ быстро выдѣлитъ случайное знакомство. Онъ не былъ ей даже представленъ. Вѣдь это не на курортѣ гдѣ-нибудь, а въ Римѣ, общество котораго извѣстно своей чопорностью...

Да и, вообще, несмотря на титулъ и громкое имя, — настоящаго свѣтскаго, привитаго породою и воспитаніемъ, этой сразу кидающейся въ глаза шлифовки — незамѣтно въ ней. Но видно, что въ обществѣ и самомъ разнообразномъ, приходилось бывать много. Наконецъ — не все ли равно. «Маргариновая» она графиня или настоящаго? Не все ли равно ему, если она такъ притягивающе-интересна?

Онъ былъ у нея на слѣдующій же день.

На улицѣ «Четырехъ фонтановъ» графиня нанимала небольшое старое двухъэтажное палаццо. И такой же старый лакей Джованни открылъ Уржумцеву дверь. У бритаго Джованни слезились старческіе глаза, гнулись дрожащія колѣни. Но и въ немъ самомъ, и въ обхожденіи угадывался хорошаго дома слуга. Палаццо вмѣстѣ съ Джованни, принадлежало герцогу Кампонеро. Владѣлецъ жилъ въ Африкѣ, а палаццо со всѣмъ убранствомъ снимала у него за десять тысячъ франковъ въ годъ графиня Ванда Міончинская.

Старинная мебель итальянскаго ренессанса, фарфоръ, портреты, картины на стѣнахъ — все, до послѣдняго пустяка, оставалось въ палаццо,

какъ и въ ту пору, когда жили здѣсь Кампонеро. Со стѣнъ, изъ рамъ съ почернѣвшими полотнами, смотрѣли породистые и бородатые мужчины въ беретахъ и одеждахъ, отороченныхъ мѣхомъ. У иныхъ — цѣпь на груди. Джованни зналъ всѣхъ этихъ предковъ своего господина, поясняя съ гордостью:

— Это сенаторъ, это посланникъ, это адмиралъ.

Камеристка графини была тоже полька. Некрасивая дѣвушка съ мужскими чертами и холоднымъ лукавствомъ въ маленькихъ сѣрыхъ глазкахъ.

Уржумцевъ зачастилъ въ палаццо Кампонеро. Однажды онъ пріѣхалъ къ графинѣ завтракать прямо изъ русской церкви, гдѣ слушалъ молебствіе по случаю высокоторжественнаго дня. Пріѣхалъ въ парадной формѣ, въ орденахъ.

— Вы гораздо красивѣе, чѣмъ въ штатскомъ! — воскликнула графиня. — Въ штатскомъ — вы — юноша. Въ мундирѣ — воинъ, мужчина, въ котораго можно влюбиться...

И Джованни, преисполнившійся почтеніемъ, сталъ звать Уржумцева «эччеленцей».

Весь этотъ день Міончинская не выпускала отъ себя Уржемцева. Только съѣздилъ на полчаса переодѣться.

Онъ и обѣдалъ у графини. Вечеромъ, пѣшкомъ отправились на Пинчіо мимо Виллы-Медичи. Въ тепломъ сумракѣ яркимъ трепетомъ горѣли южныя римскія звѣзды. Гдѣ-то слышались мечтательные всплески фонтановъ. Дремали черные силуэты деревьевъ. Самоцвѣтными камнями свѣтились во тьмѣ свѣтлячки. И арома-

томъ пропитано было сонное дыханіе цвѣтовъ, кипарисовъ и пиній...

Медленно шли Уржумцевъ съ графиней. Шли, касаясь другъ друга. Остановились. Онъ хотѣлъ взглянуть ей въ лицо, наклонился и встрѣтилъ истому полураскрытыхъ губъ... Онъ цѣловалъ ее, зажмурившись, а мимо, шурша грубыми сандаліями на босу ногу, прошелъ францисканецъ-монахъ...

Они вернулись въ палаццо. Старый Джованни уже спалъ. Встрѣтила ихъ камеристка.

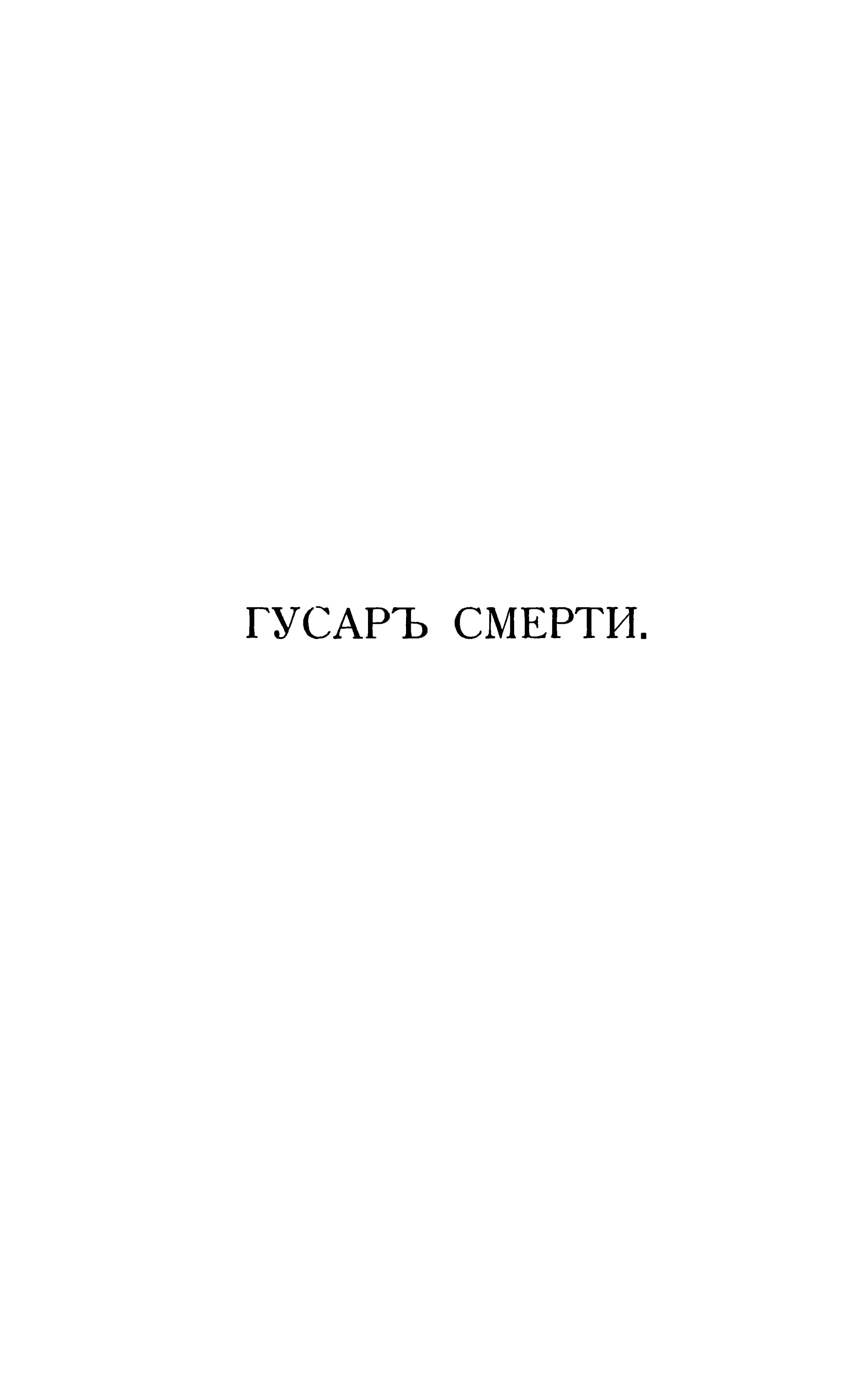
— Нехъ, Эмильця, намъ зроби хербаты...

— Слухамъ, вельможна пани.

Пили въ будуарѣ чай. Графиня въ капотѣ-паутинкѣ сидѣла на колѣняхъ Уржумцева, туманя его поцѣлуями и обжигая упругимъ тѣломъ, казавшимся сквозь тонкую ткань — наготою...

...Уржумцевъ, какъ сквозь хмѣльный сонъ, помнилъ тяжелый балдахинъ въ складкахъ, съ герцогской короной... Холодъ простынь, зной смуглаго тѣла, распущенные черными змѣями волосы, искривленный судорогою алый ротъ и неподвижные глаза...

Потомъ вдругъ все это погасло, исчезли образы, краски, прикосновенія.

ГУСАРЪ СМЕРТИ.

1.

Баронъ Крейцнахъ фонъ-Крейцнау, русскій сановникъ изъ нѣмцевъ и завзятый нѣмецъ по убѣжденіямъ и симпатіямъ — помогалъ этому молодому человѣку своими связями войти въ петроградское общество и сдѣлаться въ немъ если и не особенно желаннымъ, то во всякомъ случаѣ — терпимымъ.

Молодой человѣкъ былъ тоже нѣмецъ, хотя и заграничный, и тоже баронъ, хотя съ болѣе короткой фамиліей, нежели у сановнаго покровителя.

Ростомъ онъ былъ не высокъ и не малъ, а какъ-то въ мѣру весь пропорціоналенъ. И фигуру имѣлъ стройную. Штатское сидѣло на немъ чудесно, хотя угадывалась военная выправка. Баронъ Гумбергъ не скрывалъ своего недавняго военнаго прошлаго. Наоборотъ, гордился. Пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ, онъ давалъ понять, что служилъ въ знаменитомъ кавалерійскомъ полку «гусаръ смерти», квартирующемъ въ Данцигѣ. Командовалъ имъ, шутка ли сказать, самъ кронпринцъ! И, дѣйствительно,

въ лошадяхъ Гумбергъ зналъ толкъ, а когда катался верхомъ на островахъ и набережной, посадка его обращала вниманіе.

По фигурѣ онъ былъ силенъ, упругъ и энергиченъ въ движеніяхъ, но все это не могло затушевать какой-то странной женственности манеръ... И холилъ онъ себя, какъ женщина. Брился тщательно каждое утро, проборъ — волосокъ къ волоску, губы чуть-чуть мазалъ карминомъ. Отъ всей его щеголеватой фигуры исходилъ сладковатый запахъ духовъ...

На бритомъ актерскомъ лицѣ тускло сіяли свѣтлые холодные глаза. Такіе холодные, что, когда они смотрѣли, не мигая, въ упоръ, становилось жутко. Твердо выдавались подъ кожею развитыя скулы. И вмѣстѣ съ глазами и жесткой линіей расцвѣченныхъ карминомъ губъ, сообщали онѣ, что-то животное, звѣрское благообразному, правильному лицу барона Гумберга.

Сановникъ изъ нѣмцевъ и нѣмецъ въ душѣ, Крейцнахъ фонъ-Крейцнау перезнакомилъ бывшаго «гусара смерти» съ военной и штатской молодежью, ввелъ его въ нѣкоторыя гостиныя и въ замкнутые, неохотно пускающіе къ себѣ посторонних, клубы. Гумбергъ обладалъ внѣшнимъ лоскомъ, для нѣмца хорошо и почти безъ акцента говорилъ по-французски. Вмѣстѣ съ его титуломъ это ему помогало.

Какими отношеніями связанъ былъ этотъ молодой человѣкъ съ барономъ Крейцнахъ фонъ-Крейцнау — никто не зналъ. Старый, убѣжденный холостякъ, сановникъ жилъ замкнуто, одинъ-одинешенекъ въ восемнадцати громадныхъ комнатахъ своей казенной квартиры.

2.

Гумберга особенно тянуло къ военной молодежи. Онъ очень хотѣлъ сблизиться съ корнетомъ Дорожинскимъ, смуглымъ красавцемъ съ фигурою молодого атлета. Изъ пажескаго корпуса Дорожинскій вышелъ въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ кавалерійскихъ полковъ. Сынъ богатаго южнаго помѣщика, онъ получалъ изъ дому двѣ тысячи рублей въ мѣсяцъ. Въ его со вкусомъ убранной квартирѣ на Шпалерной часто собирались товарищи. Но не было и въ поминѣ кутежей, или какихъ-нибудь излишествъ бунтующей молодости. И офицеры, и штатскіе, группировавшіеся вокругъ Сергѣя Дорожинскаго, тяготѣли къ военному дѣлу и спорту. Корнетъ, считавшійся не только въ полку, но и во всемъ гвардейскомъ корпусѣ однимъ изъ лучшихъ фехтовальщиковъ, устроилъ у себя небольшой гимнастическій залъ. Вечерами при свѣтѣ электричества слышался тамъ звонъ эспадроновъ и свистъ рапиръ. Чужими казались головы и лица въ шлемахъ и металлическихъ сѣтчатыхъ маскахъ. Панцырные нагрудники, мускулистые обнаженные руки, стремительныя броски и движенія крѣпкихъ молодыхъ тѣлъ.

Эти фехтовальные вечера посѣщалъ и Гумбергъ. И хотя особенныхъ симпатій бывшій «гусаръ смерти» не внушалъ ни хозяину, ни гостямъ, но Гумбергъ недурно владѣлъ рапирой, былъ въ мѣру учтивъ, въ мѣру искателенъ и его пускали.

Гумбергъ, по его словамъ — и ему можно было въ этомъ повѣрить, — воевалъ въ Триполи

и у Чаталджи. И тамъ, и здѣсь — въ рядахъ турокъ. Это признаніе коробило русскихъ.

— Какъ вы могли драться съ этими полудикарями-мусульманами противъ христіанъ? — недоумѣвалъ корнетъ.

Гумбергъ улыбнулся углами тонкихъ губъ и отвѣтилъ коротко:

— Я люблю турокъ!..

Зашла рѣчь о плѣнныхъ.

— Въ Триполи мы не обременяли себя плѣнными итальянцами.

— Что же вы съ ними дѣлали? — не сразу понялъ Сергѣй.

— Что?

Новая улыбка, на этотъ разъ какимъ-то жестокимъ огонькомъ освѣтившая холодные, какъ ледъ, свѣтлые глаза и шевельнувшая скулы...

— Неужели?.. — вырвалось у Дорожинскаго съ изумленіемъ, — вѣдь плѣнный безоружный. Это — не врагъ, это — человѣкъ въ бѣдѣ, котораго надо пожалѣть.

— Славянскія сентиментальности! — пожалъ плечами Гумбергъ. — Война есть война и благотворительности здѣсь нѣтъ мѣста... Хотя... нѣтъ правила безъ исключенія. Васъ, напримѣръ, попадись вы мнѣ, я, пожалуй, пощадилъ бы...

— За что вдругъ такое благоволеніе?

— Дань вашей красотѣ. Вы очень интересный... мужчина...

Корнетъ нахмурился. Мимо ушей пропустилъ.

Вообще, этотъ баронъ «липъ» къ нему весьма и весьма настойчиво.

Однажды утромъ, Гумбергъ разлетѣлся къ нему, взволнованный, блѣдный.

— Мосье Дорожинскій... выручьте меня, какъ офицеръ офицера. Мнѣ сію же минуту необходимо пятьсотъ рублей на сорокъ восемь часовъ. По непонятной случайности запоздалъ переводъ изъ Берлина. Черезъ двое сутокъ деньги будутъ у васъ на столѣ. Я нѣмецъ съ головы до ногъ, а нѣмецкая аккуратность, — вы знаете...

Дорожинскій вынулъ изъ бумажника новенькую пятисотрублевку:

— Пожалуйста...

— Ахъ, какъ я вамъ признателенъ! Чѣмъ и когда отблагодарю я васъ за такое рыцарское благородство? Но — мы сочтемся — неправда ли? Позвольте обнять васъ!

— Итакъ, черезъ сорокъ восемь часовъ?..

— Хорошо!.. Хорошо! — съ брезгливой гримасой спѣшилъ Дорожинскій отдѣлаться отъ человѣка, присутствіе котораго стало ему въ неловкую и противную тягость.

Прошло не только сорокъ восемь часовъ, а и сорокъ восемь дней и больше... Ни денегъ, ни самого барона. Гумбергъ исчезъ съ петроградскаго горизонта съ такою же внезапностью, какъ и появился.

Дорожинскій забылъ и думать о немъ...

3.

Когда о предполагаемой войнѣ мѣсяцами пишутъ, говорятъ и судятъ на всѣ лады, въ концѣ-концовъ, не бывать войнѣ. Расклеится сама по себѣ. Война — нѣчто стихійное, и также стихійно, вдругъ вспыхиваетъ и загорается она.

Даже стоящіе у власти не подозрѣвали, что Россія съ такой быстротою гордо и смѣло броситъ перчатку сосѣдямъ своимъ на ихъ дерзкій и наглый вызовъ.

Сергѣй Дорожинскій вторую половину лѣта проводилъ въ отпускѣ въ имѣніи Шемадурова.

Шемадуровъ-отецъ ворочалъ въ Петроградѣ какимъ-то департаментомъ. Дочь его, стройная и хрупкая дѣвушка съ тонкимъ профилемъ и «васильковыми» глазами, только-что вышла изъ Смольнаго. Вѣра Шемадурова и Сергѣй были женихомъ и невѣстой.

Въ шумномъ, усталомъ Петроградѣ, въ обществѣ, гдѣ браки по любви — рѣдкость, красиво и поэтично расцвѣло и окрѣпло ихъ чувство.

Старая усадьба на Волыни съ вѣковыми липами, такъ остро и медвяно благоухавшими съ заходомъ солнца, была удивительно гармоничнымъ фономъ для этой молодой и чистой любви. Раскидистыя, могучія лица, ровнымъ густолиственнымъ гротомъ, уходившія въ глубь сада, могли разсказать, какъ подъ ихъ сводами спѣшила тоненькая и гибкая дѣвушка въ бѣломъ навстрѣчу Сергѣю... Много поцѣлуевъ, клятвъ и чего-то прекрасно-безсвязнаго, которое днемъ покажется бредомъ, а въ этихъ затаившихся сумеркахъ, ароматныхъ и загадочныхъ, — полно значенія и смысла...

Вечеромъ на верандѣ пили чай. Шемадуровъ, красивый, моложавый блондинъ, весь въ бѣлой фланели, просматривалъ свѣжія газеты. Англичанка съ золотыми зубами, миссъ Броунъ, гладко причесанная, строго и чинно разливала чай. Сергѣй въ защитномъ кителѣ съ серебряными по-

гонами и Вѣра сидѣли другъ противъ друга. Онъ передалъ невѣстѣ кувшинчикъ густыхъ сливокъ. Пальцы ихъ встрѣтились, задержались. Дѣвушка вспыхнула счастливымъ румянцемъ. Открытая бѣлая шея порозовѣла до золотистаго, мягкаго пушка волосъ на нѣжномъ затылкѣ.

— Ваше превосходительство, господинъ становой по срочному дѣлу, — не громко и медленно съ повадкою стараго слуги, доложилъ бритый лакей въ сѣрой тужуркѣ съ плоскими пуговицами.

— Я сейчасъ выйду.

Черезъ минуту Шемадуровъ вернулся озабоченный.

— Объявлена мобилизація... Берутъ всѣхъ запасныхъ гвардейскаго корпуса.

Вѣра поблѣднѣла и, растеряннымъ взглядомъ своихъ васильковыхъ глазъ, смотрѣла на Сергѣя...

4.

Къ вечеру шло. Жиденькія ветлы бросали перебѣгающія тѣни на сѣрое полотнище узкаго ровнаго шоссе. По обѣимъ сторонамъ тянулись аккуратно содержимыя, чистенькія поля, обнесенныя проволочною изгородью. Что-то нерусское было и въ самомъ пейзажѣ, и въ дальнемъ городкѣ съ неуютно торчащими домами, острыми линіями вонзившейся въ небеса кирхи и фабричными трубами, которыя не дымили, хотя день былъ не праздничный, а вечеръ — не поздній.

По шоссе, короткимъ галопомъ ѣхали два всадника въ защитныхъ фуражкахъ и въ такихъ же рубахахъ. Офицеръ и солдатъ.

Красивый, смуглый поручикъ великолѣпно

сидѣлъ на мощномъ породистомъ гунтерѣ. У солдата, черноусаго и плотнаго, — за плечами винтовка.

Всадники ѣхали рядомъ, стремя въ стремя.

— Колбасюкъ, я думаю, ихъ пѣхота окопалась подъ городомъ.

— Оце и я-жъ такъ думаю, ваше благородіе, черезъ то, що позыція для этихъ злодіевъ дуже выгодная.

— Во всякомъ случаѣ, надо ихъ нащупать. Обстрѣляютъ, — чортъ съ ними, — назадъ ускачемъ!..

— А хиба-жъ вони уміютъ стрелять, ваше благородіе?

Унтеръ-офицеръ Колбасюкъ, сверхсрочный, служилъ уже шестой годъ въ полку, считался отличнымъ солдатомъ, лихимъ наѣздникомъ, но по-русски такъ и не научился говорить. Всѣ, начиная съ вахмистра и кончая полковымъ командиромъ, прощали бравому унтеру его хохлацкую «мову». Колбасюкъ данъ былъ въ помощь Дорожинскому для развѣдки.

Съ восторгомъ поѣхалъ Сергѣй на войну. Даже любовь къ невѣстѣ не могла поколебать рвущагося впередъ желанія. Единственно, чего онъ боялся, — что ихъ полкъ могутъ не послать. Но сразу двинули почти весь гвардейскій корпусъ, и спѣшно вернувшійся въ Петроградъ изъ шемадуровскаго имѣнія, Сергѣй на пятые сутки уже былъ посланъ въ развѣдку. Его Робъ-Рой, на которомъ онъ минувшимъ великимъ постомъ выигралъ въ Михайловскомъ манежѣ нѣсколько призовъ, стучалъ копытами по непріятельскому шоссе на непріятельской территоріи... Положительно — сказка!..

До чего быстрая смѣна впечатлѣній! Давно ли онъ прощался съ Вѣрой, въ сумеркахъ липовой аллеи, и она плакала и онъ пилъ вмѣстѣ съ поцѣлуями ея теплыя, чистыя слезы?

Она, этотъ полуребенокъ съ какой-то материнскою важностью дала ему свой образокъ на тоненькой цѣпочкѣ... Ея маленькій портретъ вмѣстѣ съ ея послѣднимъ письмомъ здѣсь близко, на самой груди, въ бумажникѣ внутренняго кармана походной рубахи...

Затѣмъ — Петроградъ, суета спѣшныхъ сборовъ, ликованіе товарищей, ѣхавшихъ «бить нѣмца», какъ на давно желанный пиръ. Вереница вагоновъ, нагрузка лошадей, такъ здорово и пріятно пахнувшихъ... И вотъ, по бокамъ тощія, косо освѣщаемыя вечернимъ солнцемъ прусскія ветлы и рядомъ съ нимъ скачетъ Колбасюкъ. Хорошо, бодро, а сколько впереди еще лучшихъ, захватывающихъ мгновеній!..

— Ваше благородіе, що тамъ такэ на шоси, мабуть, конники?..

Дорожинскій прицѣлился въ даль изъ чернаго тяжелаго бинокля.

— Ого, да это — нѣмецкій разъѣздъ навстрѣчу! Пять всадниковъ. — Что-жъ, Колбасюкъ, рубнемъ? — загорѣлся вдругъ весь Дорожинскій.

У него было такое презрѣніе къ непріятельской конницѣ, презрѣніе, основанное на свѣжихъ, вчерашнихъ стычкахъ, что уходить двоимъ отъ пятерыхъ онъ счелъ бы малодушнымъ и стыднымъ.

Колбасюкъ молча, снявъ съ плеча винтовку, держалъ ее на изготовѣ.

5.

Все уменьшалось разстояніе. Уже простымъ глазомъ нетрудно было различить гусарскія венгерки прусскихъ кавалеристовъ. Они остановились, сдерживая коней, торопливо отстегивая свои притороченные къ сѣдлу карабины. Колбасюкъ выстрѣлилъ на галопѣ и сейчасъ же одинъ гусаръ откинулся навзничь.

Нѣмцы дали залпъ, еще и еще, и, повернувъ коней, бросились наутекъ.

Охваченный охотницкой горячкой, Дорожинскій, не замѣчая, не чувствуя, обожженнаго лѣваго плеча своего, шпорилъ изо всѣхъ силъ Робъ-Роя.

— Ходу, Колбасюкъ, ходу! Мы ихъ искрошемъ!..

Вихремъ летѣли они съ обнаженными шашками. Быстро нагоняли четырехъ всадниковъ. Ужъ совсѣмъ близко ихъ съ бѣлыми шнурами черныя спины.

Колбасюкъ налетѣлъ и хватилъ ближайшаго гусара по цвѣтной фуражкѣ. Тотъ кубаремъ свалился съ разрубленнымъ черепомъ.

Сергѣй короткимъ, но страшнымъ взмахомъ, глубоко разрубивъ плечо, спѣшилъ второго гусара. И уже занесся на третьяго, но въ этотъ самый моментъ шашка выскользнула изъ разжавшихся пальцевъ и, почувствовавъ новый обжокъ, на этотъ разъ въ груди, Сергѣй потерялъ самого себя. Горячіе, желтые, оранжевые и красные круги помутили все передъ глазами и стало темно, темно...

Вотъ что произошло: навстрѣчу улепетывающимъ «гусарамъ смерти» шелъ на рысяхъ новый

разъѣздъ ихъ же эскадрона, человѣкъ въ двѣнадцать и съ офицеромъ. Они спѣшились и открыли огонь метрахъ въ пятистахъ. Солдаты заикнулись было, что такъ можно попасть въ своихъ, но бритый офицеръ-блондинъ въ мѣховой шапкѣ съ бѣлымъ черепомъ, скрипнувъ зубами, пообѣщалъ размозжить черепъ тому, кто пикнетъ хоть слово. Вырвавъ у ближайшаго гусара винтовку, онъ самъ началъ стрѣлять.

Колбасюкъ, — не въ добрый часъ пуля угодила ему въ лобъ, — грузнымъ мѣшкомъ упалъ съ лошади, такой же монументальной, какъ и онъ самъ.

Сергѣю трудно было открыть глаза, физически трудно, — такая слабость овладѣла имъ и отъ потери крови, и отъ паденія на камни. Еще въ какомъ-то дремотномъ полузабытьи, онъ слышалъ вокругъ себя нѣмецкую рѣчь, звонъ шпоръ, бряцанье палашей.

Неужели начало конца?.. И — такъ скоро?.. Неужели?.. Онъ даже не успѣлъ войти во вкусъ. Это первое боевое крещеніе было такое искрометное, — да и было ли оно, вообще?..

Увы, было: рубаха слиплась отъ крови, плечо словно чужое, въ груди жжетъ невыносимо и хочется, мучительно хочется пить... Вѣдь ему двадцать второй годъ... Все впереди... Вся жизнь! Сколько еще радостей! Неужели ничего не будетъ? Ни тихихъ восторговъ липовой аллеи, ни Вѣры, ни Петрограда, — ничего!.. Вотъ и Колбасюкъ... Сергѣй не видитъ его, но чувствуетъ гдѣ-то близко большое тѣло этого здоровеннаго, краснощекаго солдата... Онъ былъ минуту назадъ и краснолицымъ, и здоровымъ, а теперь... Дорожинскій вспомнилъ пригнув-

шіяся въ бѣгствѣ черныя спины, расшитыя бѣлыми шнурами, вспомнилъ свой ударъ, — какъ глубоко вошла въ плечо шашка! Ротмистръ Поповъ похвалилъ бы за такую «рубку», а вѣдь онъ строго «цукалъ» пажей...

6.

Сергѣй открылъ глаза...

Надъ нимъ, опираясь на палашъ, стоялъ щеголеватый гусарскій офицеръ, въ мѣховой шапкѣ, бритый блондинъ, надушенный чѣмъ-то сладковатымъ... Въ холодѣющемъ, уже совсѣмъ вечернемъ воздухѣ, этотъ запахъ былъ особенно острый и пряный. Какіе тусклые, ледяные глаза. Сергѣй, кажется, видѣлъ ихъ, но гдѣ и когда? И эти тронутыя карминомъ губы?..

Господи... «сорокъ восемь часовъ»... Гумбергъ! Сергѣй даже приподнялся на локтѣ, но сейчасъ же, стиснувъ зубы, упалъ, — такой адской болью заныло плечо.

«Гусаръ смерти» узналъ его въ свою очередь и сухо, чисто по-прусски, ткнувъ подбородкомъ въ расшитый серебромъ воротникъ своей венгерки, отдалъ честь.

— Если не ошибаюсь, господинъ Дорожинскій? — спросилъ онъ по-нѣмецки, хотя годъ назадъ въ Петроградѣ ихъ разговорнымъ языкомъ былъ преимущественно французскій.

— Да, это — я, какъ видите, — пробовалъ Сергѣй улыбнуться. — Вотъ при какихъ условіяхъ встрѣтились...

Къ раненому подвигались съ угрозой и

бранью нѣмецкіе солдаты. Лица — звѣрскія. Слышалось:

— А, проклятый русскій, попался!

— Баронъ, защитите меня отъ вашихъ людей, я не могу шевельнуться, истекаю кровью... Если-бъ перевязку? Ахъ, какъ я страдаю, все горитъ... пить!..

— Вы не будете мучиться, — значительно сказалъ Гумбергъ съ жестокой улыбкой. — Я облегчу ваши страданія.

Гусары напирали все ближе и ближе съ грубыми, непристойными ругательствами, и одинъ уже занесъ надъ головою Сергѣя прикладъ своего карабина, но получилъ ударъ кулакомъ въ подбородокъ.

Гумбергъ повторилъ ударъ, и съ искаженнымъ лицомъ, сдѣлавшимъ его сразу некрасивымъ, взвизгнулъ:

— Всѣ прочь!

Гусары, нехотя повиновались, отошли къ своимъ лошадямъ.

Гумбергъ повторилъ:

— Я облегчу ваши страданія.

И не спѣша, вынулъ изъ деревяннаго футляра, висѣвшаго на лѣвомъ боку, крупный, съ длиннымъ стволомъ парабеллумъ.

Сергѣй смотрѣлъ широко раскрытыми глазами... Онъ вспомнилъ теорію Гумберга, что не слѣдуетъ отягощать себя плѣнными... Вспомнилъ и похолодѣлъ, застылъ весь... Страстно, до сумасшествія хотѣлось жить... Ахъ, какъ безумно хотѣлось... Но унижаться передъ этимъ мерзавцемъ, умолять о пощадѣ — языкъ не повернулся бы

СТАРЫЙ АФРИКАНСКІЙ СОЛДАТЪ.

1.

Когда нѣмцы вошли въ Лодзь и шумнымъ, галдящимъ бивуакомъ расположились на главной Петроковской улицѣ, изъ дверей небольшого табачнаго магазина ихъ наблюдалъ сухощавый, сѣдой, горбоносый старикъ, съ коротенькой трубкою въ зубахъ.

Саксонскіе уланы, преимущественно ландштурмъ, подсаживаемые другъ-другомъ, неуклюже и громоздко взбирались на своихъ монументальныхъ лошадей. Грузный, отяжелѣвшій народъ, основательно отвыкшій отъ ѣзды и коннаго строя.

Именно этого и не понималъ сѣдоусый, съ гладко выбритымъ подбородкомъ человѣкъ съ трубочкою, самъ на своемъ вѣку много и хорошо ѣздившій. Настоящій кавалеристъ не можетъ разучиться сидѣть на лошади и управлять ею. А эти брюхатые саксонцы — имъ только лѣстницъ недостаетъ. Приставилъ бы къ сѣдлу и — давай наверхъ карабкаться.

Но, хороша и пѣхота...

Одинъ видъ этихъ пруссаковъ зажигалъ презрѣніе. Вѣковѣчное презрѣніе солдата-француза къ солдату-нѣмцу. Маршируетъ по жура-

влиному, вытягивая ноги, выпячивая грудь. Трясутся при этомъ налитыя пивомъ щеки. А вотъ не угодно ли съ такой маршировкой въ пустыню, гдѣ нога вязнетъ въ сыпучемъ пескѣ, а сверху адскимъ раскаленнымъ пекломъ дышетъ африканское солнце?..

Старикъ одинъ въ магазинѣ. Покупателей ни души. Какіе ужъ тутъ покупатели... Все живое позабивалось дома у себя. Слава о нѣмецкихъ подвигахъ успѣла притти изъ Калиша... И кому охота быть разстрѣляннымъ, такъ, ни за что, ни про что, этими озвѣрѣвшими бандитами въ синихъ мундирахъ и каскахъ съ императорскимъ орломъ...

Старикъ не былъ бы эльзасцемъ, если бъ всей душою не сочувствовалъ этой войнѣ съ ея несомнѣнными перспективами германскаго униженія и разгрома. Теперь же, когда въ нѣсколькихъ шагахъ онъ видѣлъ карабкавшихся на коней саксонскихъ уланъ, видѣлъ прусскую пѣхоту, пріостановившую движеніе людной и шумной улицы, запрудившую своимъ собственнымъ солдатскимъ мясомъ и пирамидами винтовокъ широкія панели, мостовую и трамвайный путь, онъ вспыхнулъ весь краскою проснувшейся ненависти и стыда передъ самимъ собою...

Онъ уже старъ, ему пятьдесятъ восьмой годъ. И пусть-ка молодежь такъ «поработаетъ» на поляхъ смерти, какъ поработалъ онъ въ свое время! Но теперь въ эти дни, такіе трудные и великіе, нѣтъ никакихъ оправданій. И когда кровавый смерчь закружилъ всю Европу и его родная и прекрасная Францiя встала вся, какъ одинъ человѣкъ противъ сосѣдей-вандаловъ, онъ Габріэль Троссэ, старый солдатъ иностраннаго

легіона, будетъ достоинъ всяческаго презрѣнія... Нельзя, немыслимо спокойно торговать папиросами, табакомъ и сигарами. Невозможно... Всякій, самый ничтожный человѣкъ, дрянь, въ правѣ будетъ плюнуть ему въ лицо! Въ лицо боевого солдата со шрамомъ черезъ всю щеку. Онъ хотѣлъ тихой пристани, отдыха, покоя. Но бываютъ моменты, когда къ чорту летятъ всѣ тихіе пристани и отдыхи. Такой моментъ насталъ...

А съ улицы такъ назойливо врывалась отрывистая командная, — о, какъ она была ему знакома! — нѣмецкая рѣчь. Онъ захлопнулъ дверь — руки въ карманахъ, сжимая зубами трубочку, шагалъ взадъ и впередъ въ бунтующемъ раздумьѣ.

— Такъ нельзя... Нельзя... Къ дьяволу всѣ эти оклеенные глупо-слащавыми головками и картинками ящики, жестянки и коробочки... Къ дьяволу!..

Распахнулась дверь и, звеня шпорами, бряцая длиннымъ палашемъ, ввалился въ магазинъ весь въ пыли громадный уланскій офицеръ въ клеенчатомъ киверѣ. И тупо глядя, не видя передъ собою никого, прохрипѣлъ:

— Sigarren!

Троссэ былъ охваченъ неудержимымъ искушеніемъ: сію же минуту, какъ свинью пристрѣлить наглаго самодовольнаго шваба. Но какой смыслъ? Самого же сейчасъ разстрѣляютъ. Жизнь за жизнь. Стоитъ ли? Гдѣ-нибудь подальше на свободѣ онъ сумѣетъ уничтожить нѣсколько такихъ же, какъ этотъ...

И блѣдный, вся краска отхлынула, суровый, сдерживающій себя Габріэль Троссэ молча

далъ нѣмцу десятокъ сигаръ. Офицеръ, не торопясь, закурилъ и вышелъ, даже не спросивъ сколько стоятъ сигары. Къ чему?.. Вѣдь онъ же въ «завоеванномъ» городѣ!..

2.

Въ опустѣвшей, покинутой усадьбѣ польскаго помѣщика стоялъ временно корпусный командиръ со своимъ штабомъ.

Молодой генералъ съ небольшими усами и бѣлымъ пажескимъ крестикомъ на гусарской венгеркѣ, корпусный, пилъ со своимъ адъютантомъ утренній чай въ мрачной, съ острыми готическими перекрытіями деревяннаго потолка, столовой. Денщикъ въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ возился у самовара. Кашель, звонъ шпоръ. Солдатъ-кавалеристъ съ винтовкою и въ защитной фуражкѣ, вытянулся у порога.

— Такъ что ваше превосходительство, одинъ «вольный» пришелъ... безпремѣнно хочетъ видѣть ваше превосходительство...

— Вольный? — переглянулся генералъ со своимъ адъютантомъ. — Можетъ быть, шпіонъ, какія-нибудь интересныя свѣдѣнія? Зови сюда...

Черезъ минуту вѣстовой ввелъ коротко остриженнаго, сѣдоусаго старика. Сухой и стройный, онъ былъ въ теплой курткѣ, панталонахъ галифэ и желтыхъ штиблетахъ, съ желтыми до колѣнъ гетрами. Вся грудь отъ плеча къ плечу — увѣшана иностранными орденами.

— Кто вы такой, и какъ васъ зовутъ? — спросилъ генералъ.

— Старый солдатъ иностраннаго легіона Габріэль Троссэ. Бывшій германскій подданный...

Эльзасецъ, дезертиръ прусскаго четвертаго гусарскаго полка. Восьмой годъ состою въ русскомъ подданствѣ,—отвѣчалъ Троссэ по-русски, съ замѣтнымъ акцентомъ.

И обиліе орденовъ, и служба въ знаменитомъ иностранномъ легіонѣ и дезертирство изъ нѣмецкой арміи, все это вмѣстѣ заинтересовало корпуснаго.

— Подойдите ближе!

И самъ всталъ.

— Это за что?—спрашивалъ корпусный, указывая бѣлымъ крупнымъ и холенымъ пальцемъ на крайнюю медаль справа.

— За Тонкинъ и Формозу...

— Это?..

— За Дагомею.

— Это?

— Мадагаскаръ.

— Это?..

— Зюдъ-Оранэ-Сахара...

— Это?..

— За Марокко. Почетный легіонъ. Дважды раненный, остался въ строю...

— Шрамъ?

— Въ Индо-Китаѣ. Поднятый мною на штыкъ пиратъ полоснулъ меня саблей...

— Браво, браво, каковъ молодецъ!—восхищался генералъ.—Садитесь, Троссэ... Пантелѣевъ, стаканъ...

За чаемъ африканскій солдатъ по-французски,—это было ему легче, разсказалъ свою исторію.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ Эльзасѣ еще было такъ свѣжо все родное французское,

и тѣмъ мучительнѣй, невыносимѣй сталъ гнетъ грубой прусской ботфорты. Пришло время Габріэлю Троссэ отбывать солдатчину. Онъ попалъ въ четвертый гусарскій полкъ, тогда квартировавшій въ Данцигѣ. Прусская дисциплина, да еще по отношенію къ эльзасцу, — сплошной рядъ издѣвательствъ и пытокъ. Всѣ, начиная съ полкового комнадира, эскадроннаго, лейтенантовъ, вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ, иначе не называли эльзасцевъ, какъ французскими свиньями. Особенно бѣсило этихъ скотовъ, что французы всегда лучшіе кавалеристы въ полкахъ. Брать ли барьеры, вольтижировать, — о посадкѣ нечего и говорить, — французы всегда первые. Французы да поляки еще. И не тяжелымъ, неповоротливымъ и грузнымъ нѣмцамъ тягаться съ ними!..

Но изъ всѣхъ звѣрей, самымъ лютымъ звѣремъ былъ командиръ эскадрона ротмистръ баронъ Траубенбергъ. Холодный, щеголеватый, надушенный, съ моноклемъ. И глаза — такихъ глазъ Троссэ не встрѣчалъ потомъ, ни у китайскихъ пиратовъ, ни у каторжниковъ Сенегана, ни у чернокожихъ Мадагаскара, лакомящихся человѣчиной, — ни у кого!..

За малѣйшее отступленіе отъ дисциплины, баронъ приказывалъ вѣшать эльзасцамъ на шею торбу съ конскимъ навозомъ. Сажали на общее посмѣшище средь казарменнаго двора и ставился часовой съ карабиномъ.

Во время смѣнной ѣзды эскадронный вооружался длиннымъ бичомъ изъ гипопотамовой кожи. И чуть ему не понравится посадка эльзасца, носки недостаточно привернуты, или что-

нибудь въ этомъ родѣ, онъ стегаетъ несчастнаго солдата изо всей силы. Ему бы въ палачи, а не въ кавалеристы! Однимъ ударомъ, Траубенбергъ кончикомъ бича разсѣкалъ мундиръ и вмѣстѣ съ нимъ кожу и мясо, до крови...

Въ полку отбывалъ повинность племянникъ барона. И вотъ однажды зимою въ тепломъ манежѣ, племянникъ на барьерѣ упалъ съ коня. Троссэ шелъ за нимъ, какъ сейчасъ помнитъ, на три корпуса. И чисто взялъ барьеръ, вышиною метръ съ небольшимъ. Взбѣшенный ротмистръ велѣлъ ему спѣшиться и ударилъ его по лицу. Троссэ бросился на своего обидчика... Былъ схваченъ солдатами. Его посадили въ крѣпость, отдавъ подъ судъ за оскорбленіе дѣйствіемъ офицера при исполненіи служебныхъ обязанностей. Нужно ли пояснять, что его разстрѣляли бы. Больше тридцати лѣтъ прошло съ этого дня, а щека до сихъ поръ горитъ... Онъ не забылъ оскорбленія...

Троссэ удалось, — это можно объяснить развѣ чудомъ, — бѣжать изъ крѣпости. Свои же, эльзасцы помогли. И тутъ начинается авантюристическая эпопея во вкусѣ Эмара, или Жакольо. Костюмъ бродяги, французское торговое судно, темный трюмъ, пахнущій оливковымъ масломъ, гигантскій портъ Марселя, бирюзовыя волны Средиземнаго моря, песчаный берегъ Африки, пальмы, тропическій зной...

Троссэ былъ принятъ въ одинъ изъ полковъ иностраннаго легіона. Тамъ не интересуются, кто и откуда ты? Туда сбѣгалось все, потерпѣвшее въ жизни крушеніе. Въ одной ротѣ съ Троссэ, такими же какъ и онъ самъ нижними

чинами были: промотавшійся маркизъ, кирасирскій полковникъ, разоренный банкиръ, бѣглый епископъ, изъ Штиріи, докторъ медицины и профессоръ консерваторіи — авторъ нѣсколькихъ талантливыхъ оперъ.

Въ иностранномъ легіонѣ эльзасецъ прослужилъ два пятилѣтія. Потомъ, желая вернуться къ прерванной службѣ въ кавалеріи, поступилъ въ «голубые» стрѣлки. Всякаго бывало. Приходилось драться въ пустынѣ съ цѣлыми тучами кабиловъ, томиться въ плѣну у суданскихъ негровъ, умирать медленно и мучительно отъ ранъ и отъ жажды, охотиться на львовъ и усмирять пиратовъ Индо-Китая, самыхъ опасныхъ и самыхъ жестокихъ разбойниковъ на свѣтѣ.

Такъ минуло пятнадцать лѣтъ жизни колоніальнаго солдата. Захотѣлось покоя. Сбереженія небольшія завелись. На родинѣ все, что было близкаго вымерло. Одинокій, бобыль-бобылемъ. Случайный рейсъ парохода-«купца» забросилъ Троссэ въ Одессу... Онъ скитался по Россіи, знаетъ Петроградъ, Москву, и вотъ, наконецъ, зашвырнутый броскомъ судьбы въ Лодзь, открылъ табачный магазинъ, думая этимъ кончить. Но — какъ только онъ увидѣлъ пруссаковъ, вся уснувшая ненависть яркимъ пламенемъ вспыхнула! Къ чорту внизъ головою полетѣли всѣ мирные планы! Старый африканскій солдатъ еще можетъ на что-нибудь пригодиться!..

Отправивъ на тотъ свѣтъ десятокъ-другой этой сволочи, самому не грѣхъ тогда ликвидировать свои отношенія съ коварной и вѣтренной женщиной, которая называется жизнью... Не надо слишкомъ засиживаться...

3.

Посланные въ развѣдку драгуны вернулись. Они побывали въ нѣмецкомъ городкѣ, островерховая кирха котораго иглою пронизывала ясныя небеса, впереди, въ трехъ-четырехъ километрахъ. Тамъ — хоть бы одна душа человѣческая! Вымеръ городъ, все бѣжало. Только что бѣжало. Слѣды «горячіе», — въ буквальномъ смыслѣ слова. Спѣшившись, драгуны вошли въ одинъ домъ и наскоро пообѣдали еще неостывшимъ картофельнымъ супомъ...

Ротмистру Попову приказано было вмѣстѣ съ его эскадрономъ занять покинутый городъ.

— По крайней мѣрѣ, заснемъ по-людски. Я восемь сутокъ не раздѣвался, — говорилъ Поповъ ѣдущему рядомъ съ нимъ Троссэ.

Старый легіонеръ, просившійся въ добровольцы и не въ пѣхоту, а въ конницу, назначенъ былъ въ эскадронъ къ Попову. Кромѣ Троссэ было еще девять человѣкъ охотниковъ, — сплошь все кавказская молодежь въ черкескахъ, съ тонкими, какъ у дѣвушекъ таліями. И вышло само собою такъ, что эскадронный отдалъ всю эту молодежь, или, какъ называлъ ее Поповъ съ презрительной ласковостью «иррегулярную кавалерію», подъ опеку стараго африканца, котораго оцѣнилъ съ первыхъ же шаговъ совмѣстной «работы».

— Берите себѣ эту иррегулярную кавалерію и дѣлайте съ нею, что хотите... — Я вполнѣ довѣряю вамъ!..

Не прошло и нѣсколькихъ дней, Троссэ съ избыткомъ оправдалъ довѣріе эскадроннаго.

Безъ малаго полжизни дравшійся въ колоніяхъ, онъ личнымъ опытомъ изучилъ полный предательскаго коварства способъ веденія войны со своими черными и желтолицыми противниками. И весь этотъ мудрый опытъ изъ африканской пустыни и джунглей Индо-Китая, онъ перенесъ на лоно чистенькой, чопорной и аккуратно выметенной природы восточной Пруссіи.

Развѣдка была такъ поставлена у Троссэ, можно было подумать, что онъ знаетъ не только передвиженія, но и мысли непріятельскія. Поперекъ лѣсныхъ дорогъ онъ устраивалъ проволочныя загражденія. Точно въ капканъ, или мышеловку, попадали въ нихъ не только большіе разъѣзды, но и цѣлые эскадроны пруссаковъ. А «иррегулярная кавалерія», частью превращенная въ пѣхоту, ибо лежала у дороги, затаившись въ кустахъ, частью ставшая воздушной конницею, такъ какъ забиралась на деревья, — снизу и сверху жесточайшимъ огнемъ разстрѣливала ошеломленное, сбившееся въ безпорядочную гущу, лошадиное и человѣческое мѣсиво...

Однажды такимъ образомъ Троссэ взялъ въ плѣнъ бронированный автомобиль со штабомъ германской дивизіи. Получилъ за это Георгія. Словомъ, что ни день, то новый какой-нибудь подвигъ.

И неутомимость при этомъ — изумительная. Ужъ на что кавказцы народъ привычный, выносливый, а даже и эта молодежь въ папахахъ и черкескахъ, пасовала передъ желѣзнымъ старикомъ. По восемнадцати часовъ не слѣзалъ съ коня и хоть бы что — ни въ одномъ глазу!

ѣхавшіе въ головѣ эскадрона, тучный съ короткой шеей Поповъ и сухой, весь изъ нервовъ, Троссэ, — были фигуры на диво контрастныя. «Пѣшкомъ» — Поповъ казался вдвое толще. На конѣ же совершенно преображался. Вдругъ худѣлъ, неизвѣстно куда подбирая часть тѣла, которую французы галантно называютъ „la naissanse de jambes“ и посадкой его можно было залюбоваться...

Поповъ извѣстенъ былъ во всей русской конницѣ своимъ искусствомъ буквально срастаться съ лошадью. Разъ одна высокопоставленная особа дѣлала инспекторскій смотръ полку. А потомъ всѣ офицеры верхомъ провожали высокаго гостя на желѣзнодорожную станцію, за двадцать пять верстъ. Поповъ, какъ выѣхалъ, положилъ четыре пятака слѣдующимъ образомъ: два на каждое стремя, придерживая ихъ подошвами, это называется «играть стременемъ», а два между сѣдломъ и каждымъ колѣномъ. И лишь у самого вокзала, спѣшиваясь, вынувъ изъ стремянъ ноги и разставивъ «шенкеля», онъ уронилъ на землю всѣ четыре пятака. Этотъ труднѣйшій трюкъ привелъ всѣхъ въ восторгъ, а высокій гость, снявъ съ себя золотые часы, пожаловалъ ихъ Попову...

Горячили своихъ маленькихъ горбоносыхъ «звѣздочетовъ» молодые кавказцы, грудью припадавшіе къ лукѣ.

— Эхъ, вы, иррегулярная кавалерія! — улыбнулся въ свои рыжеватые густые бакены Поповъ, не признавшій ни казачьей, ни кавказской посадки.

Сѣрымъ полотнищемъ уходило шоссе. Впереди, у горизонта обозначались крыши городка и надъ ними — шпицъ кирки. День былъ сѣренькій и сквозь матовый алюминій облаковъ, дразняще какъ-то, чуть замѣтно обозначался кругъ солнца.

— Кажется непріятельскій разъѣздъ, — замѣтилъ Троссэ, прищурившись въ осеннія прозрачныя дали.

Поповъ вооружился биноклемъ.

— Да, вѣрно. Однако, милѣйшій Троссэ, у васъ по природному цейссу сидитъ въ каждомъ глазу.

Красивый, смуглый, носатый чеченецъ съ чернымъ пушкомъ надъ верхней губою, весь загорѣвшись, подлетѣлъ къ эскадронному:

— Гаспадинъ ротмистръ, разрэшите... Разрэшите, гаспадинъ ротмистръ...

— Что такое?..

Юноша выразительно махнулъ нагайкой по направленію нѣмецкаго разъѣзда.

— Далеко, вѣдь. Около двухъ верстъ, поди... Уйдутъ, какъ отъ стоячихъ?.. А?

— Гаспадинъ ротмистръ, разрэшите! — съ мольбою, и чуть ни слезами просилъ чеченецъ.

— Ну, валяйте... иррегулярная кавалерія...

Съ удивительной сочностью выходило у Попова это «иррегулярная кавалерія».

Кавказцы, заломивъ косматые папахи, нахлестывая своихъ «звѣздочетовъ», вынеслись полевымъ галопомъ. Только, по камнямъ копыта зацокали.

— Мѣсяцъ-другой по этимъ проклятымъ шоссейнымъ дорогамъ и весь конскій составъ къ чорту! — съ досадою сѣтовалъ эскадронный ста-

рому африканцу. — Сколько мы не брали въ плѣнъ нѣмецкихъ кавалеристовъ, у всѣхъ лошадей ноги разбиты. И все по милости шоссейныхъ дорогъ. Камень..

Кавказцы распластываются уже далеко впереди. Германскій разъѣздъ о десяти коняхъ бросился на утекъ по направленію къ городу.

— А вѣдь догонятъ, — замѣтилъ Троссэ.

— Догонятъ, чего добраго, — согласился Поповъ. — И, вырѣжутъ всѣхъ до одного. А когда вернуться съ нѣмецкими лошадьми въ поводу и спросишь: «Гдѣ же плѣнные?» — У нихъ одинъ отвѣтъ:

— «Сапрротивлалысь»... Иррегулярная кавалерія!..

4.

Впереди эскадрона, шагахъ въ тысячѣ, на шоссейную дорогу, съ пересѣкавшей ее проселочной, въѣхала нагруженная какимъ-то скарбомъ телѣга. И на ней — двѣ фигуры.

— Мужчина и женщина, — сказалъ Троссэ.

— Мужчина и женщина, — скрѣпилъ, глянувшій въ свой цейсъ, Поповъ.

Телѣга медленно двигалась. Между нею и эскадрономъ все уменьшалось пространство. Обѣ фигуры, нѣмецкій мужикъ въ шляпѣ и баба завозились надъ чѣмъ-то.

По лицу Троссэ пробѣжала судорога... Старый африканецъ, давъ шпоры, вынесся впередъ, осадилъ коня, сорвалъ съ плеча карабинъ и почти не цѣлясь, выстрѣлилъ, разъ и другой...

Баба въ платкѣ мѣшкомъ свалилась съ телѣги, а мужикъ такъ и остался лежать на своемъ скарбѣ.

— Вы съ ума сошли... Нельзя же разстрѣливать мирное населеніе! — вскипѣлъ Поповъ, догоняя Троссэ.

— Это — такое же мирное населеніе, какъ и мы съ вами, ротмистръ, — спокойно отвѣчалъ Троссэ, вѣшая за спину карабинъ. — Не угодно ли убѣдиться. Я увѣренъ, еще минута и они обстрѣляли бы нашъ эскадронъ изъ пулемета... Правъ я или нѣтъ, сейчасъ убѣдимся...

Троссэ и Поповъ, два офицера и вахмистръ окружили телѣгу. Баба, разметавшаяся на пыльномъ шоссе, еще стонала, царапая скрючившимился пальцами камни. А мужикъ неподвижнымъ пластомъ лежалъ на телѣгѣ, раскинувъ руки. Словно защищая свое добро. Всѣ спѣшились. Троссэ разгребъ у задка телѣги сѣно, вышвырнулъ два пустыхъ ящика и показался новый, ловко замаскированный пулеметъ.

— Какъ вы могли угадать? Какой вы дивный стрѣлокъ! — всплеснулъ руками восторженный корнетъ Имшинъ.

— Инстинктъ! — пожалъ плечами съ улыбкой Троссэ. — И кромѣ того, подозрительно: мирное населеніе отъ насъ убѣгаетъ, напуганное баснями о звѣрствѣ русскихъ войскъ, а эти — вдругъ ни съ того, ни съ сего... Но погодите... это еще не все...

Старый легіонеръ подошелъ къ бабѣ съ навылетъ прострѣленной грудью, она продолжала стонать, — и одной рукой сорвалъ закутывавшій голову и лицо платокъ, другою — под-

нялъ юбки. Подъ юбками оказались офицерскіе сапоги и синіе панталоны съ краснымъ кантомъ. Черезъ всю голову шелъ сквозной англійскій проборъ, а надъ верхней губою — выбритые усы. Какой-нибудь юный лейтенантъ, жаждавшій подвига?.. Убитый мужикъ при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказался нижнимъ чиномъ. Поверхъ мундира — поношенное штатское пальто.

Поповъ обнялъ Троссэ.

— Merci, голубчикъ! Сегодня же пошлю ординарца въ штабъ... Вы спасли мнѣ полъэскадрона...

Солдатъ-санитаръ возился надъ раненымъ прусскимъ офицеромъ. Но спасти его, — трудъ напрасный. Даже минуты были сочтены. Онъ стоналъ все слабѣй и слабѣй. Силился бормотать что-то, а глаза хотя и смотрѣли, но никого и ничего не видѣли, стеклянные и чужіе. И какъ-то странно переплелись въ этомъ молодомъ, умирающемъ тѣлѣ строгое и важное, чему равнаго нѣтъ въ мірѣ, ибо это смерть, и, увы, — смѣшное, разоблачающее какой-то кровавый маскарадъ, теперь такой ненужный, нелѣпый. И жалко торчали изъ-подъ грубой суконной юбки ноги въ офицерскихъ сапогахъ и въ панталонахъ съ краснымъ кантомъ. А голова со сквознымъ проборомъ и страдальческимъ оскаломъ зубовъ, разметалась на бабьемъ измятомъ платкѣ...

Черезъ минуту, когда все было кончено, вахмистръ снялъ фуражку, перекрестился.

— Хушъ и сволочь народъ, вообче, хотѣлъ черезъ обманнымъ путемъ насъ обстрѣлить, а все-жъ душа человѣчья!..

Поповъ, теперь, когда слѣзъ съ коня, та-

кой тучный и неуклюжій, отвернувшись, покусывалъ губы.

— Да, поганая штука, война, эта самая...

Тѣла убитыхъ взяли въ городъ, — тамъ похоронятъ.

Запряженная парою крѣпкихъ и сытыхъ лошадей телѣга, шла за эскадрономъ. Править было некому. Аріергардный всадникъ велъ за собою въ поводу нѣмецкую запряжку.

Вскорѣ, — навстрѣчу кавказцы. Издали можно было принять ихъ за женщинъ, такіе они всѣ гибкіе и тонкіе въ поясѣ. Они гнали впереди себя нѣсколько крупныхъ кавалерійскихъ лошадей подъ новенькими съ иголочки строевыми сѣдлами.

— Ну, что? — съ усмѣшкою встрѣтилъ Поповъ своихъ джигитовъ, — сапративлялись?..

— Такъ точно, гаспадинъ ротмистръ, сапративлялись!.. Рубить нѣмецъ совсѣмъ не умѣетъ. Баится рубить... Изъ карабина стрѣлялъ.

— Потерь нѣтъ, кажется?

— Никакъ нѣтъ, гаспадинъ ротмистръ. Только у Гургенбекова плечо прастрэлили. Пустаки, савсѣмъ пустаки!..

— Молодцы!.. Ай-да иррегулярная кавалерія!..

У джигитовъ за спиною кромѣ своей собственной винтовки, болтались еще непріятельскіе карабины. А раненый Гургенбековъ везъ трофей, — кирасирскую каску съ императорскимъ орломъ, которую онъ снялъ съ имъ же самимъ отрубленной головы прусскаго офицера.

Заняли вымершій городокъ. Такой вымершій, что было жутко. Ни звука, ни движенія, ни одной человѣческой фигуры. Отступившее на-

селенiе испортило всѣ провода, телеграфные и телефонные. Проволока свисала со столбовъ и крышъ черезъ улицу. Задѣваемая копытами, она вздрагивала и звенѣла, какъ живая и лошади косились на нее своимъ гордымъ, пугливымъ бѣлкомъ...

Офицеры вмѣстѣ съ Троссэ расположились въ первомъ попавшемся домѣ съ пiанино, съ мебелью въ бѣлоснѣжныхъ чехлахъ и съ неизмѣнными салфеточками, въ изобилiи украшавшими спинки дивановъ и стѣны комнатъ и кухни. Салфеточки съ вышитыми острымъ готическимъ шрифтомъ изреченiями и пословицами, скучными, банальными, приторными, какъ все нѣмецкое.

Вѣстовой возился у пылающей плиты. Въ громадномъ чайникѣ бурлилъ кипятокъ. На эмалированной сковородѣ кипѣло въ маслѣ что-то мясное.

Сбросивъ свои солдатскiя шинели, шапки и ледунки, офицеры, недѣлю пробавлявшiеся сухомяткой, ѣли съ волчьимъ аппетитомъ. За чаемъ Троссэ по-французски, — его всѣ понимали, — живописалъ мирную и боевую жизнь иностраннаго легiона.

И здѣсь, на этой нѣмецкой чужбинѣ, обезцвѣченной внѣшней культурою мѣщански-эгоистическихъ удобствъ, — прекраснымъ героическимъ видѣнiемъ, картина за картиною, вставала кровавая экзотика... Мчались въ своихъ бѣлыхъ розовѣющихъ на солнцѣ бурнусахъ бронзовые, романтическiе бедуины средь раскаленной пустыни... Скопище мадагаскарскихъ туземцевъ съ гигантскими луками. Тучи стрѣлъ. Горсточка затерявшихся легiонеровъ... Влажныя

вѣки томныхъ марокксскихъ дѣвушекъ, ихъ смуглыя точеныя руки... И много еще интереснаго, волнующаго, какъ въ фантастическомъ романѣ, — хотя это была сама жизнь...

А потомъ эти утомленные солдаты, изголодавшіеся по кровати съ чистымъ бѣльемъ, по удовольствію снять сапоги, уснули безмятежно и крѣпко на тѣхъ самыхъ перинахъ, гдѣ только еще минувшей ночью храпѣли, пропахшіе дешевыми сигарами и налитые пивомъ, добрые нѣмецкіе бюргеры со своими фрау Амальхенъ.

5.

Въ мѣсяцъ какой-нибудь Троссэ успѣлъ создать вокругъ себя легенду.

Съ крохотнымъ отрядомъ своей «иррегулярной кавалеріи», старый африканскій солдатъ творилъ чудеса. Эта кучка всадниковъ отбивала непріятельскіе обозы, колошматила въ пухъ и въ перья большіе разъѣзды; безшумно подползая ночью, вырѣзывала патрули, вѣшала вольныхъ стрѣлковъ, схваченныхъ съ браунигомъ въ пиджачномъ карманѣ, устраивала засады и съ безумной отвагою, средь бѣла дня, проникала въ мѣстечки и города, занятые пруссаками. Благодаря своимъ шпіонамъ нѣмцы знали, кто именно этотъ страшный, неуловимый партизанъ, сваливающійся какъ снѣгъ на голову тамъ, гдѣ его менѣе всего ждутъ. Знали, что это Габріэль Троссэ, эльзасецъ, прусскій дезертиръ, солдатъ иностраннаго легіона, конный голубой стрѣлокъ, владѣлецъ табачнаго магазина въ Лодзи и, наконецъ, русскій гверильсъ, дѣйствующій съ гор-

стью мальчишекъ въ косматыхъ бараньихъ шапкахъ. Но эти мальчишки такъ владѣютъ саблею, словно родились вмѣстѣ съ нею.

Троссэ попалъ въ плѣнъ. Онъ вмѣстѣ со своими джигитами, это было уже въ Польшѣ, случайно напоролся на цѣлый эскадронъ пруссаковъ. Съ дикимъ гортаннымъ крикомъ врѣзались кавказскіе всадники въ непріятельскую гущу. Они крошили тяжелыхъ нѣмецкихъ кавалеристовъ, рубили имъ головы, а Гургенбековъ, пополамъ, чуть не до сѣдла разсѣкъ щеголеватаго, вырядившагося будто на парадъ, лейтенанта. Джигиты полегли, какъ одинъ, разстрѣлянные издали. Троссэ безъ сознанія свалился съ коня, раненный пулею въ голову.

Очнулся онъ въ какомъ-то сараѣ, на подстилочной соломѣ. Голова кое-какъ перевязана была тряпками. Это сдѣлали нѣмцы. И не человѣчности ради, — какая ужъ тутъ человѣчность! — а потому, что плѣнника приказано было доставить «живьемъ» къ начальнику дивизіи.

Стараго африканца томила жажда. Онъ забарабанилъ въ дверь. Къ нему вошли двое часовыхъ, держа на перевѣсъ винтовки съ плоскими, зазубренными штыками. Онъ попросилъ воды. Нѣмцы погрозили ему прикладами, расхохотались въ лицо, дохвувъ пивомъ, ушли и заперли двери.

Троссэ не тѣшилъ себя розовыми надеждами. Его часъ пробилъ. Ни на спасенье, ни на бѣгство разсчитывать нечего. Его слишкомъ ревниво стерегутъ. Онъ былъ спокоенъ. Не продешевилъ себя. Онъ одинъ отправилъ на тотъ свѣтъ больше тридцати пруссаковъ, отбилъ денежный

ящикъ съ восьмью стами тысячъ марокъ... А сколько вреда нанесъ онъ своими развѣдками?..

Габріэль Троссэ былъ спокоенъ въ своемъ полутемномъ сараѣ. Спокоенъ, несмотря на голодъ и адское желаніе пить.

Въ древнемъ бернардинскомъ монастырѣ квартировалъ дивизіонный со своимъ штабомъ. Военно-полевой судъ, вѣрнѣе комедію суда устроили, — день былъ солнечный, теплый, — на вымощенномъ гранитными плитами монастырскомъ дворѣ. Квадратный, съ мраморнымъ колодцемъ посрединѣ, дворъ окаймленъ былъ съ четырехъ сторонъ портиками, съ колоннами. Давно ли подъ этими портиками беззвучно скользили бородатыя фигуры въ коричневыхъ сюртукахъ? Теперь по гладкимъ, вѣками отполированнымъ плитамъ, стучали сапогами прусскіе солдаты.

Вынесли столъ, покрыли его синимъ сукномъ, поставили чернильницу. Изъ монастырскихъ покоевъ, сопровождаемый офицерами, вышелъ дивизіонный, высокій, худой и прямой генералъ въ каскѣ и съ подстриженными, свинцово-сѣдыми баками, — въ видѣ вопросительныхъ знаковъ тянулись онѣ отъ висковъ къ угламъ сухихъ губъ. Громадный ульмскій догъ — дивизіонный всюду таскалъ его за собою въ подражаніе Бисмарку — рѣзвясь прыгалъ передними лапами на грудь своему хозяину, обильно выстеганную ватою грудь синяго форменнаго сюртука съ орденами.

Двое часовыхъ, уланы съ обнаженными палашами, подвели къ столу плѣнника съ обвязанной головой.

Начался допросъ, хотя и безъ допроса господа судьи отлично знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и кто передъ ними. Генералъ и офицеры, съ полнымъ ненависти любопытствомъ, разглядывали Троссэ.

Плѣнникъ не слышалъ вопросовъ и не отвѣчалъ на нихъ. Онъ видѣлъ передъ собою одного человѣка и на немъ сосредоточилъ все свое вниманіе. Этотъ человѣкъ генералъ, въ одной рукѣ державшій карандашъ, другою ласкавшій чудовищную голову своего «бисмарковскаго» дога.

И молніей обожгло всего плѣнника... Это баронъ Траубенбергъ, тридцать семь лѣтъ назадъ его, Габріэля Троссэ, ударившій по лицу!.. Онъ, конечно же, онъ!.. Развѣ могутъ быть такіе глаза у другого?

И спружинившись, какъ тигръ, — никто и опомниться не успѣлъ, — бросившись на столъ, изо всей силы закатилъ генералу пощечину. Монокль выскочилъ изъ глаза и самъ баронъ Траубенбергъ, вмѣстѣ со стуломъ, опрокинулся навзничь.

Монастырскій дворъ опустѣлъ. Меланхолически кружился въ воздухѣ увядшій листъ, Богъ вѣсть откуда залетѣвшій... А въ углу двора, у колонны червонѣла на каменныхъ плитахъ густая лужа крови. Ульмскій догъ подошелъ, понюхалъ и, высунувъ шершавый и влажный языкъ свой, сталъ жадно лизать кровь... благородную, французскую кровь, стараго африканскаго солдата Габріэля Троссэ.

„САМЫЙ АРИСТОКРАТИЧЕСКІЙ ПОЛКЪ“

I.

На винокуренномъ заводѣ съѣхались становой приставъ Плисскій и помощникъ акцизнаго надзирателя баронъ Келлерманъ.

Покойный мужъ Анны Николаевны, проживъ имѣніе въ Каменецъ-Подольской губерніи, купилъ новое уже на Волыни,— Чарноставъ, бывшую усадьбу сначала разорившихся, а потомъ уже и вымершихъ графовъ Доморадскихъ.

Супругамъ очень нравился этотъ старинный фасадъ съ колоннами. Однако, несмотря на монументальность ненынѣшней кладки,— палацъ пришелъ въ запустѣніе. Облупились колонны, въ нѣкоторыхъ залахъ проваливался полъ, и опасно было ходить. Ласточки съ безбоязненной смѣлостью, какъ домой, упруго и быстро влетали въ разбитое слуховое окно, полукругомъ зіявшее въ треугольникѣ главнаго портика, и, покружившись въ голыхъ и неуютныхъ комнатахъ,— прочь назадъ скорѣй къ теплу и солнцу.

Графскій палацъ превращенъ былъ въ винокуренный заводъ, а поодаль, на громадномъ, густо поросшемъ травою дворѣ, въ одно лѣто выросъ бѣлый двухъэтажный домъ съ электричествомъ, весь въ прямыхъ линіяхъ и глад-

кихъ ровныхъ площадяхъ, по типу барскихъ дачъ Крестовскаго и Каменнаго острововъ.

Ловицкій умеръ, отравившись рыбой въ одномъ изъ петроградскихъ ресторановъ. Анна Николаевна осталась двадцатишестилѣтней вдовой.

Она вся была изъ противорѣчій, вся лишь одно минутное настроеніе. Порою красавица, иногда же — только хорошенькая. Зависѣло отъ пустяковъ, расположенія духа, перемѣны прически.

Кирпично-красный, весь заросшій бородою и въ золотыхъ очкахъ, становой, поцѣловавъ маленькую ручку, блѣдную и теплую, отчеканилъ хрипло:

— Мы къ вамъ по долгу службы, глубокоуважаемая Анна Николаевна...

— И по весьма непріятному, — съ церемонно-учтивымъ поклономъ добавилъ помощникъ надзирателя, щеголь въ бѣломъ кителѣ и въ форменныхъ панталонахъ бутылочнаго цвѣта съ синимъ кантомъ.

— А что такое? — лѣниво и безъ всякаго любопытства спросила помѣщица.

Становой откашлялся, словно готовясь произнести рѣчь, да онъ и произнесъ ее:

— Глубокоуважаемая Анна Николаевна, мы — наканунѣ великихъ событій... Время переживаемое нами, — весьма серьезное время. Объявлена мобилизація, вся армія, весь народъ встаетъ на защиту святого славянскаго дѣла... Опытъ японской войны показалъ, что алкоголь дурной совѣтчикъ и другъ русскому воину. Я не знаю, извѣстно ли вамъ, что всѣ винныя лавки закрыты, продажа спиртныхъ напитковъ въ бу-

фетахъ вокзаловъ, трактирахъ и гостиницахъ пріостановлена... Итакъ, мы уполномочены уничтожить весь запасъ спирта на вашемъ заводѣ, то-есть попросту вылить его, ибо этимъ, во-первыхъ, мы пресѣкаемъ самую возможность пользоваться мѣстному населенію, а, во-вторыхъ, въ виду возможности непріятельскаго нашествія, что въ силу близости границы...

— Такъ вы бы и начали съ этого... вамъ предписали вылить спиртъ, ну и выливайте!

И Плисскій, и даже корректный и считавшій хорошимъ тономъ ничему не удивляться баронъ, оба опѣшили, удивленные такимъ безкорыстіемъ. Вѣдь спирту въ подвалахъ, на худой конецъ — тысячи на двѣ!

— Когда прикажете приступить къ исполненію сей печальной необходимости?

Баронъ Келлерманъ язвительно и съ явнымъ оттѣнкомъ презрѣнія улыбался своими тонкими, слишкомъ сухо и опредѣленно очерченными губами. Да и весь онъ былъ сухой и опредѣленный, несмотря на свой румянецъ. Носилъ густыя и короткія баки, посрединѣ пробритыя. Ловицкая, со своей подчасъ рѣзкой прямотою избалованной женщины, которой все сойдетъ, отъ поклонниковъ въ особенности, а всѣ ее окружавшіе мужчины были ея поклонниками, — однажды сказала:

— Знаете, у васъ удивительно характерное лицо.

Акцизный чиновникъ насторожился, по самовлюбленности натуры своей ожидая что-нибудь лестное. Но вторая половина фразы уже менѣе понравилась ему.

— Да, характерное... Я не могу вообразить болѣе удачнаго грима для молодого карьериста-чиновника.

Анна Николаевна любила пикироваться съ Гуго Рудольфовичемъ. Онъ раздражалъ ее своею влюбленностью, искренней или кажущейся — не все ли равно?

2.

— Нельзя ли меня избавить отъ этой церемоніи, тамъ вѣдь у васъ и Францъ Алексѣевичъ, и Янкель Духовный, пусть они...

— Необходимо ваше присутствіе.

Вся въ бѣломъ, Анна Николаевна походила на дѣвушку, — такой моложавостью вѣяло и отъ фигуры ея, тонкой и гибкой, и отъ нѣжнаго лица съ темными глазами, блескъ которыхъ былъ удивительно мягкій. Анна Николаевна шла черезъ обширный дворъ, какъ лугъ, поросшій травою. За нею становой и баронъ, а за ними — бѣлокурая и свѣженькая горничная Стася.

Вотъ и заводъ, угрюмый, съ облупившейся штукатуркой, давно не мытыми окнами, съ печатью запустѣнія во всемъ, и, несмотря на это, или, вѣрнѣе, именно потому, величавый, весь въ минувшемъ, поэтическій, грустный. Когда-то вся магнатская Волынь съѣзжалась подъ этими портиками на пиры и банкеты, тянувшіеся недѣлями. На хорахъ гремѣлъ свой оркестръ и въ большомъ залѣ до упаду отплясывали красиво и съ огненной лихостью, какъ только умѣютъ поляки, «бялего мазура».

Изъ подваловъ, гдѣ раньше вѣками вылеживались пыльныя, мохомъ поросшія бутылки

съ густымъ, какъ масло, венгерскимъ и крѣпкимъ медомъ, способнымъ кого угодно лишить языка и ногъ, выкатывались теперь бочки съ плебейскимъ спиртомъ.

Францъ Алексѣевичъ Этцель, въ короткомъ синемъ пиджачкѣ, съ впалымъ животомъ, человѣкъ неопредѣленнаго возраста и необычайной худобы, являлъ собой нѣчто среднее между Мефистофелемъ и Донъ-Кихотомъ, что не мѣшало ему быть скорѣе блондиномъ, чѣмъ брюнетомъ. Свѣтлые волосы его и усы, — подбородокъ онъ брилъ, — какъ-то бѣлесо, линюче сѣдѣли. Говорилъ онъ чуть слышно. Австрійскій нѣмецъ, онъ давно, очень давно служилъ у себя на родинѣ въ пограничной стражѣ. Какъ-то глухой ночью преслѣдуемый Этцелемъ контрабандистъ полоснулъ его ножомъ по горлу. Этцель чуть не умеръ, долго отлеживался. Шрамъ остался навсегда и пропалъ голосъ. Съ тѣхъ поръ, вмѣсто человѣческой рѣчи, — скрипучій, какой-то чуть слышный шелестъ.

Этцель уѣхалъ въ Россію, перешелъ въ русское подданство и спеціализировался въ дѣлѣ винокуренія.

Блѣдными безкровными губами Этцель жевалъ окурокъ сигары. Онъ былъ немыслимъ безъ этого, цѣлый день перегоняемаго изъ одного угла рта въ другой, окурка. Холодные, свѣтлые, уже выцвѣтающіе глаза попытались блеснуть привѣтливо. Этцель, снявъ котелокъ, склонился къ рукѣ своей хозяйки. Аннѣ Николаевнѣ почудилось, что ее клюнула какая-то недобрая, хищная птица. Этцель заговорилъ на «своемъ собственномъ» русско-польско-нѣмецкомъ жаргонѣ.

— Можно зачинать? — спросилъ винокуръ, онъ же и подвальный, Янкель Духовный, блѣдный еврей, съ громадной, черной бородой, въ люстриновомъ, ниже колѣнъ сюртукѣ.

Рабочіе съ серьезными, сосредоточенными лицами открыли краны высокихъ, въ ростъ человѣческій, бочекъ. Спиртъ, серебрящейся на солнцѣ, струей поливалъ траву.

— А теперь завтракать, ѣсть хочется, скоро двѣнадцать, — взглянувъ на часы-браслетку сказала Анна Николаевна.

Къ столу кромѣ Плисскаго и барона, приглашенъ былъ и Францъ Алексѣевичъ. Анна Николаевна ничего не ѣла. Завтракъ вкусный: дикая утка въ сладкомъ соусѣ, гренки въ зеленомъ шпинатѣ и компотъ изъ собственныхъ грушъ.

— Вы же хотѣли ѣсть? — съ мягкой заботливой укоризною влюбленнаго замѣтилъ баронъ.

— Хотѣла, а теперь не хочу.

Зато Плисскій проявилъ аппетитъ отмѣнный. Кости хрустѣли на его зубахъ, онъ мощно перемалывалъ ихъ, и его борода ходуномъ ходила въ движеніи.

Къ крыльцу, звеня особыми чиновничьими колокольчиками, подкатили двѣ брички: новая, желтенькая, и другая попроще, затрапезная, исколесившая немало на своемъ вѣку и въ погоду и въ непогодь. Первая — Келлермана, вторая — Плисскаго.

Прощаясь, баронъ улучилъ минутку остаться съ Анной Николаевной съ глазу на глазъ.

— Черезъ недѣлю я пріѣду ревизовать книги. Мнѣ надо будетъ поговорить съ вами объ одномъ, очень важномъ предметѣ.

— Важномъ для кого: для меня, или васъ?

— Для... для насъ обоихъ...

— Даже? Вотъ не думала о существованіи такихъ «предметовъ», — пожала плечами Анна Николаевна, — ладно поговоримъ, я никуда не собираюсь и вѣроятно буду...

3.

Объявленіе войны Ловицкая встрѣтила спокойно.

— Уѣзжайте, бѣгите! — совѣтовалъ Гарновскій, спѣшно покидавшій свое имѣніе.

— Зачѣмъ и куда? Вѣдь мнѣ же ничего не сдѣлаютъ, а я рѣшила провести здѣсь все лѣто до сентября.

— Мало ли что можетъ случиться... Молодая одинокая женщина...

— Но вѣдь не дикари же, не варвары, не павіаны поголовные эти австрійцы, надѣюсь?

Винокуръ Янкель Духовный предлагалъ то же самое.

— Нехай ваша ясновельможность ѣдетъ себѣ до Житомира, до Петрограда, чи до Москвы — такъ будетъ лучше, ей-Богу!

Въ душѣ Анны Николаевны дрогнуло какое-то сомнѣніе. Что-бъ разсѣять его, — Ловицкой до смерти не хотѣлось покидать Черноставъ, — она обратилась къ Этцелю:

— Ну вотъ вы, Францъ Алексѣевичъ, вы сами бывшій австрійскій офицеръ, скажите, — можно опасаться насилія... грабежа?

Этцель съ усмѣшкою, блестя своими выцвѣтшими глазами, покачалъ головой, и тонень-

кій, откуда-то извнутри, голосокъ сипло и тихо зашелестѣлъ:

— Але то глупство, австрійскій и унгарскій офицеръ — это джентльменъ до конца ногтя, блаубенъ зи руихъ! Оставайтесь спокойны, ни одни волосъ не спадне... Аристократы, бароны, графы... война есть война, алежъ это рыцари!..

Анна Николаевна успокоилась, но ненадолго. Утромъ Стася, розовая какъ холеный, молокомъ вспоенный поросеночекъ, доложила, что пришелъ Максимъ Недбай.

Максимъ Недбай, плечистый мужикъ съ густой щетиною волосъ, зачесанныхъ на лобъ до самыхъ бровей, былъ охотникъ, рыболовъ, вѣчный бродяга и, какъ всѣ кругомъ говорили, контрабандистъ. Отъ скитаній по болотамъ его постолы (кожаныя лапти) всегда были мокрыя, и отъ него пахло какими-то лѣсными травами, сыростью заводей поросшаго густыми камышами пруда и кровью убитой дичи. Всюду его видѣли съ пистонной двустволкой за плечами. Вотъ и сейчасъ, покашливая, съ ноги на ногу переминаясь, въ желтой, съ громаднымъ трюмо въ плоской рамѣ, передней, онъ держалъ эту двустволку съ обмызганной веревочкою вмѣсто ремня.

Анна Николаевна любила разговаривать съ нимъ. У другихъ мужиковъ только и было нудныхъ рѣчей объ урожаѣ, о землѣ, о томъ, что трудно жить, о хлѣбѣ. Максимъ никогда не жаловался. Онъ приносилъ утокъ, бекасовъ и дупелей, которыхъ билъ на болотахъ и на громадномъ тридцативерстномъ въ длину прудѣ,

бороздя ею въ своей душегубкѣ. И всегда онъ разсказывалъ что-нибудь любопытное. Можетъ быть и привиралъ, но выходило интересно. То ему попадалась какая-то «ласка», или такъ зовутъ ее на Волыни — пырныкоза, величиною съ добраго откормленнаго индюка. Онъ ее застрѣлилъ, но угораздило же ее, проклятую, упасть въ камышиную гущу, и нельзя было найти хоть ты тутъ пополамъ тресни!.. Повстрѣчалась ему разъ въ лѣсу не то дикая кошка, не то Богъ знаетъ что съ перепончатыми крыльями. Только приложился, а ея и слѣдъ простылъ. Но крылья видѣлъ собственными глазами...

Однажды Максимъ всадилъ добрый зарядъ утиной дроби австрійскому пограничнику, пытавшемуся отнять у него ружье, ибо онъ перешелъ уже на швабскую сторону. Это была правда, такъ какъ между австрійскимъ комиссаромъ и становымъ Плисскимъ возникла по поводу раненаго солдата цѣлая переписка.

Недбай кашлянулъ, погладивъ коричневыми, узловатыми пальцами густую каштановую бороду и зоркими охотничьими глазами осмотрѣлся:

— А чи тутъ никого нэма?

— Узналъ что-нибудь? Австрійцы идутъ?

— Придутъ! Въ Красноселкѣ позавчера нашъ русскій шкадронъ ночевалъ, я тамъ у кума былъ и на другой день остался у кума, а на ночь пѣшки сюда вернулся. И бачу — якойсь огонь надъ заводомъ, тамъ кто-то въ рукѣ держитъ ни бы то факелъ, ни бы хфонарь и кружить имъ. Покружить и перестанеть, зновъ кружить... Я тихонько все ближе, ближе, крадучись по под-

стѣнками, эге, та это Францъ Лексѣичъ, и стоитъ на крышѣ какъ бѣсъ худой и все кружитъ!

— Ничего не понимаю!

— Я то жъ добре понялъ, — съ сознаніемъ собственнаго превосходства мужчины и охотника надъ бабой, молвилъ Максимъ, — думаетъ пани спроста швабъ всталъ среди ночи да полѣзъ на крышу? Знаки даетъ! Своя же кровь, швабская, знаки даетъ, что нашъ русскій шкадронъ уѣхалъ, то они, австріяки, могутъ къ намъ долазить. Они нашъ хлѣбъ ѣдятъ, такъ они нашу сторону держатъ — черта съ два! Ихъ нарочно швабы посылаютъ сюда на границу, чтобы своихъ людей имѣть, охъ если-бъ моя воля всѣхъ бы этихъ колонистовъ вырѣзалъ! Что ни колонистъ, — гнѣздо гадючее!

— Какъ же быть?

— А такъ! Вы, паночка, не давайте виду этой швабской мордѣ, что знаете, какъ онъ махалъ огнемъ, а я что-нибудь придумаю, нехай приходятъ, большого войска не пришлютъ, самое большое будетъ шкадронъ, нехай приходятъ на свою же голову, мы имъ дадимъ рады!

Анна Николаевна, хотя и смущенная, — холодкомъ ее всю такъ и обвѣяло, — угадала, что Максимъ единственный отважный и смѣтливый человѣкъ въ усадьбѣ, на котораго она можетъ надѣяться. Правда, болѣе удобный выходъ — уѣхать совсѣмъ изъ Чарностава, но какой-то непонятный, противорѣчивый капризъ мѣшалъ бѣжать. Было и страшно и жутко, и одновременно какое-то волнующее любопытство нашептывало: «остаться»...

4.

Днемъ, въ пятомъ часу, подкатила звеня колокольчикомъ желтая бричка. Дворняги съ лаемъ бросились къ ней. Баронъ Келлерманъ выглядѣлъ накрахмаленнѣй и щеголеватѣй обыкновеннаго. Китель сверкалъ бѣлизною, подбородокъ былъ пробитъ до глянца между бюрократическими баками.

— Пани наша у саду, — объявила Стася, ухмыляясь.

Келлерманъ прошелъ черезъ столовую, гостиную, еще одну комнату безъ опредѣленнаго названія и очутился на верандѣ. Прямо уходила липовая аллея. Въ глубинѣ, на скамейкѣ сидѣла съ книгою Анна Николаевна.

— Что вы читаете?

Она протянула ему книгу.

— Вы знаете, что со дня на день могутъ нагрянуть сюда австрійцы.

— А вы бы уѣхали... Впрочемъ, это культурная нація, и, я увѣренъ, они будутъ строго лойяльны.

— Культура, лойальность, но, вѣдь, сама по себѣ война что-то дикое и чудовищное... пойдемте отсюда... я хочу движенія, сегодня, кажется, будто свѣжо, видите какое солнце оранжевое...

Они обошли домъ, пересѣкли дворъ и очутились у воротъ.

Спускался пологій пригорокъ, переходившій въ плотину. Съ одной стороны плотины, — въ распутицу ее покрывала вода, — начинался прудъ, изъ-за котораго и все имѣніе названо было Чар-

ноставъ. Вода въ прудѣ совсѣмъ не была похожа на прѣсную, — такой отливала чернотою. Высоко, надъ камышами, треугольникомъ носились, крякая пронзительно и сухо, стаи дикихъ утокъ.

Къ другой сторонѣ плотины подступало болото. Съ виду, самое обыкновенное, много-много по колѣно глубиною, болото. На протяженіи версты уходили къ сосновому лѣсу зеленыя влажныя кочки, средь темнокрасной обильной желѣзомъ водицы. Обманчиво было первое впечатлѣніе этого предательскаго, засасывающаго болота, бездоннаго и страшнаго, — какихъ немало въ юго-западномъ краѣ. Случалось, гибли въ немъ безъ слѣда отбившіеся отъ стада коровы, лошади. На деревнѣ, тамъ и сямъ бѣлыми хатами раскинувшейся за плотиной, знали грѣшныя человѣческія души, убійственно засосанныя проклятымъ болотомъ. Бабы, отправляясь за грибами, или за ягодами въ лѣсъ, дугою обходили болото за много верстъ. Лишь носатые журавли, да аисты, прыгавшіе длинными, красными ногами съ кочки на кочку, оживляли мертвую поверхность болота.

Вѣтерокъ, петлистой рябью сверкающей на солнцѣ, вздувалъ гладкую, какъ черное зеркало воду, протяжнымъ шелестомъ гудѣлъ въ камышахъ и трепалъ выбившійся у блѣднаго виска локонъ. Въ модной прическѣ, Ловицкая не напоминала сейчасъ дѣвушку, какъ въ дни гладкой прически. Теперь тяжелая каска волосъ измѣнила все лицо и даже тонкая фигура чудилась въ другихъ линіяхъ.

Анна Николаевна оглянулась на крышу завода съ нѣсколькими уступами и бѣлыми за-

копченными разныхъ величинъ трубами. Ночью, возлѣ одной изъ этихъ трубъ, худой и зловѣщій... Что у него было, фонарь или факелъ? И думая вслухъ она повторила:

— Фонарь или факелъ?

— Pardon?

— Ничего.

Навстрѣчу шла красивая яркой восточной красотою дѣвушка съ гладкими начесами темно-синихъ волосъ и свѣжимъ румянцемъ щекъ. Поровнявшись, дѣвушка, опустивъ рѣсницы большихъ черныхъ глазъ, прошептала:

— День добры, пани.

— Здравствуйте Велля.

— Это Велля, дочь винокура. Въ ней что-то библейское, не то Эсфирь, не то Юдифь, и если-бъ я умѣла рисовать...

— Анна Николаевна, я долго собирался съ духомъ, я люблю васъ и предлагаю руку и сердце. Я все обдумалъ, я красивъ, молодъ, у меня титулъ, впереди карьера, черезъ два года я надзиратель, черезъ пять ревизоръ и черезъ десять управляющій акцизными сборами.

— Смотрите, до чего онъ быстро... Этотъ Максимъ...

Узенькій челнъ летѣлъ по зыблящейся глади пруда. Максимъ, стоя посрединѣ душегубки, гребъ тонкимъ и гибкимъ весломъ. Челнъ съ размаху ударился острымъ носомъ о берегъ. Максимъ, не теряя равновѣсія, схватилъ ружье и выпрыгнулъ на землю, весь забрызганный водою.

— Швабы, цѣлый шкадронъ, за полчаса будутъ у Чарностави!

— Что-жъ это будетъ, что-жъ это будетъ? — блѣднѣя, спрашивалъ Келлерманъ, — положимъ я нѣмецъ, и фамилія моя нѣмецкая, но вѣдь я должностное лицо. Они могутъ объявить меня военноплѣннымъ... Это ужасно!

Онъ озирался, безпомощно ломая руки. Его благовоспитанное лицо искривилось гримасою отчаянія.

— Что-жъ это будетъ? Вамъ хорошо, вы женщина, надо скорѣе уѣзжать. Ахъ, если-бъ успѣть!

И Келлерманъ, даже не простившись съ Анной Николаевной, со всѣхъ ногъ бросился къ усадьбѣ...

Максимъ стрѣлялъ на прудѣ утокъ недалеко отъ берега, хитрыми излучинами подошедшаго къ полю. Онъ увидѣлъ своимъ охотничьимъ глазомъ подвигающійся въ облакѣ пыли отрядъ конницы. Дорогой, петлями змѣившейся межъ полей, до Чарностава было около восьми верстъ.

Смутно думая, соображая, стояла Анна Николаевна и не было силъ, рѣшимости двинуться съ мѣста.

— Неужели надвигается что-то грозное, невѣдомое, неужели? Сейчасъ, когда небо такъ ясно, такъ нѣжно грѣетъ вечернее солнце и низко надъ плотиною, шелестя острыми крыльями, пронеслись неровнымъ треугольникомъ утки? Все такъ же спокойно, безмятежно какъ всегда. И почему-то именно сейчасъ вспомнилось Аннѣ Николаевнѣ, — птицы потому летятъ треугольникомъ, что такъ имъ легче разсѣкать воздухъ. Это ей объяснялъ Максимъ

5.

Анна Николаевна сидѣла у себя въ будуарѣ, прислушиваясь къ чему-то, затихшая, ожидающая, а сомнѣнія хаосомъ опережали другъ друга. То ей казалось непоправимымъ это рѣшеніе остаться, хотя даже теперь еще не поздно взять деньги, кое-какія драгоцѣнности и, въ чемъ есть, поспѣшить въ садъ. Тамъ въ концѣ аллеи свернуть въ право и черезъ калитку, мужицкая подвода и...

Шумъ шаговъ, идутъ двое, торопливо черезъ двѣ комнаты. И еще шумъ, другой, чьи-то голоса, какія-то приказанія на совсѣмъ невѣдомомъ языкѣ. Это несется со двора въ открытое окно, несется первымъ предостереженіемъ... Теперь уже поздно, всякое отступленіе отрѣзано, она не успѣла бы вынуть деньги изъ стариннаго, на тоненькихъ ножкахъ секретаря-жакобъ. А брильянты хранятся въ материнской шкатулкѣ съ перламутровыми инкрустаціями, шкатулка въ спальнѣ, въ глубинѣ приземистаго комода краснаго дерева...

Францъ Алексѣевичъ и панъ Свенторжецкій. Этцель спокоенъ, только по обыкновенію глаза блестятъ, выцвѣтшіе и холодные. На Свенторжецкомъ лица нѣтъ, и вмѣстѣ съ нижней челюстью дрожитъ эспаньолка.

— Мадьярскіе гусары пришли, офицеры хотятъ представиться вамъ, — началъ, растерянно жестикулируя, Свенторжецкій.

— Я не хочу никого видѣть, никого, — капризно ударила маленькимъ блѣднымъ кулачкомъ по столу Анна Николаевна, — зачѣмъ? Накормите ихъ, дайте, ну овса что ли лошадямъ.

— Такъ не можно, — съ язвительною улыбкою перебилъ Францъ Алексѣевичъ, — то есть самы аристократичны региментъ, официренъ, все графы и бароны, такъ не можно...

Анну Николаевну схватила черная злоба противъ этого, чуть слышно шелестящаго своимъ противнымъ голосомъ человѣка. И она гнѣвно бросила ему:

— Это имъ вы сигнализировали съ крыши, за то, что самый аристократическій полкъ?

Этцель съежился весь и метнулъ въ помѣщицу такой взглядъ, — она угадала чутьемъ, что этотъ человѣкъ способенъ на все и такъ же полоснетъ ее ножомъ по горлу, какъ двадцать лѣтъ назадъ его самаго чуть не зарѣзалъ контрабандистъ.

— Зовите ихъ, — молвила она упавшимъ голосомъ. Сама не узнала своихъ грудныхъ нотъ.

Четыре гусарскихъ офицера въ темносинихъ, отороченныхъ мѣхомъ, не по войнѣ, парадныхъ и не по сезону теплыхъ, венгеркахъ и въ сургучнаго цвѣта рейтузахъ, придерживая лѣвымъ локтемъ гнутые эфесы длинныхъ сабель, щелкая шпорами представились:

— Графъ Этчевери...

— Графъ Чакки...

— Баронъ Ласло...

— Графъ Клечэ...

У Анны Николаевны отлегло. Всѣ они корректны, воспитанны, отлично держатся, говорятъ по-французски. Страхи, къ счастью, оказались пугаломъ собственной фантазіи. Она овладѣла собой, превратившись опять въ женщину, знающую свѣтъ и людей, какой она была въ своей петроградской гостиной.

Ротмистръ, командиръ эскадрона, графъ Чакки, средняго роста, смуглый скуластый брюнетъ съ тараканьими усами. Остальная молодежь, — лейтенанты. Баронъ Ласло бѣлобрысъ, худъ, скорѣй пруссакъ, чѣмъ венгерецъ. Графъ Клечэ красивый, бритый съ опредѣленными южными чертами лица и англійскимъ проборомъ черезъ всю голову. Этчевери плотенъ, грузенъ, монументаленъ и, если-бъ не черные зубы, молодецъ хоть куда!

Не «завоеватели», а сосѣди, навѣстившіе интересную помѣщицу.

Графъ Клечэ, искусно владѣя моноклемъ, подхватывая круглое безъ ободка стеклышко на-лету орбитой твердо угнѣздившагося птичьяго глаза, восхищался:

— Оказывается ваша Волынь, pardon теперь она будетъ нашей, живописный край, не уступающій Карпатамъ!

— Этотъ громадный прудъ въ камышахъ, — подхватилъ шевеля усами графъ Чакки, — утокъ тьма, и мы, съ разрѣшенія нашей очаровательной хозяйки...

Ей было смѣшно и странно. Комедія это — или порядочность? Вѣдь они могутъ дѣлать здѣсь, что имъ угодно; все въ ихъ власти.

Она спросила:

— Зачѣмъ эта война, вѣдь это же одинъ сплошной кошмаръ?

— Увы, Россія слишкомъ горячо вступилась за Сербію.

— Но Сербія, вѣдь она же такая маленькая, это все равно, что взрослый человѣкъ начнетъ борьбу съ ребенкомъ.

— Что дѣлать, — склонилъ голову графъ Чакки, — и маленькихъ дѣтей, дурно воспитанныхъ, принято наказывать. А Сербія все время держала себя по отношенію къ Австро-Венгріи вызывающе, наше терпѣніе истощалось и мы сотремъ ее съ лица земли.

— У васъ очень красивая форма, — замѣтила Анна Николаевна, мало интересовавшаяся судьбою Сербіи.

Офицеры самодовольно переглянулись.

— Мы не признаемъ никакихъ защитныхъ цвѣтовъ, — сказалъ графъ Клечэ, — мы по старой традиціи идемъ на войну какъ на праздникъ, пусть врагъ видитъ насъ издалека. Madame, право, наша форма очень красивая. Это первый гусарскій полкъ венгерской короны, самый аристократическій во всемъ королевствѣ, попасть въ него такъ же трудно, какъ живымъ на небо. Вакансій мало, а желающихъ много, принимаютъ съ самымъ тщательнымъ разборомъ, кандидатъ обязанъ документами установить свое трехсотлѣтнее дворянство.

Графъ Чакки всталъ, за нимъ и молодежь.

— Мы на время откланяемся, благодаря любезности господина Этцеля, мы успѣли привести себя въ порядокъ, а теперь надо позаботиться о нашихъ людяхъ. Надѣюсь, madame не откажетъ намъ, проголодавшимся солдатамъ, въ скромномъ обѣдѣ?

— И сама украситъ его своимъ присутствіемъ, — подхватилъ графъ Клечэ, вынимая изъ глаза монокль.

— Русскіе знамениты на всю Европу своимъ хлѣбосольствомъ, въ сущности только и есть двѣ хлѣбосольныхъ націи, это русскіе и вен-

герцы, — замѣтилъ вытягиваясь бѣлобрысый баронъ Ласло.

Четыре офицера вышли, придерживая лѣвымъ локтемъ эфесы. Анна Николаевна, обѣдавшая по-городски, въ восьмомъ часу, пригласила ихъ къ своему столу.

— Это, пожалуй, непатріотично, — мелькнуло у нея, — но вѣдь они могли бы потребовать обѣдъ силой, и если-бъ она вздумала протестовать... Слава Богу, что все такъ хорошо, никакихъ страховъ, ужасовъ. А они милые, пустые внѣшніе, но есть лоскъ и умѣнье держать себя въ гостиной.

6.

Усадебный дворъ оживился.

Мадьяры въ своей, напоминающей балетныхъ гусаръ формѣ и въ красныхъ головныхъ уборахъ, водившіе въ поводу разсѣдланныхъ крѣпкихъ венгерскихъ лошадей, такихъ плотныхъ въ тѣлѣ, холеныхъ, еще не успѣвшихъ исхудать на походахъ и на безкормицѣ, — сообщали что-то лагерное, воинственное этой зеленой лужайкѣ передъ бѣлымъ барскимъ домомъ. И у людей, загорѣлыхъ, скуластыхъ, былъ хорошій свѣжій видъ. Если-бъ не пыль, густымъ налетомъ покрывавшая лицо, можно было бы подумать, что весь эскадронъ прибылъ въ Чарноставъ прямо съ параднаго смотра.

Этцель, жуя своими безкровными губами окурокъ сигары, черезчуръ охотно исполнялъ обязанности квартирьера. Приказалъ кучеру Анны Николаевны открыть громадныя каменныя конюшни въ глубинѣ двора, гдѣ можно было размѣстить весь конскій составъ.

— Что же касается солдатъ, — говорилъ графъ Чакки по-венгерски Этцелю, — теперь ночи теплыя, пусть спятъ на дворѣ — всѣмъ эскадрономъ. И къ лошадямъ ближе, и въ случаѣ тревоги... Кстати, Этцель, вы увѣрены, что поблизости нѣтъ казаковъ?

— Я же вамъ говорилъ, графъ, третьяго дня въ окрестностяхъ былъ эскадронъ уланъ, и они ушли въ Дубно, а теперь на шестьдесятъ верстъ по радiусу отсюда не наберется и нѣсколькихъ русскихъ солдатъ. Въ стратегическомъ отношенiи эта мѣстность ихъ нисколько не интересуетъ, они всѣ свои силы двинули къ Люблину.

— Это хорошо, — согласился графъ Чакки, — значитъ нечего опасаться... ну, а какъ у васъ насчетъ прекраснаго пола?

Этцель чуть слышно, скрипуче засмѣялся гаденькимъ смѣхомъ.

— Выборъ есть. Во-первыхъ, сама хозяйка дома — женщина весьма интересная, затѣмъ тутъ еще у меня жидъ-винокуръ, дочка у него заглядѣнье! И потомъ среди бабъ и дѣвокъ... Словомъ, выборъ хоть куда.

— Овса много у васъ? — вспомнилъ вдругъ ротмистръ, что онъ образцовый эскадронный командиръ и, слѣдовательно, хозяйственныя заботы — прежде всего.

Францъ Алексѣевичъ развелъ руками.

— Вотъ этимъ, къ сожалѣнiю, мы похвастать не можемъ, овса пустяки самые, но почему непремѣнно овесъ? мы имѣемъ большой запасъ ячменя.

— Вотъ и прекрасно, позаботтесь.

Ловицкая переодѣвалась къ обѣду съ помощью Стаси. За дверью послышался взволнованный, умоляющій голосъ пана Свенторжецкаго.

— На милость Бога!..

— Я сейчасъ, подождите минутку...

Анна Николаевна вышла помолодѣвшая, въ скромномъ и гладкомъ темнозеленомъ платьѣ, закрывавшемъ наглухо ея бѣлую гибкую, красивыхъ линій шею. Это было умышленно. Строгость туалета до нѣкоторой степени — броня отъ всякихъ ухаживаній со стороны этихъ непрошенныхъ гостей. Она все еще была подъ впечатлѣніемъ своего неудачнаго, разбитаго романа въ Петроградѣ. За тишиной и покоемъ она и уѣхала сюда въ эту волынскую глушь.

— Что случилось, панъ Свенторжецкій?

— Але то, проше пани, разбой на большой дорогѣ! Этотъ лайдакъ Этцель кормитъ унгарскихъ коней ячменемъ, а когда я сказалъ, что я здѣсь хозяинъ и не позволялъ, то онъ мнѣ обѣщалъ, что венгри меня забіютъ.

Ловицкая нахмурилась, бѣлый чистый лобъ пересѣкся дѣловой, озабоченной складкой.

— Это въ самомъ дѣлѣ безобразіе! Ячмень слишкомъ дорогой кормъ не только для непріятельскихъ, но и для своихъ собственныхъ лошадей, я вышвырну вонъ Этцеля, а пока... Кто у нихъ главный? Этотъ съ усами? Я ему скажу за обѣдомъ... приходите и вы, но только ради Бога не въ этомъ измятомъ пиджачкѣ. Этцеля я не позову къ столу, австрійскій шпіонъ, онъ имъ сигнализировалъ, вы это знаете?

— Я все на него повѣрю, проше пани, это самый послѣдній галганъ!

Вышколенная въ Петроградѣ Стася съ помощью бывшей у нея на побѣгушкахъ дивчины, сервировала на славу обѣденный столъ. Букетъ молочныхъ электрическихъ лампочекъ освѣщалъ сверху бѣлоснѣжную скатерть, симметрично разставленные приборы съ твердыми, какъ рогатыя, кардинальскія шапки, салфетками. Сверкали серебро и хрусталь. По концамъ стола группировались бутылки съ бѣлымъ и краснымъ виномъ, старкой и всевозможными, домашняго приготовленія, наливками. А что-бъ окончательно поразить гостей, Стася, по собственному почину добыла изъ погреба двѣ приземистыя, запыленныя бутылки стараго венгерскаго.

Голодные гусары облѣпили столикъ съ закусками. Сардины, маринованные грибы, сыръ, масло, редиска, — все это уничтожалось, усерднѣй, чѣмъ слѣдовало бы, запиваясь очищенной, зубровкой и разными другими настойками, оцѣненными по достоинству офицерами «самаго аристократическаго полка» венгерской короны. И когда сѣли къ столу, они были куда развязнѣй и въ своихъ рѣчахъ и движеніяхъ, чѣмъ въ будуарѣ хозяйки. У всѣхъ блестѣли глаза и даже бѣлобрысый и безкровный баронъ Ласло весь пылалъ румянцемъ.

Панъ Свенторжецкій сидѣлъ по лѣвую руку Анны Николаевны. Онъ успѣлъ переодѣться въ черную визитку и видъ у него былъ весьма благопристойный. Онъ молчалъ, опустивъ глаза въ свой приборъ, и только вздрагивавшая эспаньолка выдавала его состояніе.

Воспитанности венгерскихъ гусаръ не надолго хватило. Они какъ-то незамѣтно успѣли напиться, и въ смѣси водокъ, наливокъ и винъ

растаялъ ихъ внѣшній лоскъ... А главное, къ чему себя сдерживать и передъ кѣмъ притворяться? Вѣдь, они завоеватели. Одинъ изъ этихъ «завоевателей» графъ Чакки такъ больно и грубо ущипнулъ Стасю, державшую передъ нимъ блюдо съ плавающими въ сметанномъ соусѣ дупелями, что горничная, вскрикнувъ и вспыхнувъ, уронила блюдо...

Анна Николаевна, отшвырнувъ салфетку, поднялась гнѣвная и, бросивъ гостямъ:

«Вы не умѣете держать себя въ обществѣ, это не на кухнѣ и не въ казармѣ»,—

вышла изъ столовой, вся въ слезахъ оскорбленія и обиды.

Вслѣдъ за нею демонстративно покинулъ столъ и панъ Свенторжецкій. Офицеры весело хохотали. Смѣхъ, не предвѣщавшій ничего хорошаго. Носками своихъ лакированныхъ гусарскихъ сапогъ съ кокардами, они расшвыривали по полу дичь вмѣстѣ съ осколками разбитаго блюда.

Стася скрылась. Обѣдъ былъ прерванъ. Офицеры остались безъ цвѣтной капусты и сладкаго. Но они были сыты, а шеренга выстроившихся передъ ними бутылокъ представляла собою уголъ непочатый удовольствія.

Анна Николаевна заперлась у себя въ спальнѣ. Похолодѣвшая, чувствуя съ ужасомъ, что теперь только «начинается»... Все рисовалось тревожно, мрачно, отвратительно. А впереди — ночь, пугающая, безъ конца краю. Спальня въ первомъ этажѣ, и слава Богу, можно въ окно и бѣжать... Ахъ, зачѣмъ она не сдѣлала этого раньше!.. Кто-бъ могъ подумать, что подъ красивыми мундирами и гром-

кими титулами, — такое оголтѣлое хамство... И вотъ она въ своей нарядной, венеціанской, бѣлаго дерева спальнѣ, одинокая, беззащитная узница... Они могутъ ворваться...

Стукъ въ окно, осторожный и длительный. Ловицкая вздрогнула... Темно. Анна Николаевна не зажигала огня. Четко и ясно обрисовалась на фонѣ стекла бородатая голова въ теплой шапкѣ. Лицо — и знакомое, и чужое. Страхъ сдѣлалъ его чужимъ. Узловатые пальцы продолжаютъ тихо барабанить изъ вечерняго мрака...

— Максимъ! — спохватилась Анна Николаевна. И бросивъ опасливый взглядъ на дверь, — гулъ пьяныхъ голосовъ доносился изъ столовой даже сквозь цѣлую амфиладу комнатъ, — пріоткрыла окно.

— Пани, безпремѣнно утекайте, а то они зробятъ вамъ худое — швабы; у меня есть простая жиночая одежа, — сподница, свитка, хустка на голову... То я васъ проведу, только грошей съ собою возьмите. Безъ грошей не можно, — спокойно и дѣловито объяснялъ Максимъ.

— Какъ же это? Я не знаю право... — терялась Анна Николаевна... Но уже не было никакихъ колебаній. Остаться — это себя самое не жалѣющее безуміе.

Она торопливо взяла съ собою всѣ деньги, что были подъ рукою. Нѣсколько сторублевокъ, горсть золота.

Максимъ торопилъ:

— Ой, не будетъ часу, — схватятся проклятые!..

Онъ помогъ Аннѣ Николаевнѣ вылѣзать, поднявъ ее какъ ребенка сильными руками и

осторожно поставивъ на влажную, вечерней росою, траву. Межъ густыми кустами сирени, онъ повелъ ее въ глубину фруктоваго сада. Тамъ, въ темнотѣ сторожевого шалаша, пахнущаго яблоками, Анна Николаевна одѣла спидницу, бѣлую, самотканную свитку, а голову повязала платкомъ. И, хотя она вѣрила Максиму, чисто звѣриной, охотничьей сметкѣ его, но все же ее колотила дрожь и зубъ не попадалъ на зубъ...

— А если вдругъ остановятъ, встрѣтятъ? — у нихъ патрули...

— Тамъ шлендраютъ за околицей ихніе конники... проведемъ какъ-нибудь швабовъ, дурни! Опять же не рискуючи, ничего не зробишь...

На концѣ сада, упиравшагося оградою въ поле, Недбай выглянулъ за калитку. Никого, ни души. Черезъ дорогу въ густѣющихъ сумеркахъ дремала бѣлая деревенская церковь.

Максимъ потянулъ за руку Анну Николаевну.

— Ходимъ, никого немае!

Дорога шла средь бугровъ. По обѣимъ сторонамъ сжатое поле.

Максимъ шепталъ, хотя кругомъ было пусто:

— Я доведу васъ до Красноселки, а тамъ въ экономіи дадутъ и бричку и коней до Луцка...

— Они разграбятъ все, сожгутъ, эти разбойники.

— Э, не долго имъ пановать, я имъ подстрою такую штуку, если только Господь поможетъ! Попомнятъ!

Впереди изъ-за бугра навстрѣчу — два всадника.

Максимъ обнялъ свою спутницу и, пошатываясь, запѣлъ пьянымъ голосомъ:

Иш ›въ Грыць съ вечорныць...
Темненькой ночи...

Гусары крикнули „halt“, снявъ съ плеча карабины. Сухо щелкнули затворы...

7.

Офицеры кончили бражничать. Они продолжали бы, но въ бутылкахъ не оставалось ни капли. Пили безпорядочно, хулигански. Вслѣдъ за бѣлымъ и краснымъ виномъ, тянули зубровку, возвращались къ венгерскому, переходили къ наливкамъ. Сигарный дымъ застилалъ комнату и мутно горѣла въ этихъ сизыхъ облакахъ люстра.

Скатерть была залита виномъ и прожжена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Офицеры гасили объ нее свои окурки.

Вспомнили наконецъ:

— А гдѣ же хозяйка? Чортъ возьми, — это невѣжество — такъ надолго оставлять гостей... Пойдемъ, розыщемъ ее!..

Вставали не безъ труда, наваливаясь грудью на столъ, роняя посуду. Шатаясь двинулись гурьбою, волоча сабли, во внутреннія комнаты. По пути, невѣрными руками нащупывали выключатель, зажигали электричество. Уперлись, наконецъ, въ закрытую дверь.

— Она здѣсь!

— Madame, pour ouvrir la porte!

Молчаніе.

Забарабанили кулаками.

— Лучше добромъ открывайте, а то высадимъ дверь!..

Никакого отвѣта.

— Ну, чортъ съ ней, — рѣшилъ графъ Чакки, — все равно не уйдетъ... Позовемъ Этцеля, онъ обѣщалъ намъ женщинъ...

Двинулись назадъ. Графъ Клечэ уронилъ монокль. Стеклышко разбилось. Клечэ выругался по-извозчичьи.

— А, впрочемъ, у меня есть запасной...

Баронъ Ласло фальшиво напѣвалъ арію изъ «Веселой вдовы», — «Иду къ Максиму я». Остальные подхватили.

Въ гостиной висѣлъ въ рѣзной, золоченой рамѣ портретъ улана двадцатыхъ годовъ съ красивымъ, мужественнымъ лицомъ и въ рогатомъ киверѣ. Портретъ кисти Кипренскаго изображалъ дѣда Анны Николаевны, князя Мышецкаго. Въ молодыхъ, энергичныхъ глазахъ таилась какая-то странная жизнь, и это не понравилось барону Ласло. Онъ вынулъ изъ задняго кармана своихъ красныхъ рейтузъ браунингъ.

— А, русская свинья, вотъ тебѣ!..

Первая пуля вонзилась въ стѣну, вторая расщепила уголъ рамы и третья изуродовала лицо улана. Довольный баронъ опустилъ револьверъ. Гусары смѣялись.

Надѣвъ свои красные головные уборы, они вышли изъ дому.

Гдѣ-то далеко надъ лѣсомъ, тоненькимъ блѣдно-золотистымъ лезвіемъ поднимался рогъ мѣсяца.

Чакки громко крикнулъ копошившихся въ глубинѣ двора солдатъ. Двое подбѣжали къ

нему, вытянулись. Онъ приказалъ позвать Этцеля. Черезъ нѣсколько минутъ офицеры вмѣстѣ съ Этцелемъ шли къ плотинѣ. Францъ Алексѣевичъ обѣщалъ «показать» имъ Веллю. Винокуръ жилъ въ домикѣ на краю деревни. Въ окнахъ свѣтъ. Гусары и Этцель подошли ближе.

— У нихъ праздникъ, сегодня пятница, — пояснилъ своимъ скрипучимъ шопотомъ Францъ Алексѣевичъ.

Сѣмья винокура сидѣла за ужиномъ. Въ мѣдныхъ шандалахъ горѣли сальныя свѣчи. Янкель Духовный въ шелковомъ картузѣ налилъ рюмку шабасовой водки, и, пробормотавъ краткую молитву, пригубилъ. Его жена, увядшая женщина въ парикѣ, заботливо положила красавицѣ Веллѣ кусокъ рыбы на плоскую, въ цвѣточкахъ тарелку.

Велля случайно взглянула въ окно и ея черные глаза стали еще больше.

— Войдемъ! — скомандовалъ графъ Чакки.

Офицеры, стуча саблями по деревяннымъ ступенькамъ крыльца, съ шумомъ и грохотомъ ворвались въ домъ. Перепуганная семья вскочила изъ-за стола. Опрокинулись тяжелые шандалы. Графъ Клечэ схватилъ Веллю за подбородокъ.

— А, дѣйствительно, красавица!..

Велля гнѣвно сверкнувъ глазами, рванулась, пунцовая вся... Раздался пронзительный крикъ матери. Клечэ со звѣрски закушенной губою бросился къ Веллѣ, крѣпко обхватилъ ее и потащилъ къ дверямъ. Винокуръ вцѣпился въ его венгерку, осыпая непонятными ругательствами. Баронъ Ласло, выхвативъ тотъ самый

революверъ, которымъ онъ только что изуродовалъ портретъ въ гостиной, выстрѣлилъ въ упоръ въ Янкеля. Отецъ съ круглой ранкою возлѣ уха упалъ. Велля отбивалась, съ безуміемъ отчаянія царапалась, кусаясь. Взбѣшенный графъ Клечэ, — она раскровянила ему щеку, — ударилъ ее кулакомъ по лицу. Велля потеряла сознаніе. Офицеры подняли ее на руки и унесли. Мать въ съѣхавшемъ на бокъ парикѣ бѣжала за ними, что-то выкрикивая. Получивъ ударъ саблей, рухнула ничкомъ, впиваясь пальцами въ пыльную дорогу плотины.

8.

Съ уменьшеніемъ разстоянія между нимъ и разъѣздомъ, Максимъ становился пьянѣе. И совсѣмъ уже вразладъ и нелѣпо выходило у него:

Ишовъ Грыць съ вечорныць.
Темненькой ночи...

Анна Николаевна въ своей неуклюжей свиткѣ и съ головою закутанная въ платокъ, беззвучно шептала молитву. Никогда еще даже въ раннемъ, наивномъ дѣтствѣ не молилась она такъ горячо... Вотъ всадники совсѣмъ близко. Выросли громадными силуэтами. Слышенъ здоровый запахъ сильныхъ вспотѣвшихъ коней и новыхъ кожаныхъ сѣделъ. Гусары спрашиваютъ что-то по-венгерски. Максимъ, размахивая руками, несетъ чепуху:

— Ото-жъ моя кума, паны мои ясные, ну то мы идэмъ у Красноселку съ кумою, выпили по чарци, дай вамъ Богъ здоровья, ну и до дому...

Гусары, перемолвившись чѣмъ-то, пропустили ихъ, двинулись дальше. И когда исчезли за бугромъ, Максимъ прошепталъ:

— Слава Богу, пронесло!..

Опасность миновала. У Анны Николаевны отъ радости подкашивались ноги.

— Ходимъ, пани, ходимъ, свѣтъ не близкій!

Средь безмолвныхъ полей выросли на гребнѣ пологаго холма силуэты вытянутыхъ построекъ. Собачій лай, острый запахъ конопли.

Максимъ поднялъ на ноги всю экономію, впрочемъ, она и такъ была вся на ногахъ, встревоженная близостью непріятеля.

Венгерскіе патрули успѣли побывать и въ Красноселкѣ.

Нашли какой-то, не по росту и не по фигурѣ, большой жакетъ, — Ловицкая накинула его, — путь предстоялъ не близкій ночью, холодной и звѣздной. Бѣглянка уѣхала въ городъ.

Максимъ лишь къ полуночи вернулся въ Чарноставъ. Вернулся уже напрямикъ, сжатымъ полемъ. Обогнулъ усадьбу и — на деревню. У винокурова дома боязливо жалась толпа. Говорили сдавленнымъ шопотомъ. Мать Велли стонала еще. Кто-то обмывалъ ей окровавленную голову. Разъѣздъ гусаръ съ обнаженными саблями галопомъ бросился вдоль плотины. Толпа — вразсыпную. Всадники бранясь по-венгерски, били плашмя бѣгущихъ. Кто-то упалъ, кое-кого подмяли лошади. Крики, женскій визгъ, собачій лай, сумятица...

Максимъ успѣлъ нырнуть въ сѣни. Дверь въ комнату открыта была настежь. У самаго порога лежалъ, раскинувъ руки, Духовный. Черная борода слиплась отъ крови, а закостенѣвшіе

пальцы сжимали что-то маленькое. При трепетномъ свѣтѣ одинокой сальной свѣчи, Максимъ разсмотрѣлъ кусочекъ желтаго шнура...

Максимъ покачалъ головой.

У этого, всякіе виды видавшаго, контрабандиста созрѣлъ планъ погибели проклятыхъ «гицелей», — такъ окрестилъ онъ хозяйничающихъ въ Чарноставѣ мадьяръ. Но прежде всего необходимо обезвредить Франца Алексѣевича. Своей угодливой болтовней онъ можетъ все испортить.

Этцель жилъ въ самомъ зданіи завода. Для него отремонтированы были три комнаты, куда этотъ всѣхъ и во всемъ подозрѣвающій человѣкъ, никого не пускалъ.

Максимъ, разбудивъ кучера, добылъ у него пукъ тонкой бичевки. Здоровенный кучеръ Иванъ жаловался. Венгерскій унтеръ-офицеръ хотѣлъ взять себѣ новенькое дамское сѣдло. Иванъ вступился. Венгры накинулись на него скопомъ, избили, а сѣдло все таки отняли.

Максимъ не слушалъ. То, что не давало ему покоя, поважнѣе всякихъ сѣделъ. Вотъ онъ подъ колоннами завода. Глянулъ вверхъ, въ одномъ окнѣ свѣтъ. Это хорошо, но это еще не все. Максимъ пересѣкъ дворъ и навелъ въ кухнѣ справки. Офицеры, оказывается, расположились во флигелѣ для гостей. Потребовали еще вина, разнесли погребъ. Тамъ у нихъ Велля, — черезъ весь дворъ съ крикомъ волокли, Стасю затащили: «Не приведи Богъ, что творится... Даже близко подойти страшно!..»

Максимъ вернулся къ заводу, толкнулъ большую тяжелую дверь и, освоившись съ охватившей темнотою, поднялся по деревянной, вин-

томъ круглившейся лѣстницѣ. Узенькая полоска свѣта. Максимъ постучалъ:

— Цо тамъ такего? — недовольный голосъ Этцеля.

— Отчинитъ, пане, смертоубійство!..

Со звономъ щелкнулъ замокъ. Францъ Алексѣевичъ подошелъ къ двери.

— Ну?..

— Несчастье, пане, Янкелева дочка зарізала старшаго офицера... Васъ туда кличутъ.

Новость была ошеломляющая. Францъ Алексѣевичъ, вопреки обычной осторожности своей, впустилъ Максима въ полутемную переднюю. Слѣдующая комната — кабинетъ. Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ большой портретъ Франца-Іосифа. Лампа съ зеленымъ абажуромъ кидала на него мертвенно-холодные отсвѣты.

Максимъ, не теряя времени, охватилъ Этцеля крѣпкимъ объятіемъ, зажавъ его руки. Повалилъ и, надавливая колѣномъ грудь, стискивая горло, допытывался:

— А теперь сознавайся, швабская псина, все равно одинъ конецъ... — сказалъ ты этимъ венграмъ про болото, чи нѣтъ?..

Этцель бился, хрипѣлъ. Выкатившіеся глаза горѣли бѣшеной злобой... Максимъ при всей своей громадной силѣ, съ трудомъ удерживалъ подъ собою этого сухого, какъ скелетъ, человѣка. Быстрымъ движеніемъ охотникъ вынулъ изъ кармана своей свитки ножъ и приставилъ его къ шеѣ Этцеля.

— Будешь ты говорить?

— Я ницъ не мувилъ про блото, не успѣлъ, ницъ не мувилъ!.. Пусти меня, я тебѣ добре заплатитъ — судоржно бился Этцель.

— Знаемъ твои платы!..

Рукояткой ножа Максимъ ударилъ Этцеля по головѣ. Еще и еще... Этцель затихъ и вытянулся, потерявъ сознаніе. Максимъ сунулъ ему въ ротъ его же собственный носовой платокъ и, какъ мумію, спеленалъ бичевкою обезпамятѣвшаго австріяка. Осторожно спустился съ нимъ по лѣстницѣ и — на заводъ. Приподнявъ мѣдную крышку одного изъ перегоночныхъ котловъ, Максимъ бросилъ на дно Этцеля, а крышку — на свое мѣсто.

Вспомнивъ что-то Максимъ вернулся на квартиру Франца Алексѣевича взялъ съ собою его пальто, шляпу и погасилъ выгоравшую лампу

9.

Къ полудню пріѣхалъ изъ сосѣдняго мѣстечка женихъ Велли. Этотъ молодой человѣкъ, румяный, безусый и въ модномъ котелкѣ съ плоскими полями, былъ портной. Беззаботно помахивая тросточкой, направлялся онъ къ дому Янкеля Духовнаго. И вмѣсто радостной встрѣчи — покойницкая. Женихъ увидѣлъ трупъ Янкеля, жены его и Велли. Дѣвушка, отпущенная раннимъ утромъ изъ флигеля пьяными мучителями своими, почернѣвшая, истерзанная, бросилась въ прудъ. Рыбаки вытащили изъ воды ея тѣло. Отецъ, мать и дочь лежали рядомъ на полу, средь неприбранныхъ слѣдовъ разгрома. Такъ засталъ ихъ портной Исаакъ Варшавскій. Онъ плакалъ и бился въ жесточайшей истерикѣ, а сердобольные люди отливали его водой. А когда онъ пришелъ въ себя, то дѣтскія всхлипыванія смѣнились у него проклятіями. Онъ

грозилъ кому-то кулаками... Его значительно и сурово поманилъ къ себѣ пальцемъ охотникъ и контрабандистъ Максимъ Недбай. Уединившись, они долго и настойчиво говорили. Вѣрнѣе, говорилъ одинъ Максимъ. И когда Максимъ кончилъ, слезы молодого человѣка высохли. Онъ съ рѣшимостью кинувъ головой, схватилъ Максима за обѣ руки, и стиснулъ ихъ... И это было похоже на клятву

Три графа и баронъ поздно встали съ тяжелыми головами. Глаза мутные. Графъ Клечэ, смотрясь въ овальное, вынутое изъ щегольскаго несессера зеркало, долго не могъ понять, откуда взялись у него эти царапины, обезобразившія красивое лицо? И, наконецъ, вспомнилъ:

— Ахъ, это жидовка!..

Денщики на цыпочкахъ, осторожно лавируя между валявшимися бутылками, саблями, гусарскими сапогами, биноклями, полевыми сумками, окачивали буйныя головы своихъ господъ холодной водою. Графъ Клечэ велѣлъ принести себѣ изъ вьюковъ запасную венгерку, вмѣсто вчерашней съ оторваннымъ шнуркомъ. Одѣвшись, прицѣпивъ сабли, офицеры, какъ ни въ чемъ ни бывало, направились въ бѣлый домъ съ «утреннимъ визитомъ» къ хозяйкѣ, и опять, пройдя всю амфиладу, черезъ пропахшую сигарнымъ дымомъ столовую съ паркетомъ въ лужахъ застывшаго соуса, черезъ гостиную съ прострѣленнымъ портретомъ, они уперлись въ закрытую дверь. Монументальный, считавшійся первымъ силачомъ въ «самомъ аристократическомъ полку», Этчевери высадилъ дверь. Въ спальнѣ пусто, открыто окно и не смята постель.

— Убѣжала, дура!..

— Тѣмъ хуже для нея!..

Офицеры принялись хозяйничать въ спальнѣ. Баронъ вскочилъ на широкую венеціанскую кровать, и, напѣвая «пупсика» отхватывалъ кэкъ-уокъ своими длинными, какъ спички худыми, обтянутыми въ красные рейтузы, ногами. Три графа занялись болѣе существеннымъ: стали обшаривать комодъ краснаго дерева, второпяхъ незакрытый Анной Николаевной. Они нашли шкатулку въ перламутровыхъ инкрустаціяхъ съ драгоцѣнностями на нѣсколько тысячъ. Графъ Чакки, на правахъ старшаго, взялъ себѣ брильянтовое колье, предоставивъ молодымъ лейтенантамъ кольца, браслеты и броши...

Солнечный августовскій день безконечнымъ казался. Офицеры велѣли осѣдлать коней. Надо проѣхаться по деревнѣ. Вспомнили Этцеля, — и его взять съ собою, тоже кавалериста въ прошломъ. Но Этцеля не оказалось дома. По словамъ наученной Максимомъ прислуги, Францъ Алексѣевичъ уѣхалъ утромъ въ сосѣднее мѣстечко по какому-то дѣлу и не возвращался.

На вымершей деревнѣ — все живое попряталось, — офицеры застрѣлили нѣсколько свиней и собакъ и, довольные, вернулись къ позднему завтраку.

А вечеромъ, когда всплылъ надъ чернымъ лѣсомъ узенькій серпъ мѣсяца, графу Чакки, — онъ сидѣлъ на крыльцѣ флигеля съ сигарой, — доложили, что его хочетъ видѣть по важному дѣлу какой-то еврей.

Это былъ Исаакъ Варшавскій. Не глядя на ротмистра, чтобъ тотъ даже средь луннаго сумрака не могъ видѣть его глазъ, Варшавскій заговорилъ по-нѣмецки.

Онъ хочетъ оказать важную услугу. Дѣло въ томъ, что казачій патруль захватилъ передъ вечеромъ возвращавшагося изъ мѣстечка въ усадьбу Этцеля. Его приказано доставить въ Луцкъ. Вмѣстѣ со своимъ плѣнникомъ они заночевали въ сосѣднемъ лѣсу. Ихъ выдали мѣстные крестьяне. Если господинъ графъ соблаговолитъ пройти къ воротамъ, онъ увидитъ костеръ...

— А сколько ихъ? — встрепенулся графъ.

— Человѣкъ... человѣкъ пять... — запнулся Варшавскій, боясь болѣе крупной цифрою напугать венгерскаго офицера.

Графъ кликнулъ изъ флигеля валявшихся на кроватяхъ лейтенантовъ и всѣ они вмѣстѣ прошли къ воротамъ. Дѣйствительно, за версту приблизительно у самой опушки лѣса, горѣлъ костеръ. Горѣлъ межъ деревьями, таинственно и одиноко.

— Господа, мы окружимъ ихъ и часть перебьемъ, часть возьмемъ въ плѣнъ! Это будетъ первое наше боевое крещеніе, — воскликнулъ ротмистръ.

— Второе поправилъ баронъ, — намекая на расправу съ винокуромъ и его женою.

Охваченные боевымъ пыломъ, отъ радости ногъ не чуяли подъ собою. Они захватятъ въ плѣнъ казаковъ! Шутка ли, этихъ самыхъ легендарныхъ казаковъ, о которыхъ идетъ такая слава!..

Развернутый лавою эскадронъ съ офицерами во главѣ двинулся на болото, подвигаясь къ лѣсу. Онъ окружитъ казаковъ со всѣхъ сторонъ, лишитъ ихъ возможности бѣгства. Огонь костра былъ путеводной звѣздочкой. Эта неосторож-

ность погубитъ ихъ... Гусары шли рысью, придерживая сабли... Но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось тяжелѣй лошадямъ. Они увязали въ густомъ, засасывающемъ болотѣ. Рысь волей-неволей смѣнилась медленнымъ, мучительнымъ шагомъ. Кони проваливались, разбрызгивая вокругъ себя тучи грязи...

Ужасъ охватилъ и офицеровъ, и солдатъ.

— Назадъ!..

Но было уже поздно возвращаться. Лошади съ тревожнымъ фырканьемъ застрѣвали по брюхо въ тинѣ. И это въ какихъ-нибудь двухстахъ шагахъ отъ берега. Всадники, чуя медленную гибель, надѣясь на болѣе легкій вѣсъ свой прыгали въ болото. Но сдѣлавъ два-три шага, сами провалились въ эту втягивающую неумолимую трясину. И дикій, животный крикъ стономъ повисъ надъ предательскимъ болотомъ... А тамъ впереди, у опушки лѣса, разгорался заманчивый костеръ, освѣщая черныя сосны искрящимся пламенемъ своимъ...

Все отчаяннѣй и безнадежнѣй крики... Все глубже погружались въ тину и люди, и лошади...

Ужъ видны только головы. Надъ ними руки, хватающія воздухъ. Потомъ исчезли и руки, и головы... Смолкли дикіе вопли... И стало тихо. И какъ всегда была загадочна и пустынна гладь ночного болота...

СОДЕРЖАНІЕ.